

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 6 № 2/2020

DISCOURSE

Volume 6 No. 2/2020

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2020

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике.

Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей междисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No F577-62347 of 14.07.2015)
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year

Accepted Languages: Russian, English

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof.

Popov Str., St Petersburg 197376, Russia

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskeya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics)

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Морозов А. А., Денисенко С. В. Нормативность профессиональной морали и метаэтика	5
Черных С. И., Изгарская А. А. Тенденции и особенности образовательной миграции в современной России	15
Shcherbak N. F., Taunay A. The Prose by Salinger and the Metaphysics of Gilles Deleuze	29

СОЦИОЛОГИЯ

Шарахина Л. В., Ранчин А. В. Профессиональная подготовка в сфере «рекламы и связей с общественностью» в регионах России: проблема брендинга образовательной организации	44
Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмак О. В., И Ши, Камышина Е. А. Социальное самочувствие населения мегаполиса как интегральный показатель	61
Игнатьев В. И. Онтология дополненной реальности	80
Игнатушко И. В. «Революция достоинства» на Украине в контексте цивилизационного выбора	97

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 4. Language	107
Kiseleva S. V., Mironova M. Yu., Trofimova N. A. The Problems of Conceptualization and Categorization in English Terminology	115
Песина С. А. Понятие «семантический инвариант» в ряду когнитивных терминов	125
Панкратова С. А. Негативизм в переводе киноназваний: переводческая трансформация или трансформация сознания?	134
Правила представления рукописей авторами	143

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Morozov A. A., Denisenko S. V. Normativity of Professional Morality and Metaethics	5
Chernykh S. I., Izgarskaya A. A. Trends and Peculiarities of Educational Migration in Modern Russia	15
Shcherbak N. F., Taunay A. The Prose by Salinger and the Metaphysics of Gilles Deleuze	29

SOCIOLOGY

Sharakhina L. V., Ranchin A. V. Advertising and Public Relations Professional Education in the Regions of Russia: Educational Organizations Branding Issues	44
Deriugin P. P., Lebedintseva L. A., Yarmak O. V., Yi Shi, Kamyshina E. A. Social Well-being of the Megalopolis Population as an Integral Indicator	61
Ignatyev V. I. Ontology of Augmented Reality	80
Ignatushko I. V. “The Revolution of Dignity” in Ukraine in the Context of Civilizational Choice	97

LINGUISTICS

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 4. Language	107
Kiseleva S. V., Mironova M. Yu., Trofimova N. A. The Problems of Conceptualization and Categorization in English Terminology	115
Pesina S. A. The Concept “Semantic Invariant” as a Cognitive Term	125
Pankratova S. A. Negativity in Filmonyms Translation: Interpretative Transformation or the Transformation of the Mind?	134

Нормативность профессиональной морали и метаэтика

А.А. Морозов[✉], С.В. Денисенко

Омская академия МВД России, Омск, Россия

[✉]moroz_may@mail.ru

Введение. В статье рассмотрена проблема обоснования профессиональной морали. Акцент сделан на профессионально-этических проблемах деятельности сотрудников органов внутренних дел. Целью данной статьи является создание такого варианта обоснования нормативности профессиональной морали (на примере этики сотрудника органов внутренних дел), в котором соединены традиционные источники нормативности и возможности метаэтического дискурса. Необходимость обновленного понимания нормативности профессиональной морали проистекает из потребности новой методологии создания профессионально-этического стандарта сотрудника органов внутренних дел.

Методология и источники. В статье предложено метаэтическое обоснование профессиональной морали сотрудника правоохранительных органов с опорой на идеи К. Корсгаард и Дж. Томсон, предложивших в своих работах различные варианты обоснования нормативности морали. Мы исходим из признания того, что профессионально-этический стандарт, а также его обоснование не являются окончательным вариантом нашего понимания проблем профессиональной морали. Наш подход к их осмыслению основан на тулминовском принципе интеллектуальной инициативы, позволяющем рационально пересоздавать имеющиеся конструкты.

Результаты и обсуждение. Перевод профессионально-этической проблематики в дискурс метаэтики создает предпосылки для обретения убедительности требований профессиональной морали. Нормативная этика как основа профессиональной морали вполне согласуется с метаэтическим ответом на проблему нормативности, обозначаемым как «волюнтаризм». Однако при этом последний мало что добавляет с позиции рефлексивности наших убеждений. Значительно убедительнее выглядит позиция, называемая «призывом к автономии». В ее основе лежат кантианское положение о том, что моральные требования обретают реальность в собственной воле личности. Именно она есть главный источник нормативности. Важным шагом, придающим цельность обоснованию нормативности профессиональной морали, является преодоление абсолютизма этических высказываний. Этому служит анализ нормативных суждений с учетом их отнесения к контексту конкретной сферы деятельности.

Заключение. Сближение дискурсов нормативной этики и метаэтики позволяет выработать обоснование нормативности, в котором формальное описание требований профессиональной морали соединяется с внутренней способностью личности соотносить собственные действия и решения с профессионально-этическими приоритетами. Только формирование самостоятельной свободной личности образует основания нормативности профессиональной морали.

Ключевые слова: нормативность, мораль, профессиональная этика, правоохранительная деятельность, традиция, метаэтика.

Для цитирования: Морозов А. А., Денисенко С. В. Нормативность профессиональной морали и метаэтика // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-5-14

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.01.2020; принята после рецензирования 11.03.2020; опубликована онлайн 27.04.2020

Normativity of Professional Morality and Metaethics

Andrey A. Morozov✉, Snezhana V. Denisenko

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia

✉gpa-olgakireeva@mail.ru

Introduction. The paper deals with the problem of justification of professional morality. The emphasis is placed on professional and ethical problems of the activity of employees of internal Affairs bodies. The purpose of this paper is to create a version of the justification of the normativity of professional morality (for example, the ethics of an employee of internal Affairs bodies), which combines the traditional sources of normativity and the possibility of metaethical discourse. The need for an updated understanding of normative and professional morals stems from the need for a new methodology for creating a professional and ethical standard for an employee of internal Affairs bodies.

Methodology and sources. The paper offers a methodological justification of the professional morality of a law enforcement officer based on the ideas of K. Korsgaard and J. Thomson, who proposed in their works various options for justifying the normativity of morality. We proceed from the recognition that the professional and ethical standard, as well as its justification, is not the final version of our understanding of professional morality. Our approach to understanding them is based on the Tulmin's principle of intellectual initiative, which allows us to rationally recreate existing constructs.

Results and discussion. The translation of professional and ethical issues into the discourse of metaethics creates the prerequisites for gaining the credibility of the requirements of professional morality. Normative ethics as the basis of professional morality is in good agreement with the metaethical response to the problem of normativity, referred to as "voluntarism". However, the latter adds little to the reflexivity of our beliefs. The position called "call for autonomy" is much more convincing. It is based on the Kantian proposition that moral demands take on reality in the individual's own will. It is the main source of normativity. An important step that gives integrity to the normativity of professional morality is to overcome the absolutism of ethical statements. This is the analysis of normative judgments, taking into account their reference to the context of a particular field of activity.

Conclusion. The convergence of the discourses of normative ethics and metaethics allows us to develop a justification of normativity, in which the formal description of the requirements of professional morality is combined with the internal ability of the individual to correlate his own actions and decisions with professional and ethical priorities.

Key words: normativity, morality, professional ethics, law enforcement, tradition, metaethics.

For citation: Morozov A. A., Denisenko S. V. Normativity of Professional Morality and Metaethics. DISCOURSE.2020, vol. 6, no. 2, pp. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-5-14(Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.01.2020; adopted after review 11.03.2020; published online 27.04.2020

Введение. Человек в современном мире оказывается в непреходящем состоянии выбора, причем это выбор из открытого списка возможностей. Готовые жизненные сценарии, в которых расписаны роли, характеры, возможности, убеждения и верования, устранены парадигмой модерна. Дело усугубляется тем, что основания этого выбора не всегда ясны и часто оказываются неубедительными даже для самого выбирающего. Такая ситуация несет в себе слабый драматизм, когда дело касается проведения досуга в ближайшие выходные или даже планов на отпуск. Однако напряжение стремительно нарастает при необходимости морального выбора, создающего перспективу дальнейшего существования и личной ответственности. Особенную значимость этот выбор приобретает в процессе осуществления профессиональной деятельности, последствия которой, благоприятные или неблагоприятные, касаются широкого, а иногда неопределенного круга лиц. В первую очередь это относится к областям медицины, образования, правоохранительной деятельности, государственной и муниципальной службы.

Профессиональные сообщества стремятся обеспечить деятельность своих представителей профессионально-этическими стандартами, которые выстраиваются на признании специфики конкретной профессиональной деятельности. Создаются деонтологические документы, закрепляющие эти стандарты. Однако необходимо признать, что быстрый успех в этой деятельности не гарантирован. Так, в органах внутренних дел в постсоветский период было создано два профессионально-этических кодекса: «Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации» (принят в 1993 г., отменен в 2008 г.), «Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (принят в 2008 г., отменен в 2012 г.). Нет оснований утверждать, что они не отражали специфики правоохранительной деятельности. Каждый из них в свое время получил серьезное обоснование в научных разработках ведомственных научных и образовательных организаций, в научных статьях и учебной литературе.

За последние два десятилетия появились сотни публикаций, в которых формулируются, анализируются, решаются проблемы профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел. Помимо общих работ, охватывающих проблематику в целом, множество работ посвящено обоснованию антикоррупционного стандарта [1], предотвращению профессионально-этической деформации сотрудников [2], формированию образа сотрудника в современном обществе и культуре [3]. В настоящее время значительное внимание уделяется необходимости разработки и принятия Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел [4].

В этом многообразии работ отсутствуют попытки серьезного обоснования профессионально-этических требований, по большей части воспринимающиеся как данность, источники которой остаются вне пределов внимания. Отсылка только к законодательству и деонтологическим документам как источникам морального должностования может становиться основой скепсиса в отношении профессиональной морали. В условиях изменчивости источников последняя также осмысливается как неустойчивый конструкт. Именно поэтому в данной статье предпринимается попытка использовать ресурсы метаэтики в обосновании профессиональной морали.

Обращение к работам западных философов К. Корсгаард и Дж. Томсон оказывается абсолютно не случайным. Во-первых, в своих сочинениях они проанализировали метаэти-

ческий дискурс, выделили основные подходы к возможности обоснования нормативности морали, предложили собственные варианты решения проблемы нормативности морали. Во-вторых, работы «Источники нормативности» К. Корсгаард [5] и «Нормативность» Дж. Томсон [6] не только породили серьезные дискуссии в англоязычной литературе, но и стали отправными точками для дальнейшего анализа проблематики нормативности. При том что Корсгаард и Томсон предлагают совершенно разные варианты рассуждения о нормативности, для решения задачи данной статьи мы можем использовать их отдельные положения, демонстрируя последовательный прагматизм в рассуждениях.

Методология и источники. Профессиональное сообщество создает профессионально-этический стандарт, содержащий систему обоснованных требований к любому человеку, вступившему в его ряды. В деятельности сотрудника правоохранительных органов моральный аспект имеет фундаментальный характер. Присутствие несправедливости, дискриминации, насилия, бесправия в правоохранительной деятельности превращают ее в собственную противоположность.

Конечно, изучение и усвоение профессионально-этических представлений и требований к поведению сотрудника правоохранительных органов в значительной степени относится к области практической этики, задача которой – «найти приемлемые решения современных и практически неотложных моральных проблем» [7, с. 194]. Вместе с тем это не отменяет проблему нормативности профессиональной морали. Ее содержание состоит в вопрошании (по словам К. Корсгаард) о том, что оправдывает требования, которые мораль предъявляет нам [5, с. 23]. Для полноценного обоснования нормативности профессиональной морали необходимо соединить возможности нормативной этики и метаэтики.

Результаты и обсуждение. Традиционным способом решения проблемы нормативности является обращение к специфике профессии, сложившимся традициям, деонтологическим документам.

Служба в органах внутренних дел представляет собой специализированную деятельность, направленную на защиту прав и свобод граждан, основ государственного строя, охрану общественного порядка, обеспечение законности и общественной безопасности. Эта деятельность реализуется в постоянном взаимодействии с коллегами, законопослушными гражданами и правонарушителями, представителями иностранных государств, органами власти и самоуправления, многообразными социальными институтами. Служба в органах внутренних дел порождает значительный объем моральных проблем, ситуаций выбора и неопределенности, что требует от сотрудника особой моральной чувствительности, способности распознавать этические вопросы, умения быстро и четко соотнести сложившуюся ситуацию и требования, предъявляемые к нему как сотруднику. Это относится к любому сотруднику, так как каждое подразделение органов внутренних дел, решая возложенные на него задачи, вносит свой необходимый вклад в достижение целей и смысла существования правоохранительных органов.

Служебные традиции органов внутренних дел Российской Федерации выполняют задачи объединения и воспитания профессионального сообщества. Традиции служебной деятельности полиции, возникшие на основе воинских традиций, постепенно приобрели именно полицейское воплощение. Они создают профессиональную субкультуру полицейской службы, закрепляющую основные смыслы и ценности службы: долг, честь, достоинство, государственность, гражданственность, патриотизм.

Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел имеет ярко выраженный деонтологический характер. Как известно, понятие «деонтология» было введено в этику английским философом-моралистом и правоведом Иеремией Бентамом, сочинение которого «Деонтология, или наука о морали» увидело свет в 1834 г. В его понимании задача деонтологии – придать социальным мотивам всю силу личных мотивов, убедить, что личные интересы и обязанности перед обществом совпадают [8, с. 626]. В настоящее время деонтология понимается как этика долга, в которой выражение нравственной позиции происходит в виде императивов, выражающих долженствование или запрет.

Вместе с тем профессиональная этика сотрудника органов внутренних дел помимо деонтологического включает также аксиологическое содержание. Аксиология – учение о ценностях, в котором исследуются характеристики и иерархия ценностей, способы их познания, специфика ценностных суждений. Следование принципам служебной деятельности сочетается с утверждением ценностей службы и общественного развития. Ценности службы выражают такое состояние нравственности сотрудника, его гражданскую позицию, состояние отношений между обществом и органами внутренних дел, которые обеспечивают нравственный характер деятельности сотрудника органов внутренних дел. Долг признается ведущей ценностью профессиональной морали именно в тех профессиях, которые связаны с ценностью человеческой жизни.

Деонтология является примером нормативной этики. Полицейская деонтология, возникающая на стыке профессиональной этики и социологии морали, показывает, что механизмы связи между населением и профессиональным сообществом работают как социальный заказ в форме текстов кодексов. Полицейская деонтология в качестве социального института складывается на основе многих факторов: национальных особенностей, исторических этапов формирования полиции, традиций и обычаев.

Уточнение и закрепление деонтологических норм, доведение их до личного состава, осознание их значимости каждым сотрудником – такова задача практической полицейской деонтологии.

Полицейская деонтология как учение о долге и должном поведении должностных лиц, обладающих властными полномочиями в рамках своих профессиональных обязанностей, неоднократно обращается к профессиональным традициям, оформляющим ценность долга. Военные предписания, относящиеся к почестям, нормам вежливости и отдания чести, безусловно, применимы в поведении полицейских [9, с. 113–114].

Обращение к деонтологическим документам и законодательной основе деятельности сотрудника формирует ответ по проблеме нормативности морали, который К. Корсгаард называет волюнтаризмом, согласно которому «моральное обязательство выводится из приказа того, кто легитимировал власть морального агента и может издавать законы для него. Ты должен делать правильные вещи, потому что Бог так установил, или потому что политический суверен сделал его законом» [5, с. 24]. Мы можем следовать указаниям законодателя, по крайней мере, исходя из трех разных оснований. Во-первых, мы можем принимать их как безусловное благо, приносящее пользу и нам, и окружающим. Тогда мы следуем им в силу того, что они утверждают *хороший* вариант развития событий. Во-вторых, мы можем подчиняться деонтологическим и законодательным требованиям из-за страха негативных санкций, связанных с лишением, наказанием и прочими негативными последстви-

ями, или вследствие ожидания позитивных санкций, формирующих надежду на улучшение собственного положения.

В-третьих, подчиняться требованиям профессиональной морали можно, отказавшись от любой рефлексии, в силу того, что эти требования существуют, и сам факт их существования делает обязательным следование им. Это наименее осмысленный вариант выбора. Его слабой стороной является то, что делает такого сотрудника потенциально легким объектом манипуляции. Да и в целом, волюнтаризм, получивший первоначальное обоснование у Самуэля фон Пуфендорфа и Томаса Гоббса, уязвим, прежде всего, с эмпирической точки зрения, так как исходит из безусловной безгрешности законодателя и имманентной разумности морали.

К. Корсгаард предлагает еще три, по ее мнению, удачных ответа на вопрос, что делает мораль нормативной. Реализм, утверждающий предзаданную истинность моральных высказываний, и позиция, называемая «рефлексивным одобрением» и возводящая мораль к человеческой природе, имеют ограниченные возможности для решения проблемы нормативности профессиональной морали. Тогда как четвертый вариант ответа – *призыв к автономии* – предоставляет большие возможности для этого. Это кантианская позиция, которая указывает на то, «что источники нормативности моральных требований должны быть найдены в собственной воле личности, в частности, в признании того, что законы морали есть законы собственной воли личности» [5, с. 25]. Таким образом, мы выходим на проблему формирования личности, способной к самостоятельному моральному действию, законодательствующей самой себе. Целью наших усилий становится личность, властвующая сама над собой. Мораль становится реальной независимой силой тогда, когда причина наших действий внутренне нормативна. Именно в этом случае традиции, деонтологические документы, осознание специфичности своей деятельности становятся необходимой основой себе законодательствующего разума.

Однако специфика правоохранительной деятельности порождает ряд затруднений морального свойства. В частности, раскрытие и расследование преступлений, охрана общественного порядка предполагают множество действий, которые в свете моральных суждений оказываются достаточно сомнительными, чтобы дать им позитивную моральную оценку. Нормативность профессиональной морали в отношении оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел требует особого размышления. Двойственный характер норм профессионального поведения сотрудников оперативных служб порождается негласным характером подготовки и достижения поставленных задач, главной из которых является борьба с преступностью. Норма поведения в этой профессиональной сфере чаще всего закрыта от широкой общественности, она не всегда закреплена в законодательстве, рассматривается в сугубо профессиональных кругах, изданиях, источниках [10, с. 21]. Открытость и доступность таких профессиональных норм ставят под угрозу саму успешность оперативно-тактических задач.

Этика оперативно-розыскной деятельности допускает комплекс неоднозначных поступков и стилей поведения. Такие нормы, как приемы введения в заблуждение, использование конфиденциального содействия, тактические приемы, и есть нормы профессиональной морали негласного характера. Закрытый характер требует внутренней профессиональной согласованности, договоренности, морального обоснования, например, введения критерия

крайней моральной необходимости, указания границ моральной допустимости действий, не имеющих правового закрепления [10, с. 23]. И в то же время кантианский запрет «лжи во спасение» сохраняет свою актуальность, так как четко определены правовые границы и условия применения специальных методов оперативно-розыскной работы. Это исключает произвольность в действиях сотрудников правоохранительных органов, согласовывает их с такими основными нравственными принципами правоохранительной деятельности, как законность и справедливость. Эти принципы предполагают утверждение ценностей правды, равноправности людей. Каким образом? Это происходит в силу того, что индивид, принимая решение о нарушении закона, знает (или должен знать) о возможности применения в его отношении мер особого характера. Иначе говоря, обе стороны, сотрудник полиции и правонарушитель, знают правила игры прежде, чем она началась.

Оперативный сотрудник в процессе выполнения профессиональных задач неизбежно сталкивается с проблемой морального выбора того или иного средства достижения поставленной цели, которая не имеет единого и четко сформулированного подхода в профессиональном сообществе. Попытка ввести в норму деонтологический текст, создав этический кодекс оперативной работы, не увенчалась успехом [10, с. 24]. Практические сотрудники и ученые пришли к осознанию *необходимости активной запрещающей нормы* всех тех действий, которые нарушают доверие к представителям власти, причиняющих моральные страдания за действия, не связанные с противоправным поведением. Также недопустимо эксплуатировать моральные страдания участников правонарушения, использовать родственные мотивы и прямо воздействовать на третьих лиц, не вовлеченных в преступную деятельность. Такие нормы в самом широком смысле активизируют нравственную ситуацию в профессиональной среде.

Примирить специфику деятельности сотрудника правоохранительных органов и моральные требования возможно только через отказ абсолютизации наших моральных суждений без учета всех условий, в которых совершаются конкретные поступки. Абсолютизация моральных суждений при столкновении с имеющейся реальностью приводит к тому, что человек формулирует для себя дилемму: отказаться от действия или от морального требования. Это часто провоцирует формирование моральной неразборчивости и морального нигилизма. Именно неспособность понять сущность отношений морального сознания и сложности жизненных обстоятельств приводит к сомнению в самой возможности осуществления правоохранительной деятельности в контексте моральных требований. Тогда профессиональная этика превращается в формальную декларацию, которая играет функцию украшения парадного фасада правоохранительной системы.

Возвращаясь к «призыву к автономии» и признавая, что «автономия – это источник обязательств» [5, с. 107], мы должны понять, на каких исходных максимах эта автономия может действовать. И не приведет ли отказ от абсолютизации моральных суждений к моральному релятивизму? Здесь мы обратимся к размышлениям Джудит Томсон о нормативности морали.

Дж. Томсон в работе «Нормативность» начинает свои рассуждения с различия суждений нормативных и ненормативных. В первом случае нормативные суждения основаны на долженствовании, тогда как ненормативные – на констатации фактов. В качестве нормативных Томсон также рассматривает оценочные суждения. Делая различие между суж-

дениями-указаниями и суждениями-оценками, она приступает к анализу понятия «совершенство (благо, добродетель)». Из построений Дж. Э. Мура она формулирует Тезис Совершенства, суть которого сводится к тому, что свойство совершенства (блага, добродетели) присуще всем хорошим вещам. Томсон развертывает из положений Дж. Э. Мура обоснование этого тезиса. Однако затем приводит опровержение.

Дж. Томсон рассуждает о совершенстве, об относительном характере утверждений о совершенстве. Для большей наглядности она прибегает к аналогичным утверждениям о большом и задается вопросом, будут ли утверждения о большом истинными. Она приходит к выводу, что невозможно установить какой-либо стандарт большого. Слон, высотное здание, галактика могут оказаться и большими, и маленькими в зависимости от того, с чем мы их соотносим. Подобная же логика действует относительно совершенства (блага, добродетели): «В общем, человек, который говорит: “Это есть хорошее (совершенное)” в некотором отношении приписывает свойство “Быть хорошим в отношении R”» [6, с. 9]. Высказывание об отношении можно пропустить в том случае, если его адресату известно об этом отношении.

Заключение. Проецируя рассуждения Дж. Томсон на многие действия, производимые сотрудниками в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (внешнее наблюдение/подглядывание, прослушивание/подслушивание), мы можем им приписать свойство блага только с учетом целей, смысла, значения такой деятельности для обеспечения общественной безопасности, прав и свобод человека и гражданина. В конечном итоге, вся совокупность аргументов Дж. Томсон позволяет согласиться с тезисом, что «нет таких свойств, как быть (просто) хорошим действием, событием, фактом, состоянием дел или возможным миром» [6, с. 26].

Этот вывод ни в коей мере нельзя рассматривать как выражение релятивистских воззрений на мораль. Более того, он позволяет сконструировать и обосновать четкие критерии для формирования профессионально-этических суждений. В правоохранительной сфере существуют аксиоматические приоритеты, с которыми мы можем соотносить оценку действий, поступков. К ним относятся права и свободы человека и гражданина, законность, справедливость. Именно эти приоритеты образуют систему координат, обеспечивающую нравственный выбор и возможность определения сущности наших действий с позиции совершенства (блага, добродетели). Тот путь обоснования нормативности профессиональной морали, который нами предложен, предполагает сближение нормативной этики и метаэтического дискурса.

Согласившись с А. В. Ястребцовой в том, что «единственным средством оправдания целесообразности философской рефлексии в этом направлении является обоюдное стремление метаэтики и нормативной этики к поиску совместных решений по обоснованию нормативности» [11, с. 57], в заключение отметим, что нормативность профессиональной морали становится действенной в процессе интериоризации профессионально-этических суждений, приоритетов, норм и ценностей, а также способов их обоснования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров В. Е., Сенаторова О. Ю. Морально-этические стандарты антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел // Вестн. ВИПК МВД России. 2013. № 3 (27). С. 50–55.

2. Агамиров К. В. Профессиональная деформация нравственных принципов сотрудника правоохранительных органов // Человеческий капитал. 2014. № 2 (62). С. 137–146.
3. Каданцева Н. П. Имидж сотрудников органов внутренних дел России: история и современность // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2012. № 3 (55). С. 183–186.
4. Емельянова Е. В., Батхаев В. В. Деонтологические основания принятия Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 136–142.
5. Korsgaard Ch. M. The Sources of Normativity. The Tanner Lectures on Human Values. 1992. URL: https://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/k/korsgaard94.pdf (дата обращения: 06.12.2019).
6. Thomson J. J. Normativity. Chicago: Open Court, 2008.
7. Кэллахан Дж. От «прикладной» этики к практической: преподавание этики в практическом аспекте // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 193–207.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 1.
9. Кукушин В. М. Полицейская деонтология. Социологический анализ зарубежных концепций. М.: Академия МВД России, 1994.
10. Невский Е. П. Морально-этические аспекты использования рефлексивного управления в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Оперативник (сыщик). 2010. № 2 (23). С. 21–25.
11. Ястребцева А. В. Метаэтика: реализм и антиреализм в современных дискуссиях об основаниях нормативности // Вопр. философии. 2016. № 10. С. 47–57.

Информация об авторах.

Морозов Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук (2001), доцент (2019), доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, пр. Комарова, д. 7, г. Омск, 644092, Россия. Автор 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: нормативность морали и религии, философская антропология, религия в современном мире. E-mail: moroz_may@mail.ru

Денисенко Снежана Валентиновна – кандидат философских наук (1998), доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, пр. Комарова, д. 7, г. Омск, 644092, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел, философия культуры. E-mail: denisenko_s_v@mail.ru

REFERENCES

1. Petrov, V. E. and Senatorova, O. U. (2013), "Moral and ethical standards of anti-corruption behavior of employees of internal Affairs bodies", *Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, no. 3 (27), pp. 50–55.
2. Agamirov, K. V. (2014), "Professional deformation of moral principles of a law enforcement officer", *Human capital*, no. 2 (62), pp. 137–146.
3. Kadantseva, N. P. (2012), "Image of staff of law-enforcement bodies of Russia: history and development directions", *BULLETIN OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA*, no. 3 (55), pp. 183–186.
4. Yemelyanova, E. V. and Batkhayev, V. V. (2017), "Deontological Argumentation for Adopting a Code of Professional Ethics of Service Personnel of Bodies and Units of the Ministry of Internal Affairs", *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii*, no. 4 (44), pp. 136–142.
5. Korsgaard, Ch. M. (1992), *The Sources of Normativity. The tanner lectures on human values*, available at: https://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/k/korsgaard94.pdf (accessed 06.12.2019).
6. Thomson, J. J. (2008), *Normativity*, Open Court, Chicago, USA.

7. Callahan, J. (2009), "From "applied" ethics to practical: teaching ethics in a practical aspect", *Ethical Thought*, no. 9, pp. 193–207.

8. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4-kh t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vol.] (2010), vol. 1, Mysl', Moscow, RUS.

9. Kukushin, V. M. (1994), *Politseiskaya deontologiya. Sotsiologicheskii analiz zarubezhnykh kontseptsii* [Police deontology. Sociological analysis of foreign concepts], Akademiya MVD Rossii, Moscow, RUS.

10. Nevsky, E. P. (2010), "Moral and Ethical Aspects of the Use of Reflection Control in Operational-Investigative Activity of Internal Affairs Bodies", *THE FIELD INVESTIGATOR (SLEUTH) JOURNAL*, no. 2 (23), pp. 21–25.

11. Yastrebtseva, A. V. (2016), "Metaethics: Realism and Anti-realism in Modern Discussions about Foundations of Normativity", *Russian Studies in Philosophy*, no. 10, pp. 47–57.

Information about the authors.

Andrey A. Morozov – Can. Sci. (History) (2001), Docent (2019), Associate Professor at the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Komarova ave., 7, Omsk, 644092, Russia. The author of 60 scientific publications. Area of expertise: normative morality and religion, philosophical anthropology, religion in the modern world. E-mail: moroz_may@mail.ru

Snezhana V. Denisenko – Can. Sci. (Philosophy) (1998), Associate Professor at the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Komarova ave., 7, Omsk, 644092, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: professional ethics of employees of internal Affairs bodies, philosophy of culture. E-mail: denisenko_s_v@mail.ru

Тенденции и особенности образовательной миграции в современной России

С. И. Черных¹, А. А. Изгарская²✉

¹Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

²Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

✉aizgarskaya@gmail.com

Введение. Современное образовательное пространство в условиях приближения VI технологического уклада трансформируется под влиянием многих факторов. Определяющими из них являются технологические прорывы, качественно изменяющие образовательные практики. Глобализация рынка образовательных услуг, развивающееся экономическое неравенство и неравные возможности в разных регионах заставляют людей мигрировать в поисках оптимальных образовательных условий. В свою очередь образовательная миграция все более превращается в экономический механизм извлечения прибыли и становится для региональных образовательных систем своеобразным индикатором их конкурентоспособности. Изучение процессов образовательной миграции становится актуальным. В статье анализируются современные тенденции и особенности образовательной миграции в России.

Методология и источники. Методологическую основу работы составляет междисциплинарный подход. Ряд установок представлен в рамках социокультурного и деятельностного подходов (Н. Ю. Харари, Дж. Найт), экономического пласта рассмотрения проблематики, связанной с теорией миграционных процессов (Э. Г. Равенштейн, Э. Ли, М. Пиоре, И. Валлерстайн), исследованиях российских экономистов, политологов и социологов (А. Н. Джуринский, И. В. Ивахнюк и др.).

Результаты и обсуждение. История формирования национального академического капитала показывает, что сегодня интернационализация является ведущим трендом в его развитии, наряду с экономической, технологической и интеллектуальной составляющими. Это означает, что образовательная миграция как часть процесса интернационализации становится показателем конкурентоспособности региональных образовательных систем. Общая тенденция прослеживается достаточно четко: чем выше качество предоставляемых образовательных услуг и комфортнее экосистема образовательного пространства, тем актуальнее вектор миграции в данный регион. Этот тренд только начали исследовать в России. Но уже очевидно, что состояние регионального образовательного пространства страны имеет явно «перекошенный» характер, а проводимая государственная образовательная политика, далеко не всегда способствуют его оптимизации.

Заключение. Для реализации позитивного потенциала образовательной миграции и преодолению ее негативных последствий необходимо: проведение многофакторного анализа процессов миграции, не только на уровне отдельных вузов и регионов, но и в общероссийском масштабе; формирование такой экосистемы образования в регионах, которая позволила бы сократить разрыв между «центром и регионами», а также между «вузами-лидерами» и «вузами другой весовой категории».

Ключевые слова: философия образования, образовательная миграция, экосистема образования, образовательная мотивация, образовательная конъюнктура.

Для цитирования: Черных С. И., Изгарская А. А. Тенденции и особенности образовательной миграции в современной России // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 15–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-15-28

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.02.2020; принята после рецензирования 10.03.2020; опубликована онлайн 27.04.2020

Trends and Peculiarities of Educational Migration in Modern Russia

Sergey I. Chernykh¹, Anna A. Izgarskaya^{2✉}

¹*Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk Military Institute named after General of National Guard Troops,
Novosibirsk, Russia*

✉aizgarskaya@gmail.com

Introduction. The modern educational space are transformed under the influence of many factors in the conditions of approaching V techno-economic paradigm. The determining factors are technological breakthroughs that qualitatively change not only educational practices, but also the nature of the educational space. The globalization of the educational services market, the growing economic inequality and the inequality of opportunities in different regions force large numbers of people to migrate in search of optimal educational conditions. In turn, the educational migration is increasingly turning into an economic mechanism for generating profit and it is becoming a kind of indicator of the regional educational systems' competitiveness. The study of these processes is relevant today. The authors analyze the current trends and peculiarities of education migration in Russia.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is the interdisciplinary approach. The range of attitudes has already been set forth within the framework of sociocultural and activity approaches (N. Yu. Harari, J. Knight), the economic layer of considering problems related to theory migration processes (E. G. Ravenstein, E. Lee, M. Piore, I. Wallerstein and others), studies of Russian economists, political scientists and sociologists (A. N. Dzhurinsky, I. V. Ivakhnyuk, etc.).

Results and discussion. The history of the national academic capital formation shows that today internationalization is a leading trend in its development along with the economic, technological and intellectual components. This means that educational migration as part of the internationalization process is becoming an indicator of the regional educational systems' competitiveness. The general trend can be traced quite clearly: the higher quality of the educational services is provided and the ecosystem of the educational space is more comfortable, then the vector of migration is more relevant to this region. This tendency has just begun to be studied in Russia. But it is quite obvious today that the regional Russian educational space is clearly "skewed", and the state educational policy carried out is not always contributing to its leveling.

Conclusion. There is a necessity for the realization of the positive potential of educational migration and the overcoming of its negative consequences: multivariate analysis of the processes of educational migration, not only at the level of individual universities and regions, but on all-Russian scale; the formation of such an education ecosystem in the regions, which would reduce the gap between the "Centre and the regions" and as well as between "universities leaders" and "universities of more lightweight category".

Key words: philosophy of education, educational migration, education ecosystem, educational motivation, educational conjuncture.

For citation: Chernykh S. I., Izgarskaya A. A. Trends and Peculiarities of Educational Migration in Modern Russia. DISCOURSE. 2019, vol. 6, no. 2, pp. 15–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-15-28 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.02.2020; adopted after review 10.03.2020; published online 27.04.2020

Введение. К началу XXI в. финансовый объем мирового рынка образовательных услуг достиг более 50 млрд долларов, а конкурентоспособность национальных образовательных систем и отдельных вузов стала напрямую зависеть от количества привлеченных к обучению студентов. Быстрое развитие как внешнего, так и внутреннего процессов образовательной миграции заставило исследователей не только поставить ее на второе (после трудовой миграции) место, но и уделить ее изучению большее внимание. Слабая управляемость образовательными миграционными потоками определила не только возрастание научного интереса, но и потребовала государственного регулирования этих процессов, получивших общее название «интернационализация образования». В 2003 г. Дж. Найт определила интернационализацию образования на национальном, отраслевом и институциональном уровнях как «процесс интеграции международного, межкультурного или глобального измерения в цели, функции или обеспечение высшего образования» и представила (чуть позже) характеристики двух видов образовательной миграции: внутренней и внешней [1, с. 2; 2, с. 22]. Исследователи образовательных миграционных потоков (как отечественные, так и зарубежные) сегодня приходят к одним и тем же квалификационным характеристикам этого процесса, все более приобретающего глобальный характер. Среди них все чаще называют: динамизм, инновационность, асимметричность и стихийность. Многие говорят и пишут о том, что именно образовательная миграция предполагает в качестве одной из главных имманентных потенций борьбу за установление (экспорт) профессиональных и человеческих ценностей и смыслов страной или регионом, экспортирующих образовательные услуги [3, 4]. В настоящее время концепт «образовательная миграция» все чаще заменяется концептом «образовательная мобильность» [5]. В немалой степени это связано не только с упрощением условий собственно миграции «за образованием», но и цифровизацией образовательных практик в преимущественной форме онлайн-обучения [6, 7].

Сегодняшние теоретические концепты миграции базируются в основаниях прежних и началах современных теорий. Социокультурные исследования реализуются либо в теориях ассимиляции (Р. Парк, Э. Берджесс), чаще в теориях мультикультурализма (Ч. Тэйлор, У. Кимлика, Ч. Кукатас, В. Коблер, Р. Латте и др.), еще чаще в теориях транснационализма (Ш. Глик, С. Каслз, А. Портес, Т. Файст). Общим для них являются утверждения о том, что образование, как и макроэкономика, становится механизмом, углубляющим процессы глобализации и регионального неравенства [8]. Наиболее представительными социологическими теориями миграции являются концепты трудовой миграции. Еще в конце XIX в. Е. Равенштайн сформировал свои знаменитые 11 законов в работе «Законы миграции», которые в разных интерпретациях легли в основания эконометрики Э. Ли и неоклассических теорий миграции М. Фридмана, П. Самуэльсона, Ю. Н. Харари, Д. Масси, Дж. Аранго,

Г. Хьюго и др., а также теории двойного рынка труда М. Пиоре [9]. Тезисы о трудовой миграции как о факторе формирования мировой системы разделения труда и тезисы о роли образования в закреплении глобального и регионального неравенства обосновываются в миросистемном подходе (И. Валлерстайн, А. Самин, М. Деметер и др.). Российские исследователи образовательной миграции (А. В. Демина, И. В. Ивахнюк, А. В. Старикова, А. С. Мاستикова, Е. С. Вакуленко, Г. Лукичев, К. А. Дьячкова, Д. С. Зуева, А. Ю. Плешакова и др.) часто используют методологию исследований зарубежных авторов для изучения и теоретического представления российской специфики основных видов миграции. Однако и у зарубежных, и отечественных исследователей прослеживается тезис о том, что и трудовая, и образовательная миграция (по крайней мере, в региональном аспекте непременно) связаны с развитием человеческого капитала. Поскольку современное российское образование и наука переживают период периферизации и укрепления социального неравенства, постольку академическая мобильность может экстраполировать эти характеристики «на себя» [4].

Методология и источники. В основе подхода авторов к анализу процессов академической мобильности в условиях трансформации современного российского образовательного пространства лежат конструкты И. Валлерстайна, М. Деметера, Т. Шотта, Дж. Найта, а также некоторые методологические основания из исследований отечественных авторов (И. В. Ивахнюк, А. Н. Джурицкий, О. А. Чикова, серия коллективных монографий «Российское образование: достижения, вызовы и перспективы», научными редакторами которой выступают Я. И. Кузьминов и И. Д. Фрумин). Следует заметить, что подавляющее большинство отечественных исследователей реализует тот реестр методов, который «составила» Дж. Найт в своей работе «Пять правдивых тезисов об интернационализации» 2012 г. Она выделила в качестве основных деятельностный, компетентностный, этический и стратегический методы. А. В. Старикова, предприняв попытку историографического анализа работ отечественных исследователей образовательной миграции, пришла к заключению о том, что наиболее часто обсуждаемой проблемой является международная образовательная миграция. И, наоборот, «миграция в разрезе внутрироссийских потоков рассматривается значительно реже, в основном, на примерах отдельных вузов ... и реже на уровне регионов» [9, с. 64].

Результаты и обсуждение. Для начала введем некоторые ограничения. Первое: «академическая мобильность» как понятие имеет значительно более широкое содержание по отношению к понятию «образовательная миграция». Последнее специфицируется в дальнейшем как перемещение специализированных образовательных субъектов (индивидов) в пространстве поселения, региона, страны, за пределами страны и определяемое желанием учиться или переучиться (получить образование или усовершенствовать имеющееся). Под образованием мы будем понимать обучение. Второе обусловлено нашим убеждением в том, что обучение и образование отлично как индивидуально (потребности индивида), так и социально (потребности социума). Третье: и в варианте мобильности, и в варианте миграции обучение (а равно и образование) следует рассматривать как сложный взаимно интегрированный процесс, регулятором которого выступает индивидуальное и общественное благо [10, 11]. Четвертое: образовательная миграция, происходящая сегодня, хотя и направлена в целом на увеличение эффективности человеческого капитала (в основном в его трудовой и интеллектуальной форме) не может рассматриваться исключительно как позитивное соци-

альное явление. И пятое: в дальнейшем (сохраняя пределы статьи) мы будем рассуждать об учебной миграции, ограниченной географическим пространством России и социальной возрастной группой, определяемой теорией поколений Хоува-Штраусса как «поколение Z», т. е. рожденных в промежутке 1995–2012 гг. (в трактовке Джин Твендж, американского психолога, подчеркивающей различный характер временных границ между поколениями) [12].

В свое время Дж. Найт разделила весь объем образовательной миграции как социального феномена на две части: внешнюю и внутреннюю [2]. Внешняя больше выражалась как академическая мобильность, внутренняя как перемещения субъектов внутри региона (страны). На самом деле, как это демонстрирует социология, эти части перемешиваются, образуя некую третью форму образовательной миграции, особенно в части получения магистерских степеней. Но это тема отдельного исследования.

С позиции миросистемного подхода объяснение внутренних процессов, протекающих в обществе, должно исходить из факторов, характерных для системы, в которую данное общество включено. Опираясь на этот методологический принцип, дадим характеристику процессам образовательной миграции, наблюдаемых в России. После распада СССР страна в конкурентной борьбе пытается встроиться в мировую систему разделения труда. В этом процесс российская система образования испытывает влияние двух противоположных тенденций. Во-первых, возникло противоречие между узкоспециализированным сырьевым экономическим базисом и доставшейся России в наследство системой образования, ранее служившей задачам многоотраслевой советской экономики. Проводимые государством реформы в области организации науки и образования (не только высшего), по своей сути, нацелены на устранение данного противоречия посредством закрытия, сокращения, слияния научных и образовательных организаций. Во-вторых, советская/российская образовательная система, будучи в советский период одной из передовых, имея огромный потенциал и широчайший спектр специализаций, оказалась востребованной на международном рынке образовательных услуг. Данная тенденция нашла отражение в политике государства, например, во введении таких индикаторов оценки эффективности работы вузов, как «доля иностранных студентов», «доля/число программ, реализуемых на иностранных языках» и ряда других. Таким образом, одна тенденция ведет российскую систему образования к сокращению спектра образовательных услуг, а успех и устойчивость другой, исходящей не из возможностей российской экономики, а из потребностей мировой системы разделения труда, зависит от многообразия этих услуг и их соответствия требованиям мирового рынка. Сегодня сложно увидеть, какая тенденция возьмет верх в политике российского государства, но первая просматривается наиболее отчетливо. Попробуем кратко описать сложившуюся ситуацию.

Внешняя и внутренняя образовательные миграции являются повседневностью современной России. Сегодня, с одной стороны, численность российских студентов, обучающихся за рубежом, приближается к 70 тыс. Германия, США и Чехия наиболее востребованные в этом отношении страны. Обращает на себя внимание то, что высокая стоимость обучения в зарубежных вузах очень удачно компенсируется гибкой системой оплаты и грантовой поддержкой. В России, как правило, система оплаты линейная, а грантовую поддержку заменяет «родительская помощь» [13, 5]. Российская семья, судя по данным Росстата, задействована в воспроизводстве кадров с высшим образованием не меньше, а больше чем государство. Так, обращает на себя внимание, что в 2016 г. в России выпусти-

ли бакалавров, магистров и специалистов 972,4 тыс. человек, в 2017 г. – 823,3 тыс., из них «по договорам об оказании платных образовательных услуг» 540,1 тыс. и 418,2 тыс. человек соответственно [14, с. 198; 15, с. 199]. Уровень образовательной миграции в России также зависит от уровня финансовых возможностей семьи. Приведем пример. До 2012 г. в России для абитуриентов военных вузов существовала льгота – бесплатный проезд к месту сдачи вступительных экзаменов. В 2012 г. Министерство обороны РФ отменило эту льготу. Контингент военных вузов в большей мере составляют выходцы из небогатых семей, и родители не смогли взять на себя финансовую нагрузку образовательной миграции, в связи с этим военные вузы на протяжении нескольких лет испытывали резкий спад потока абитуриентов. «Больше всего пострадали морские и общевойсковые высшие учебные заведения на Дальнем Востоке, где готовят специалистов редких военных специальностей» [16]. В 2018 г. Министерство обороны приняло решение вернуть льготу. Очевидно, что российская молодежь, для которой образовательная миграция порой является единственным способом вырваться из родного, но экономически депрессивного региона, поступая в удаленные от родительского дома «гражданские вузы» имеет значительно больше проблем чем находящиеся на полном государственном обеспечении курсанты военных вузов, и ситуация больше способствует развитию процессов первой тенденции.

С другой стороны, количество заявок от абитуриентов из-за рубежа на обучение в России в 2019 г. возросло на 20 % (почти 115 тыс.), а в Федеральном проекте «Экспорт образования» ставится задача довести к 2024 г. эту цифру до 435 тыс. [17]. Учитывая, что экспорт образования пополняет бюджеты российских высших учебных учреждений, данная перспектива может рассматриваться как положительная и способствующая второй указанной выше тенденции. Однако ситуация не так проста. Есть вопросы, которые вызывают тревогу. В России на 2017 г., по данным OECD, на каждого уехавшего учиться за рубеж россиянина приходилось четыре иностранных студента [18, с. 230]. В сравнении со статистикой, используя терминологию миросистемного подхода, для стран ядра миросистемы ситуация в претерпевающей процесс периферизации России выглядит удовлетворительно. Количество международных или иностранных студентов на одного национального студента за границей: в США – 14, Великобритании – 13, Франции – 3, Германии – 2. Однако, исходя из данных OECD, видно, что 55 % иностранных студентов России являются выходцами из соседних стран. Для сравнения, процент иностранных студентов, приезжающих из соседних стран составляет: в США – 5 %, Великобритании – 11 %, Франции – 16 %, Германии – 15 % [18, с. 230]. Иными словами, образовательные услуги этих стран востребованы во всем мире. По данным Росстата основной успех экспорта российского образования «на условиях общего приема» обеспечивают азиатские государства СНГ: Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан. Сегодня российские вузы являются конкурентами вузов стран бывшего СССР. По данным казахских ученых, «вузы Восточного Казахстана в неравном бою проигрывают ближайшим образовательным центрам, расположенным в таких российских городах, как Барнаул, Новосибирск, Томск» [19, с. 279].

Отечественная система образования легко выдерживает конкуренцию на постсоветском пространстве. Например, российскими студентами на 2017 г. являются 52,7 тыс. граждан Республики Казахстан. Вполне возможно, что в условиях демографического спада приток иностранных студентов из стран СНГ снизит разрушительный эффект сырьевой

экономики, нивелирующей остатки системы образования, которая когда-то успешно обслуживала многоотраслевую советскую экономику. Однако следует отметить, что прибалтийские страны, Грузия, Украина сегодня в меньшей степени заинтересованы в российских вузах. Уменьшается количество студентов из Республики Беларусь. В 2010 г. в российских вузах училось 21 тыс. белорусских граждан, в 2017 г. этот показатель сократился до 7,3 тыс. человек [15, с. 200]. По-видимому, молодежь этих бывших советских республик тяготеет к получению образовательных услуг в странах Запада. Смогут ли российские вузы и дальше успешно конкурировать в области экспорта образовательных услуг на постсоветском пространстве, выполнять требования по установленным государствам индикаторам, и, соответственно, получать дополнительные ресурсы для развития своих образовательных потенциалов и научных школ? Пока оставим этот вопрос без ответа.

В целом из данных Росстата на сегодняшний день отчетливо видно, что экспорт российского образования успешен в периферийных и полупериферийных странах [15, с. 200]. Население миросистемной полупериферии и периферии многочисленное и, удерживая относительно низкие, по меркам большинства этих стран, цены на образовательные услуги, можно еще долго при благоприятных условиях внешней политики увеличивать приток иностранных студентов в Россию. Как скажется все это на качестве и статусе российского образования? А если демографы правы, и к 2034 г. страну ждет резкое увеличение числа молодежи, не окажутся ли российские выпускники школ и их родители, имеющие в большинстве своем скромные финансовые возможности, в ситуации жесткой конкуренции за получение высшего образования с иностранными студентами? Судя по состоянию дел в ведущих российских экспортных отраслях, функционирующих по принципу «Сами не доведем – но вывезем», такая тенденция не должна исключаться, тем более что число вузов в России с 2010 г. было сокращено с 1115 до 766 организаций (см. подробнее [15, с. 200]). Показательной в этом плане оказывается ситуация с обсуждением проблемы строительства студенческих межвузовских кампусов. Считается, что без удобных, соответствующего мировым стандартам проживания кампусов российские вузы не смогут выполнить поставленную перед ними задачу по привлечению иностранных студентов. С этим надо согласиться, но возникает вопрос, почему проблему стали поднимать только тогда, когда речь зашла о студентах, приезжающих из-за рубежа? А как же большая часть российских студентов, они могут жить в общежитиях, соответствующих стандартам 1970–1980 гг.? Или появятся более благоприятные условия для увеличения потока талантливой российской молодежи в зарубежные вузы?

В самой России сегодня 496 государственных и 245 негосударственных вузов и в 2020 г. Российская Федерация будет отмечать 265 лет со дня подписания императрицей Елизаветой указа об организации первого университета. Восемь федеральных университетов, порядка 40 опорных и порядка 30 научно-исследовательских университетов, академии и институты – основные структуры российского высшего образования. Прокатившаяся по образовательному пространству России волна оптимизации (2010–2018 гг.) «ликвидировала» большое количество государственных и негосударственных вузов с их филиалами. При этом оптимизация как попытка привести в соответствие образовательную сферу экономическому базису страны имела и обратную сторону, а именно: она резко сократила пространственную доступность практически всех типов образовательных учреждений по всей стране. Для высшей школы, по свидетельству Н. К. Габдрахманова, это выглядит следующим образом.

В трех субъектах Российской Федерации вообще отсутствуют головные вузы, в семи субъектах – представлен только один головной вуз, зато в некоторых городах и регионах их десятки и даже сотни. В Москве сегодня 21 % всех вузов страны, а в Санкт-Петербурге – 8 % [20]. Аналогичная картина наблюдается и в сельской местности со средними школами – основными поставщиками средних специальных учебных заведений, а также дистанционной и заочной форм высшего образования. И если до 2024 г. демографы прогнозируют снижение численности возрастной группы от 17 до 21 г., то к 2034 г. численность этой группы может увеличиться на 45 %. Подобная ситуация требует тщательного анализа связей «школа – вуз» и «вуз – рынок труда» со всеми нюансами, особенно образовательной миграции. Именно она может сегодня выступать как катализатор развития региональных рынков труда, а может радикально «тормозить» экономическое и интеллектуальное развитие регионов, в которых отсутствуют реальные возможности получения образования.

Тем не менее, большинство исследователей акцентируют внимание на усилении потенциала образовательной миграции внутри российского образовательного пространства, хотя статистика это не всегда подтверждает. Перемещение по стране (без учета иностранных граждан) составляет ориентировочно около 4 млн человек. Из них перемещения, связанные с обучением (разных форм и уровней) составили: в 2011 г. – 8,1 % от общего количества, в 2015 – 16,9 %, в 2018 г. – опять 8,1 %. Элементарный подсчет показывает, что (при сохранении в среднем 4 млн мигрантов) образовательная миграция (внутри и межрегиональная) составила в 2015 г. (на «пике» сокращения учебных заведений) 650–680 тысяч человек, а в 2018 г. – 360 тыс. человек [21]. И. В. Ивахнюк в своих «Предложениях к миграционной стратегии России до 2035 года» выделил три основные группы причин, вызвавших сокращение учебной миграции:

1) экономические (средняя стоимость обучения в российских вузах составляет 90 тыс. руб., что для большинства российских семей даже без учета оплаты проживания ребенка в другом городе оказывается неподъемной задачей);

2) мотивационные. Происходит (в течение последних пяти лет особенно) падение спроса на высшее образование как со стороны выпускников школ, так и со стороны работодателей. По некоторым свидетельствам из выпускников школ 2019 г. примерно 40 % поступили в вузы и примерно столько же в средние специальные учебные заведения [22];

3) социально-психологические (отношение к мигрантам в учебных заведениях принимающих регионов) [23].

Однако сегодня в рамках официальной государственной политики неявно формируются, по меньшей мере, еще два фактора, обуславливающих рост потенциала учебной миграции. К ним следует отнести дифференциацию вузов по выполнению аккредитационных показателей и уровень бюджетного финансирования. Дифференциация вузов получила всесторонний анализ в дискуссии «Ландшафт образования» в рамках VI ежегодной национальной выставки «Вузпромэкспо-2019». И тогда же сформулирована новая «конструкция» по «делению конкуренции» между вузами. Образовательная экосистема России была (по выполнению показателей, в том числе и финансированию) вполне справедливо определена директором Департамента проектной деятельности Минобрнауки А. Зарубиным как «разнородная, но центробежная». В подтверждение чему он привел следующие факты: «В 36 регионах главные вузы вообще не имеют федерального статуса, а 49 университетов

не выполняют два и более показателей. На поддержку вузов уже направлено 70 млрд руб., новых денег для отстающих взять неоткуда, а тех, у кого все хорошо, тоже нельзя лишить финансирования, не рискуя сдать позиции. При этом в стране есть 256 вузов, в которых по данным мониторингов все нормально, но они остаются довольны удовлетворительным результатом и не стремятся совершенствоваться, так как внутренних стимулов нет» [24].

Можно предположить, что именно эти группы факторов (приемлемые затраты на обучение и проживание, сформированность мотивации потенциальных абитуриентов, уровень социально-психологического комфорта, статус вуза, уровень и объем его финансирования) обуславливают приоритетность одних регионов перед другими в сфере привлечения абитуриентов. Вузы России активно конкурируют между собой за абитуриента. При этом наиболее крупные вузы, расположенные на периферии, стремятся противостоять оттоку талантливой молодежи в Москву и Санкт-Петербург, создавая, таким образом, центробежную тенденцию в образовательной миграции. Окончательно эта тенденция оформилась (не берем в расчет «селекционную конкуренцию», организованную в 70–80 гг. XX в.) к 2013 г. В 2017 г. в соответствии с данными Росстата в России сформировалось десять центров, аккумулировавших более 100 тыс. студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Помимо Москвы (736,3 тыс. чел.) и Санкт-Петербурга (293,4 тыс. чел.) такими центрами стали: Татарстан (153 тыс. чел.), Ростовская область (138,6 тыс. чел.), Свердловская область (121 тыс. чел.), Краснодарский край (119,5 тыс. чел.), Новосибирская область (105,6 тыс. чел.), Башкортостан (105,4 тыс. чел.), Самарская область (102,8 тыс. чел.), Челябинская область (101,3 тыс. чел.) [14, с. 176–178]. При определенных условиях наличие в регионах трудовых ресурсов с высшим образованием может стать важным фактором успешного развития обширной российской периферии.

Проблемы роста образовательной миграции, формирования академического капитала образовательных систем разных уровней, взаимосвязи этих проблем с проблемами развития региональных образовательных экосистем стали изучаться сравнительно недавно. Но уже очевидно, что как внешняя, так и внутренняя образовательные миграции растут быстрыми темпами. Отчетливо видно, что успех образовательной организации в конкуренции на региональном и глобальном уровнях зависит от степени ее развитости как научно-образовательного центра. Образовательная система в России переживает перманентное состояние трансформаций и реформ с целью приведения ее в соответствие мировым образцам и стандартам. Однако даже там, где есть успехи, результаты не носят системного характера. Это происходит, по нашему мнению, потому, что из области анализа перспектив отечественного образования исключена одна из базовых проблем. Поясним ее. Известно, что в советский период развития системы отечественного образования профильные вузы и средне-специальные учебные заведения, как правило, располагались в непосредственной близости к местам производства и обеспечивали данные производства кадрами. Перекосы в современных образовательных экосистемах российских регионов сформировались в результате распада этих связей и, в сущности, являются отражением «перекошенного» характера всей российской сырьевой экономики, ориентированной на внешний рынок.

Заключение. Сама по себе типологизация учебной миграции может проводиться по разным основаниям. Однако (согласно формальной логике) одно из правил операции деления понятий говорит о том, что деление должно производиться по одному основанию. На

наш взгляд, одно из наиболее рациональных оснований определяется как «пространственное перемещение». Дж. Найт выделила внешнюю и внутреннюю миграцию. Не затрагивая внешнюю, внутреннюю можно разделить на миграцию «внутри» субъектов Российской Федерации и межрегиональную, которая характеризуется переездом на учебу в другие регионы. Мотивы и желания, определяющие миграционные процессы достаточно многообразны. Но развитие и совершенствование ЕГЭ, а в последнее время распространение образовательных практик дистанционного обучения в различных видах («центр – периферия»; «вуз – школа»; цифровые платформы и др.) сохраняют и даже укрепляют традиционную мотивацию перемещающихся и определяют частичное сокращение их количества. Последний опрос ВЦИОМ вполне это продемонстрировал. Лучшими вузами названы – МГУ, МГИМО, МГТУ, СПбГУ и ВШЭ. Выбор мест для обучения обуславливается (в порядке убывания): квалификацией преподавателей; высоким уровнем подготовки студентов по специальности; доступной стоимостью обучения; наличием бюджетных мест; возможностью без проблем найти работу после учебы; хорошей технической базой вуза; отсутствием коррупции или взяточничества; наличием общежития; престижем вуза; возможностью международных стажировок [25].

Сегодня перемещение в рамках образовательной миграции сокращается достаточно значительно (даже с учетом «демографической ямы» до 2024 г. и падением интереса к высшему образованию). Поэтому слова Президента РФ, сказанные в очередном Послании Федеральному Собранию, о необходимости «серьезно, с участием бизнеса, работодателей заняться развитием университетов и вузов в регионах», соответствующим образом и действительно проведенные в жизнь, окажут влияние и на формы, и на объемы образовательной миграции [26]. И в этом смысле небезынтересным представляется проект новой «архитектуры» высшего образования, изложенный на «Вузпромэкспо – 2019» А. Зарубиным. Он отметил: «По новой концепции вузы поделят ниши конкуренции: их стратегия должна быть направлена либо на регион, либо на международный уровень. <...> В этой системе в каждом треке есть золотой, серебряный и бронзовый стандарт. Самые успешные получают повышенные госзадания, преференции, финансы и возможности. <...> Это внутренние стимулы, которые система закладывает сама по себе. <...> Опорные университеты (которые будут подразделяться на опорные по субъектам и опорные по отраслям) должны будут, прежде всего, ориентироваться на трудоустройство выпускников, на запросы работодателей, на повышение квалификации. Они попадут в рамки национальной и региональной конкуренции. <...> Лидеры среди федеральных вузов могут попробовать свои силы в международной конкуренции <...> Дождутся помощи “отстающие” “моновузы”» [24].

В этих вариантах очевидно, что образовательная миграция будет продолжаться как устойчивый тренд в развитии образовательного пространства России, а национальный академический потенциал развиваться кластерным образом. Однако совершенно ясно, что «строительство» моделей, развивающих образовательную миграцию с эффективностью не только для индивида, но и для государства, требует применения политики инвестирования. Инвестирование в человеческий капитал, в формирование способного кадрового потенциала должно предшествовать и опережать инвестиции в развитие ресурсов, создаваемых для экономики. В развитии научно-образовательных центров, создаваемых в регионах с учетом местных интересов, эта идея заложена, как и заложена идея «удержания кадров». «Невоз-

вращенцами» в родной регион сегодня становятся 80 % от числа всех уехавших учиться. В 2020 г. должны быть открыты несколько принципиально новых образовательных структур – специализированных учебно-научных центров (СУНЦ). В сочетании с тремя федеральными проектами (в рамках национального проекта «Наука») становится очевидным, что вполне возможен не только миграционный отток на учебу по траектории «периферия – центр», но и развитие региональной миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Knight J. Updated the Definition of Internationalization // International Higher Education. 2003. № 33. P. 2–3. DOI: <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391>.
2. Knight J. Higher Education in Turmoil: The Changing World of Internationalization. Rotterdam: Sense Publishers, 2008.
3. Gerhards J., Silke H., Sören C. Social and Transnational Human Capital. How middle and Upper – Class Parents Prepare Their Children for Globalization. London: Routledge, 2017.
4. Изгарская А. А., Черных С. И. Интернационализация науки и образования как глобальный процесс: миросистемный подход // Дискурс. 2019. Т. 5, № 6. С. 42–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-42-56.
5. Овчинникова Н., Зотова М., Гетманская А. Государственные программы образовательной мобильности в разных странах. 2019. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_International_Mobility_2019.pdf (дата обращения: 22.12.2019).
6. Барбашина Э. В., Гуляевская Н. В. Дистанционное/электронное обучение: минимизация сложностей // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 3. С. 2997–3008. DOI: 10.15372/PEMW20190312.
7. Chernykh S. I., Parshykov V. I. Online Education in Russia as a Form of on-the-Spot Learning // International J. of Resent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8, iss. 3. P. 8322–8327. DOI: 10.35940/ijrte.C6607.098319.
8. Костенко В. В. Теория миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, No. 3. С. 62–76.
9. Старикова А. В. Учебные миграции в регионах России как ступень урбанизации. Пример Ярославской области. URL: <https://conf.hse.ru/2019/program> (дата обращения: 22.12.2019).
10. Черных С. И. Образование как общественное и индивидуальное благо // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 1 (16). С. 17–26.
11. Chernykh S. I., Parshykov V. I., Panarin V. I. Transformation of Educational Subjects in terms of post-soviet Russia // 2 The International scientific-practical conference «Innovation in science, technology and the integration of knowledge», London, 27 Feb. – 2 Mar. 2015 / SCIEURO. London, 2015. P. 195–206.
12. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z» / НИУ ВШЭ, Ин-т образования. М., 2019 (Современная аналитика образования. №1 (22)).
13. Посыпкина А. Миграция за знаниями: сколько стоит высшее образование за границей // РБК. 2017. 5 сент. URL: <https://www.rbc.ru/money/05/09/2017/59ae5cd09a794765c1b6c8ae> (дата обращения: 17.01.2020).
14. Российский статистический ежегодник. 2017. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 21.01.2020).
15. Российский статистический ежегодник. 2018. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (дата обращения: 21.01.2020).
16. Круглов А., Степовой Б. Билет к лейтенантским звездам. Минобороны возвращает абитуриентам военных училищ бесплатный проезд до мест сдачи экзаменов // Известия. 2018. 25 июня. URL: <https://iz.ru/758642/aleksandr-kruglov-bogdan-stepovoi/bilet-k-leitenantskim-zvezdam> (дата обращения: 21.01.2020).

17. Агранович М. В каких вузах России хотят учиться иностранцы // Рос. газ. 2019. 18 окт. URL: <https://rg.ru/2019/10/18/reg-cfo/v-kakih-vuzah-rossii-hotiat-uchitsia-inostrancy.html> (дата обращения: 17.01. 2020).
18. Education at a Glance 2018: OECD Indicators. OECD. 2018. URL: <https://doi.org/10.1787/eag-2018-en> (дата обращения: 21.12.2019).
19. Жанбосинова А. С., Ахметова Г. М. Казахстан и Россия: вопросы интеграции высшей школы // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы / Ун-т при МПА ЕВРАЗЭС. СПб., 2017. Т. 1. С. 273–293.
20. Габдрахманов Н. К. Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Экономика. 2019. Т. 27, № 1. С. 7–17. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17.
21. Миграция населения в России: тенденции, проблемы / В. Трубин, Н. Николаева, С. Мякишева, А. Хусаинова // Социальный бюллетень. 2018. № 11. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/16766.pdf> (дата обращения 17.01.2020).
22. Губернаторов Е. Российские школьники стали чаще выбирать техникумы // РБК. 2019. 13 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/11/2019/5dcaaa629a7947d6d4e0a537> (дата обращения 17.01.2020).
23. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. // Российский совет по международным делам (РСМД): сайт. 2017. 25 сент. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (дата обращения: 17.01.2020).
24. Мищенко Е. Красота среди бегущих: что ждет высшее образование // Indicator: сайт. 2019. 31 дек. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/reportazh-vuzpromexpo.htm> (дата обращения: 17.01.2020).
25. Россияне назвали пять лучших вузов страны // Interfax: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/692450> (дата обращения: 17.01.2020).
26. Помочь тем, кому труднее. Владимир Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию // Рос. газ. 2020. 15 янв. URL: <https://rg.ru/2020/01/15/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniuu.html> (дата обращения: 17.01.2020).

Информация об авторах.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2, Новосибирск, 630114, Россия. Автор 87 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>. E-mail: aizgarskaya@gmail.com

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук (2012), заведующий кафедрой истории и философии Новосибирского государственного аграрного университета, ул. Добролюбова, д. 160, Новосибирск, 630039, Россия. Автор 152 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования, логика, теории глобализации и информатизации, миросистемный подход. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>. E-mail: 2chernyx@mail.ru

REFERENCES

1. Knight, J. (2003), "Updated the Definition of Internationalization", *International Higher Education*, no. 33, pp. 2–3. DOI: <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391>.

2. Knight, J. (2008), *Higher Education in Turmoil: The Changing World of Internationalization*, Sense Publishers, Rotterdam, NLD.
3. Gerhards, J., Silke, H. and Sören, C. (2017), *Social and Transnational Human Capital. How Middle and Upper – Class Parents Prepare Their Children for Globalization*, Routledge, London. UK.
4. Izgarskaya, A.A., Chernykh, S.I. (2019), "The Internationalization of Science and Education as a Global Process: a World-System Approach", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 6, pp. 42–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-42-56.
5. Ovchinnikova, N., Zotova, M. and Getmanskaya, A. (2019), *Gosudarstvennye programmy obrazovatel'noi mobil'-nosti v raznykh stranakh* [State educational mobility programs in different countries], available at: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_International_Mobility_2019.pdf (accessed 22.12.2019).
6. Barbashina, E.V. and Guljaevskaja, N.V. (2019), "Distance/e-learning: minimization of difficulties", *Professional education in the modern world*, vol. 9, no. 3. DOI: 10.15372 / PEMW20190312.
7. Chernykh, S.I. and Parshykov, V.I. (2019), "Online Education in Russia as a Form of on-the-Spot Learning", *International Journal of Resent Technology and Engineering*, vol. 8, iss. 3, pp. 8322–8327. DOI: 10.35940/ijrte.C6607.098319.
8. Kostenko, V.V. (2014), "Theory of migration: from assimilation to transnationalism», *The Journal of Sociology and Social Antropology*, vol. XVII, no. 3, pp. 62–76.
9. Starikova, A.V. (2019), "Educational migration in the regions of Russia as a stage of urbanization. An example of the Yaroslavl region", available at: <https://conf.hse.ru/2019/program/> (accessed 22.12.2019).
10. Chernykh, S.I. (2015), "Education as a public and individual good", *Professional education in the modern world*, no. 1 (16), pp. 17–26.
11. Chernykh S.I., Parshykov V.I. and Panarin V.I. (2015), "Transformation of Educational Subjects in Terms of Post-soviet Russia", *2 the International scientific-practical conference "Innovation in science, technology and the integration of knowledge"*, London, UK, 27 Feb. – 2 Mar. 2015, pp. 195–206.
12. Bogacheva, N.V. and Sivak, E.V. (2019), *Mify o "pokolenii Z". Seriya: Sovremennaya analitika obrazovaniya* [Myths about "Generations Z". Series: Modern Education Analytics], National Research Univ. Higher School of Economics, Institute of Education, Moscow, RUS.
13. Posypkina, A. (2017), *Migratsiya za znaniyami: skol'ko stoit vysshee obrazovanie za granitsej* [Migration for knowledge: how much higher education costs abroad], *RBK*, 5 Sept., available at: <https://www.rbc.ru/money/05/09/2017/59ae5cd09a794765c166c8ae> (accessed 17.01.2020).
14. Russian Statistical Yearbook (2017), *ROSSTAT*, Moscow, RUS, available at: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (accessed 21.01.2020).
15. Russian Statistical Yearbook (2018), *ROSSTAT*, Moscow, RUS, available at: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (accessed 21.01.2020).
16. Kruglov, A. and Stepovoi, B. (2018), *Bilet k leitenantskim zvezdam. Minoborony vozvrashchaet abiturientam voennykh uchilishch besplatnyi proezd do mest sdachi ekzamenov* [A ticket to the lieutenant stars. Defense Ministry returns military school entrants free travel to exams], *Izvestiya*, 25 Jun., available at: <https://iz.ru/758642/aleksandr-kruglov-bogdan-stepovoi/bilet-k-leitenantskim-zvezdam> (accessed 21.01.2020).
17. Agranovich, M. (2019), *V kakikh vuzakh Rossii khotyat uchit'sya inostrantsy* [In what universities of Russia do foreigners want to study], *Rossiyskaya Gazeta*, 18 Sep., available at: <https://rg.ru/2019/10/18/reg-cfo/v-kakih-vuzah-rossii-hotiat-uchitsia-inostrancy.html> (accessed 17.01.2020).
18. Education at a Glance 2018: OECD Indicators (2018), *OECD*, available at: <https://doi.org/10.1787/eag-2018-en> (accessed 21.12.2019).
19. Zhanbosinova, A.S. and Akhmetova, G.M. (2017), "Kazakhstan and Russia: issues of higher school integration", *Evraziiskaya integratsiya: istoki, problemy, perspektivy* [Eurasian integration: sources, problems, prospects], vol. 1, pp. 273–293.

20. Gabdrakhmanov, N.K. (2019), "The concentration of students in higher education on the map of the Russian Federation", *RUDN Journal of Economics*, vol. 27, no. 1, pp. 7–17. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17.

21. Trubin, V., Nikolaev, N., Myakishev, S. and Khusainov A. (2018), *Migratsiya naseleniya v Rossii: tendentsii, problemy. Sotsial'nyi byulleten'* [Population migration in Russia: trends, problems. Social Newsletter], no. 11, available at: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/16766.pdf> (accessed 17.01.2020).

22. Gubernatorov, E. (2019), *Rossiiskie shkol'niki stali chashche vybirat' tekhnikumy* [Russian schoolchildren began to choose technical schools more often], *RBK*, 13 Nov., available at: <https://www.rbc.ru/society/13/11/2019/5dcaa629a7947d6d4e0a537> (accessed 17.01.2020).

23. Ivahnyuk, I.V. (2017), *Predlozheniya k migratsionnoi strategii Rossii do 2035 goda* [Proposals for the migration strategy of Russia until 2035], 25 Sept., available at: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (accessed 17.01.2020).

24. Mishchenko, E. (2019), *Krasota sredi begushchikh: chto zhdet vysshee obrazovanie* [Beauty among the runners: what awaits higher education], *Indicator*, 31 Dec., available at: <https://indicator.ru/humanitarian-science/reportazh-vuzpromexpo.htm> (accessed 17.01.2020).

25. *Rossiiane nazvali pyat' luchshikh vuzov strany* [The Russians named the five best universities in the country], (2020), *Interfax*, available at: <https://www.ru/russia/692450> (accessed 17.01.2019).

26. *Pomoch' tem, komu trudnee. V. Putin vystupil s Poslaniem Federal'nomu Sobraniyu* [To help those who are more difficult. V. Putin made an Address to the Federal Assembly], (2020), *Rossiyskaya Gazeta*, 15 Jan. №7 (8061), available at: <https://rg.ru/2020/01/15/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniyu.html> (accessed 17.01.2020).

Information about the authors.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy) (2015), Professor at the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Institute named after General of National Guard Troops, 6/2 Klyuch-Kamyshenskoye plateau str., Novosibirsk 630114, Russia. The author of 87 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, worldsystem approach, geopolitics, philosophy of education. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>. E-mail: aizgarskaya@gmail.com

Sergey I. Chernykh – Dr. Sci. (Philosophy) (2012), Head of the Department of History and Philosophy, Novosibirsk State Agrarian University, 160 Dobrolyubova str., Novosibirsk 630039, Russia. The author of 152 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education, logics, theories of globalization and informatization, world-system approach. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>. E-mail: 2chernyx@mail.ru

The Prose by Salinger and the Metaphysics of Gilles Deleuze

Nina F. Shcherbak^{1✉}, Alfredo Taunay²

¹Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

²Beira Interior University, Covilhã, Portugal

✉alpha-12@yandex.ru

Introduction. This article aims at analyzing the prose of Jerome D. Salinger ("Nine Stories" and "The Catcher in the Rye"). The main innovative element of this research is to study the prose by Salinger as an example of post-avant-garde American prose with the application of the philosophical concepts introduced by the French post-structuralist Gilles Deleuze. The benefit and importance of such research are determined by the fact that the prose developed by Salinger (especially in "Nine Stories") is characterized by a new type of narrative developed after the Second World War, similar to certain patterns observed not only in literature, but also in music and art.

Methodology and sources. The research method used is coined as structural-semantic analysis. Methodology also implies the use of the main principles of the metaphysics developed by Gilles Deleuze, which is reflected in his book "Difference and Repetition", and is analyzed in scientific works on the theory of post-avant-garde art and music.

Results and discussion. The fusion of the crystal-like, mirror-isomorphic structure of Salinger's prose ("Nine Stories") and fragments of the real experience rendered in his stories (such as feelings and sensations of the characters) do not even create their own "image", as I. Galinskaya writes, but manifest "a living, echoing shadow of the picture", which allows not only to interpret events, but create a special mood, sensation in the reader. In this sense, the remark of Hassan, a famous theoretician of postmodernism, is very accurate: in postmodern literature the place of "the Father God" (that is the "voice" of the reader) is occupied by the "the Holy Spirit" (that is the "voice" of the narrative beyond the actual wording). The meaning of the story (on a macro-level), as well as the pragmatic meaning of some of the statements and words (on a micro-level) lie somewhere beyond words and concepts, outside the storyline or composition, appears alongside with the pre-determined structure, as if against the will of the author. Deliberate simplicity, minimal lexical workload or density, and the absence of obvious cause-effect relationships create a feeling of "trance", which makes the reader address the story again and again in an attempt to find an accurate interpretation.

Conclusion. In one of Salinger's saddest cycle of stories (in this analysis *A Perfect Day for Bananafish*) about the fate of the post-war generation, the feeling of an otherworldly, different presence arises. A series of repetitions gives a feeling of "difference", allows for understanding how close attention to a situation gives new opportunities for decisions, actions and meanings.

Keywords: rhizome, difference and repetition, post-avant-garde art, post-war American literature.

For citation: Shcherbak N. F., Taunay A. The Prose by Salinger and the Metaphysics of Gilles Deleuze. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 29–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-29-43

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.02.2020; adopted after review 31.03.2020; published online 27.04.2020

© Shcherbak N. F., Taunay A., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Проза Джерома Сэлинджера и метафизика Жюль Делеза

Н. Ф. Щербак^{1✉}, А. Таунай²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Университет Бейра Интериор, Ковильян, Португалия

✉alpha-12@yandex.ru

Введение. Целью статьи является анализ прозы Джерома Сэлинджера (цикл «Девять рассказов» (1953), на примере рассказа «Хорошо ловится рыба-бананка» (1948) и повести «Над пропастью во ржи» (1951). Новизна исследования заключается в использовании принципов, лежащих в основе метафизики французского пост-структуралиста Жюль Делеза (в частности, подытоженных в работе «Различие и повторение» (1968)). Подобный анализ позволяет определить основные тенденции развития нарратива пост-авангарда, отличия в концепциях, лежащих в основе создания музыки и художественных произведений послевоенной эпохи.

Методология и источники. Применяемый метод исследования обозначен как структурно-семантический анализ. В статье используются некоторые положения метафизики Жюль Делеза, нашедшие отражение в книге «Различие и повторение», в научных работах по теории искусства пост-авангарда. Данные положения позволяют выявить изоморфные связи, на которых строятся произведения Сэлинджера, определить структуру его произведений.

Результаты и обсуждение. Сращивание кристаллообразной, зеркально-изоморфной структуры рассказов и фрагментов реального опыта чувств и ощущений героев создают собственное даже не «изображение», как пишет исследовательница И. Галинская, а «живую, звуковую тень рисунка», что позволяет не трактовать события в произведениях Сэлинджера, а создает особое настроение, ощущение у читателя. В этом смысле забавно замечание известного теоретика постмодернизма Хассана в отношении того, что в постмодернистской литературе место «Бога-Отца» занимает «Дух-Святой», что во многом соответствует концепту «ризома» Делеза, положениям о ризоморфности причинно-следственных связей, «шизоанализе», а, следовательно, и специфике нового типа нарратива. Основные смыслы и значения в прозе Сэлинджера реализуются вне слов и понятий, вне сюжетной линии или композиции, проступают вместе с открытой, но достаточно стройной структурой, словно помимо воли автора. Нарочитая простота, минимальная лексическая загруженность, отсутствие явных причинно-следственных связей создают ощущение «транса», которое заставляет перечитывать рассказ вновь и вновь в попытке найти точную интерпретацию.

Заключение. В одном из самых грустных рассказов Сэлинджера о судьбе послевоенного поколения возникает ощущение потустороннего, иного присутствия. Серия «статических повторений» (сюжетных ходов, мотивов, техник, лексических единиц) дает ощущение «различия», понимания, также как пристальное внимание к ситуации дает новые возможности решений и действий.

Ключевые слова: ризома, различие и повторение, проза пост-авангарда, послевоенная американская литература.

Для цитирования: Щербак Н. Ф., Таунай А. Проза Джерома Сэлинджера и метафизика Жюль Делеза // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 29–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-29-43

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.02.2020; принята после рецензирования 31.03.2020; опубликована онлайн 27.04.2020

Introduction. The main aim of this article is to analyze the novel by Jerome David Salinger “The Catcher in the Rye”, and “Nine Stories” (the short story “A Perfect Day for Bananafish”). The innovative aspect of this research is in the focus on the main points of the metaphysics by Gilles Deleuze that are reflected in his book “Difference and Repetition” (1968) [1], analyzed in the works on the theory of post-avant-garde art [2, p. 54–70]. The innovative aspect of this research, therefore, lies in the fact that the metaphysics of Gilles Deleuze is for the first time applied to the analysis of post-avant-garde prose. The importance of this research and its actual benefit are in the fact that similar patterns of the prose development (subject and related to post-modern philosophy) can be found in the development of art and music patterns of the same period (coined as post-war, post-avant-garde, post-apocalyptic narrative).

Methodology and sources.

Difference and Repetition Concept as viewed by Gilles Deleuze. It is highly relevant for our analysis to consider the ideas of Gilles Deleuze, a famous theoretician of post-modernism and post-structuralism in relation to the opposition “difference – repetition”. “Difference-repetition” opposition (stated explicitly in the book “Difference and Repetition” (1968)) is the notion that challenges the traditional “representation” idea, the traditional philosophical knowledge, which is based on the presence of an object in question, which is not capable of getting the feeling of the world in the constant process of formation. The tasks set by Gilles Deleuze are to a) think and present beyond the ideas of representation, b) introduce the notion of “difference” without the traditional equation, opposition and contradiction notions, c) introduce a new positive notion of repetition as “the repetition of difference” [1]. Deleuze puts forward the idea of metaphysics whereby the “multiplicity” replaces “the substance”, “the event” replaces “the essence”, “the virtual” replaces “the actual”. Instead “the representation of knowledge” you get “the idea”, instead of “a solution” – “a problem”. Instead of “the human game” – “the Creator’s game”. Difference is actualized in a series of repetitions and is determined by them: the repetition is a change of series, not the repetition of the same entity ($x, x, x\dots$), yet a series of differences ($x', x'', x'''\dots$) [3]. Repetition for itself is the repetition, affirmation and the re-establishment of the difference, the return of a differentiating genetic condition in the situation of real experience. The repetition cannot be explained through representation, it is repetition for itself [4].

Such interpretation of difference-repetition is realized by Deleuze in other works as well. For instance, he pays attention to the idea of crystal (time as crystal) [5]. As pointed out by F. Zurabishvili [6, p. 95], the notion of crystal is the meeting point and the synthesis of all the notions of the philosophy developed by Deleuze. A crystal is a structure that is constituted through the image that consists of actual as well as virtual elements. “When the virtual image is becoming actual, then it is well seen, as if reflected in the mirror, it is transparent reminding us of a crystal. The actual image is becoming virtual, it is unseen, vague, gloomy as a crystal, as if has been dug up from the ground” [ibid.]. Crystal is similar to a mirror or an embryo image and a corresponding concept. “This is the same kind of round trip that takes you via the three figures of the actual and the virtual, the transparent and the non-transparent, the embryo and the environment. In reality, on the one hand, the embryo is a virtual image, that would crystalize the environment that is actually non-stable, on the other hand, the environment has to have the structure that is capable of crystallization, and for which the embryo is an actual image” [7, p. 100]. The image of membrane has a similar function that puts into question the bi-polar model of the “outer – inner” opposition, substitutes it by a topological equation in which every point of the technical and vital environment

corresponds to itself and to every other point of the environment. Membrane is the point of the separation of time and space in which the past and the future are separated [8].

The idea of membrane, crystal, mirror corresponds to the general view of rhizomorphic nature of an object, image or a text and is evident in the concept of repetition and difference, which challenges the traditional view of representation, direct cause effect links, linear time concept. The latter involves time and space subsystems and their distortions in the 20th century narrative. Boris Uspensky coins the concept of time as dependent on the point of view of the author, the character and the reader [9]. Ginnette looks at the phenomenon of breaking time order and sequence in the text in terms of the order, duration and frequency [10]. Lotman considers subsystems with different velocity of cycle movements, looks at “different structures that get into foreign spaces and restore themselves” in the text [11, c. 176–178]. Kolotov views the imagined space which possesses the qualities of time outside the text and views time as exophoric, thus stating that the category of time doesn’t exist in the 20th century narrative at all [12].

To sum up, the ideas that are incorporated in the concept of the difference and repetition expressed by Deleuze, isomorphic connections, the absence of outer-inner opposition, the concept of rhizome, the structure of crystal, the simultaneous co-existence of the actual and the virtual, the break of the tradition time and space notions, including the co-existence of different time and space subsystems, all serve to explain new tendencies in the development of post-avant-garde art and post-war literature, including works by Jerome D. Salinger.

Results and discussion.

“*A Perfect Day for Bananafish*” (1948) is one of the short stories in the cycle “Nine Stories” (1953) by Jerome Salinger that are organized according to the principle of distortion of the usual scheme of cause and consequence connections, very similar to the rhizome principle introduced by Gilles Deleuze. The famous analysis of short stories by Salinger carried out by the Russian scholar Galinskaya reveals similar patterns of non-traditional principles of narrative construction in the works by Salinger. The researcher focused on the religious aspect of Zen Buddhism. Since this research is quite famous and well-established for the Russian academic world, we are going to refer to it and compare it to the concept introduced by Gilles Deleuze.

Galinskaya states that the foundation of the book *Nine Stories* is the Zen Buddhist koan of “one hand clapping”, that, among other miraculous koans, has been carried out by Zen prophets with an aim to exercise in the disciples the intuition, to teach them how to change from formal and logical thinking into poetic and associative.

According to the opinion of the researcher Galinskaya, the fact of placing “Nine Stories” into one book, for Salinger was to re-create the emotional, psychic, spiritual way of an individual’s experience, reflecting the main spectrum of people’s sufferings, passions, that is comparing a piece of art with something that has organic nature (in terms of Ancient Indian philosophy) [13]. Some critics even see in this story “an account of despair”, “martyrdom of spiritual traps that contemporary American life is full of” [14, p. 299]. The Ancient Indian interpretation introduced by Galinskaya is far more productive as it points out, above all, at the structural characteristics of the prose by Salinger, the preference for mirror-isomorphic form, the combination of un-correlated events, comparing the literary work to natural laws that are not possible to understand to the full by a human being [13].

As Umberto Eco points out, “it is the Zen philosophy that is principally anti-intellectual, the one that accepts life in all its unexpected revelations, without any attempt to bring into it some explanations, that could have killed it without understanding or getting its free flow” [15, p. 241]. Zen Buddhist philosophy became interesting for Salinger after the war (and that is when the story was published). Post-war times are characterized by the loss of hope and strength in people’s minds. Salinger is writing a story not only to get the feeling of the times and render it. Zen philosophy is an attempt to get away from reality for the author himself, one of the ways to treat psychic disorder that he suffered from after having participated in armed conflicts. At the end of the war Salinger was in Normandy. In April 1945 he was among those who freed Kaufering, one of the divisions of the concentration camp Dachau. What he saw there, was the last straw for a person who had participated in five major operations already. After the capitulation of Germany, Salinger was taken to hospital and treated there as having a mental illness.

The story “A Perfect Day for Bananafish” consists of two scenes and an epilogue. Seymour and his wife Muriel are having a vacation in Florida. In the absence of her husband, Muriel is on the phone with her mother in New York. The conversation is about Seymour, whom the mother-in-law considers a person who is mentally unstable, and therefore is concerned about the fate of her daughter. During this conversation, Seymour is talking to a three-year-old girl, Sybil, on the beach near the hotel. He tells her a self-written story about a bananafish that swims into an underwater banana cave, eats bananas there, gets sick with banana fever and dies. After that, Seymour returns to his hotel and, after looking at his wife sleeping on the bed, pulls out a gun and shoots himself in the temple.

The story evoked the same reaction from all the interpreters of it: when asked whether this story is not a paradigm of its author's and narrator's own situation, they all answered affirmatively. For Western philosophical thinking, accustomed to precise logical definitions and Aristotelian categories, it is inconceivable that the same tradition simultaneously allows the existence of several points of view on a single phenomenon and that the unity of the teaching is not violated. When Seymour, teasing a little girl, tells her about a fabulous bananafish that swims into a cave where it eats a lot of bananas, but dies because it does not fit through the door, he actually means his marriage. However, death in Hinduism has two opposite interpretations: it is the greatest sorrow and the greatest happiness [13, p. 35–38].¹

¹ The interpreters of Salinger's story, who unanimously equated Seymour's suicide with the fate of a bananafish that had eaten too many bananas and died because of it, did not take into account the above-mentioned features of Indian religious and philosophical consciousness. All the more so because both of these collisions, in addition to the literal meaning, also have a manifest meaning. Namely, taking into account the author's philosophical and aesthetic attitudes, i. e. the worldview of Hinduism, it is quite acceptable to say that the banana fish – a weak person who craves for life's pleasures, and this is disastrous, because it leads to the continuation of existence, whereas for Seymour voluntary death is not death, but the path to salvation, Nirvana, i. e., to complete and final liberation from desires. Suicide is a perfectly legal and even necessary act if one is unable to resist the passions. The main “object of temptation” is considered to be a woman. It is she who usually prevents a man from fulfilling his life's purpose – to renounce desires. In such a situation, the decision to end one's life immediately gives one the right to Nirvana [13, p. 5–8]. Thus, in the story, as Galinskaya concludes, we find two layers of ideas about man: 1) as a weak being, overcome by the thirst for life and the desire for sensual pleasures, and 2) as an exceptional nature, able to overcome all the temptations of life, in order to merge forever with the divine substance. After all, the meaning of existence is in knowing intuitively that the multiplicity of the world is a deception, for there is only one Life, one Essence and one Goal. In the realization of this unity, Hindus see the greatest good, salvation, liberation, and the highest meaning. Life is eternal, boundless not by its duration, but by the knowledge of the universe in itself and of itself in everything [ibid.].

Philosophical points developed by Gilles Deleuze could serve to analyze the story by Salinger in a similar, yet even a more profound way. It is not only a shot that reveals information about the whole situation, it is the whole story and the way it is written, that is most revealing.

Firstly, the idea of repetition serves to provide a special mood in the story. It is not the mood only, it is actually the manifestation of life's hopelessness and the feeling of depression. If you consider the first episode (the telephone talk between the mother and daughter), you see that the main purpose of the talk is to maintain the conversation:

"Thank you," said the girl, and made room on the night table for the ashtray. A woman's voice came through. "*Muriel? Is that you?*" (Greeting, Question).

The girl turned the receiver slightly away from her ear. "*Yes, Mother. How are you?*" she said (Greeting, Question).

"I've been worried to death about you. *Why haven't you phoned? Are you all right?*" (Greeting, asking about health, Question).

"I tried to get you last night and the night before. The phone here's been--" (Answer, interrupted).

"*Are you all right, Muriel?*" (Asking about health, question).

The girl increased the angle between the receiver and her ear. "I'm fine. I'm hot. This is the hottest day they've had in Florida in --" (Answer, small talk about weather).

"Why haven't you called me? I've been worried to --" (Question, expressing worries).

"Mother, darling, don't yell at me. I can hear you beautifully," said the girl. "I called you twice last night. Once just after --" (Complaint, apology, interrupted explanation).

"I told your father you'd probably call last night. But, no, he had to--Are you all right, Muriel? Tell me the truth" (Asking about health, question, insisting).

"I'm fine. Stop asking me that, please" (Answer, complaint).

"When did you get there?" (Question).

"I don't know. Wednesday morning, early" (Answer).

"Who drove?" (Question).

"He did," said the girl. "And don't get excited. He drove very nicely. I was amazed" (Answer, explanation).

"He drove? Muriel, you gave me your word of --" (Question, asking for clarification).

"Mother," the girl interrupted, "I just told you. He drove very nicely. Under fifty the whole way, as a matter of fact" (Answer, explanation).

"Did he try any of that funny business with the trees?" (Question) [16].

This is how the pragmatic functions are sequenced in the text: a greeting formed as a question, a greeting formed as a question, a greeting, a question about health, an answer, a question about health, a question, an answer, small talk about weather, a question, expressing worries; complaint, apology, interrupted explanation, a question about health, a question, an answer, a complaint, a question, an answer, etc. We could see by analyzing the above fragment that from a pragmatic point of view, the conversation continues as follows: the mother repeats the same question about

her daughter again and again, the daughter gives vague and interrupted responses. This repetition pattern serves to show that both speakers actually have little to say to each other, yet they continue their talk for a certain time. The effect created is in some way is similar to the one existent in the plays by Chekhov, that is the effect of “absence”, as in these plays there is very little action. The only action observed in the prose by Salinger occurs when the characters talk about everyday life, tell each other sad episodes from life, being in concealed opposition to each other. The conversation is self-sufficient, what is important is to maintain the conversation in which virtual images of the past events become actual, almost burning issues at the moment of speech.

The researcher Slavenky states that the little girl's name Sybil in the story is a reference to T. S. Eliot's poem *the Wasteland* and she herself has something of the “lamb” from a poem by William Blake. All the time he spends with her on the beach and at sea, Seymour weighs the balance of good and evil in human nature in the attempt of finding hope, or even relief from the heavy burden of experience [14, p. 35, 201]. The end of the story is a summing up of a series of repetitions that actualize the difference: the shot is the difference.

Secondly, the structure of the story is far more complicated and meaningful than it seems at first sight. The mirror like isomorphic nature of the story is the basis of it, this is not a compositional instrument only or an aesthetic means, this is an intrinsic component of the meaning that is made up by the author on all the possible levels.

Symbolism and the semantics of mirror have been studied carefully. For Bakhtin a mirror is a means of self-realization through your own reflection [17]. Other researchers consider the mirror to be the border between the opposition “mine – the other”, “alive-dead”, “inner-outer” [18]. Organization of the narrative developed by Nabokov, for example, is based on the idea of multiple worlds, in which the reflected worlds are contrasted [19]. The mirror, thus, in literary works denotes the image, the means, the symmetrical composition. If for some post-modern writers, for instance, for Nabokov, the principle of mirror or palindrome on the level of semantics and composition is more evident and frequent (that is the internal play of sounds and words that create the semantic seesaw principle, the simultaneous co-existence of many meanings, the co-existence of places and worlds) [20], for Salinger such isomorphic mirror like organization is less evident yet is also characteristic of his prose not only on the pragmatic level, but on the semantic and phonetic plain.

There is no dynamism as far as the relations between the characters are concerned apart from the scene with the last shot. What is there in the story then? Endless number of mirror like repetitions which create a crystal form that is pointing at the center. In the room house a meeting takes place, virtual and real worlds become actualized. It is observed on the semantic level in the example of a direct statement of “no difference”:

“Yes, dear. That doesn't make any difference,” said the girl, crossing her legs. “He said that the poems happen to be written by the only great poet of the century” [16].

Such repetitions also happen on the syntactic (action) or semantic (image) plane as in the example of:

“She was a girl who for a ringing phone dropped exactly nothing. She looked as if her phone had been ringing continually ever since she had reached puberty. With her little lacquer brush, while the phone was ringing, she went over the nail of her little finger, accentuating the line of the moon. She then replaced the cap on the bottle of lacquer and, standing up, passed her left--the wet--hand back and forth through the air” [16].

Here you get the image of roundness (expressed semantically: moon, nail) as well as the repeated action (expressed on the syntactic level: ringing phone, ringing continually, passed her left – the wet – hand – back and forth).

This is what Deleuze writes about repetition:

“To repeat is to behave in a certain manner, but in relation to something unique or singular which has no equal or equivalent. And perhaps this repetition at the level of external conduct echoes, for its own part, a more secret vibration which animates it, a more profound, internal repetition within the singular. This is the apparent paradox of festivals: they repeat an ‘unrepeatable’. They do not add a second and a third time to the first, but carry the first time to the ‘nth’ power” [21].

Repetitions, mirror like and echo like elements all make the “secret vibration” the core of the narrative, triggering the synergy effect of the narrative, providing special attention to the sound and hue of the narrative.

Thus, for full understanding of the short story by Salinger it is crucial to take into account the susceptibility of the author to the sound, to its different hues and transformations. The sound wave is an important metaphor in every story. In the first story of the cycle, called “A Perfect Day for Bananafish” – it is a shot: fired a bullet through his right temple which allows the reader to hear the shot, to feel the final moment. In the last short story the final phrase is the description of the echo which accompanies the girl’s shout or scream, in the text actualized as: he heard an all-piercing, sustained scream--clearly coming from a small, female child. It was highly acoustical, as though it were reverberating within four tiled walls [16]².

Considering the shot scene, it is worth mentioning what Gilles Deleuze means by death:

“Death has nothing to do with a material model. On the contrary, the death instinct may be understood in relation to masks and costumes. Repetition is truly that which disguises itself in constituting itself, that it which constitutes itself only by disguising itself” [20].

The shot and the death of the main character in the story make the impact of its very fact more powerful and less “material”, referring to transcendence not by stating it directly, but by hinting at it and “disguising it”.

There are numerous forms of sound realizations in the text that are especially noticeable against the silence of the main characters. The opposition of a) the silence and b) speech are also very characteristic of post-modern narrative and are derived from ideas expressed by post-structuralists, in general, and G. Deleuze, in particular, who wrote about the equation of the form and the emptiness or silence [2]. In the story “A Perfect day for Bananafish” there is an occurrence of the young girl’s silence followed by her strange remark that has nothing to do with the previous conversation. The sudden change of the topic continues:

Sybil was silent.

“I like to chew candles“, she said finally.

“Who doesn’t?” said the young man, getting his feet wet. “Wow! It’s cold.” He dropped the rubber float on its back. “No, wait just a second, Sybil. Wait’ll we get out a little bit.” [16].

² In the story "Just Before the War with the Eskimos" it is the unheard sound of tennis ball hitting the ground, that creates a certain sound phantom, virtual "bounce" that increases the illusion of the sound, gives it more volume.

This sort of contrast between sound (realized in the text by the phrase "I like to chew candles") and silence (Sybil was silent) creates a special sound space, in which voices of the characters are heard against the background of silence. It's important to note that Salinger was very subtle to sound and noise. In one of his letters to Oona O'Neill he mentioned a number of times those horrors that he not only saw but also heard at war, and which he saw or heard traces of on return home [21, p. 242–254].

Thirdly, another special feature of the story is the realization of different forms of perception seen as repeated, including a) by touch: Mrs. Carpenter was putting sun-tan oil on Sybil's shoulders, spreading it down over the delicate, winglike blades of her back, soft part of the beach, he picked up the slimy wet, cumbersome float, putting his hand on Sybil's ankle [16]; b) by smell: The room smelled of new calfskin luggage and nail-lacquer remover [ibid.]; c) by sound: "It sounds darling," Mrs. Carpenter agreed. "Sybil, hold still, pussy", d) by sight: they look as if they drove down in a truck [ibid.].

All in all, the story has got a very rigid structure which is at the same time open, it allows to accommodate fragments of real human experience and perception as if they are implanted into the text. Repetition in the sense that Deleuze means it is manifested in the story by means of pragmatic, syntactic, phonetic repetitions, echo-elements, mirror-like elements, as well as special attention to sound qualities of the language and diverse nature of human perception.

"*The Catcher in the Rye*" (1951). Next we are going to look at how a new type of narrative is implemented in Salinger's novel "The Catcher in the Rye". Poetry of the early 20th century is a limitless expansion of intonation patterns of speech, yet the prose (for example, the late Salinger), in turn, is characterized by the creation of a new type of the narrative – the most sensitive in respect of the register, written speech turned into the oral. If the narrators of the past times (the traditional narrative which was conducted in the first or third person) actually "wrote" books, Salinger's character and the narrator is simply telling it. In the very first line of "The Catcher in the Rye", the main character Holden addresses the reader: "If you really want to hear this story...": to hear, not to read. In addition, Salinger's characters, in particular Holden, are not shy in their expressions. British publishers at the time were afraid that in their country "The Catcher in the Rye" with its obscene language will get very poor reviews, through the use of obscene language actually makes the novel innovative, encrypted, as close as possible to the everyday life of an American teenager [22]. Salinger changes the parameters of sensitivity, hides and reveals new meanings, describing simple stories from the life of New York, combining the natural course of events with the colossal literary layer of modern America and Great Britain.

The new type of prose corresponds to the views developed by Deleuze that are very revealing for understanding the humour of Salinger, his attempt to construct internal irony in the text is very characteristic of post-avangarde prose. This is what Deleuze writes in "Difference and Repetition" regarding law and overturning its principles:

"The first way of overturning the law is ironic, where irony appears as an art of principles, of ascent towards the principles and of overturning principles. The second is humour, which is an art of consequences and descents, of suspensions and falls. Must we understand that repetition appears in both this suspense and this ascent, as though existence

recommenced and 'reiterated' itself once it is no longer constrained by laws? Repetition belongs to humour and irony; it is by nature transgression or exception, always revealing a singularity opposed to the particulars subsumed under laws, a universal opposed to the generalities which give rise to laws" [23].

Irony and humour is a way of dealing with the old cultural heritage. "Overturning principles" as viewed by Deleuze is not meant in the sense of "overturning" the morale but signifies the attempt to become transgressional, that is "feeling" and "capturing" the reality every moment anew.

The interaction of "old" – "new", "familiar" – "unfamiliar", "public" – "personal" in the novel by Salinger create a special tone of the narrative, in which the author's observations and verbal interpretation of events by the hero merge with the horizon of a well-known cultural and historical context. In this regard, the new form of the narrative contrasts with the previous literary and cultural context: on closer examination, Holden turns out to be a very educated, almost "Dickensian" character, the contours of the image of the author himself, an educated writer, who emerges through, at first glance, the features of a naive and immature teenager:

"I wouldn't mind calling this *Isak Dinesen* up. And *Ring Lardner*, except that D. B. told me he's dead. You take that book *Of Human Bondage*, by *Somerset Maugham*, though. I read it last summer. It's a pretty good book and all, but I wouldn't want to call Somerset Maugham up. I don't know, He just isn't the kind of guy I'd want to call up, that's all. I'd rather call old *Thomas Hardy* up. I like that *Eustacia Vye*" [23, p. 8].

Holden's literary tastes are largely determined by the sincerity of his perception. Holden is saying good-bye to his childhood in the face of English classical literature which is mentioned in this passage, including "Of Human Bondage" by S. Maugham, a contemporary of Salinger, a famous English writer and playwright. Holden does not like his works at all. But the novel "Out of Africa" by Isaac Dinesen suddenly becomes interesting for him. The novel "Out of Africa" was first published in 1937, is written by a woman and describes the impressions of the writer (who writes under the pseudonym of Isaac Dinesen), who lived for a long time on a coffee plantation in Kenya, one of the most famous and picturesque British colonies. The novel is written with nostalgia and tenderness for Africa and its indigenous population, recreating the problems that arose in the post-colonial era in the British Empire.

The most surprising part of this passage is Holden's statement about Thomas Hardy: "I would rather call the late Thomas Hardy. I like his *Eustacia Vye*" [23]. Holden's choice in favor of Thomas Hardy is notable for the fact that he likes "his *Eustacia Vye*" rather than the novel itself. In this sincerity, there is a clear irony inherent in the author. After all, Holden likes the romantic heroine as a girl! Imagine that a Russian writer in the middle of the 20th century would put the words into the mouth of a young hero: "I would rather call the late Leo Tolstoy! I like his *Anna Karenina*"!

Another important point that draws attention to the author's play with historical and cultural realities relates to the issue of religion (thus demonstrating the difference-repetition opposition). It was not only for Salinger that it was impossible to talk about God and quote the Bible in the war and postwar times. The world had just seen the atrocities of fascism, and the entire ethical and aesthetic value system had actually been turned upside down. The inner search for harmony and light is reflected in completely new aesthetic means of transmitting thoughts. The episode

with the nuns in “The Catcher in the Rye” is considered by many critics to be a “turning point” for Holden [24]. And although the hero is biased against religious people: “to be honest, I just can't stand priests”, he quickly realizes that his stereotypes are wrong. Nuns behave like ordinary women, even like passionate literary heroines from classic novels. However, most of all, Holden is struck by the fact that they are cute and kind.

The “game” with a well-known plot is used by Salinger in the following passage, in which the story from the book of the Old Testament is played out. Holden seems to be blaspheming by saying “...**the guy I like best in the Bible, next to Jesus, was that lunatic and all, that lived in the tombs and kept cutting himself with stones**” Nevertheless, it is natural that Holden admires (though very deliberately, but sincerely!) this “eccentric” – Job-the main character of the biblical book of Job, one of the books of the Old Testament, who was stricken with a terrible leprosy, but, having passed the test, was rewarded for patience:

“...You want to know the truth, *the guy I like best in the Bible, next to Jesus, was that lunatic and all*, that lived in the tombs and kept cutting himself with stones. I like him ten times as much as the Disciples, that poor bastard” [23, p. 43].

Holden talks about Job, on the one hand, almost blaspheming (in the text that poor bastard, lunatic, the guy). On the other hand, the reader's surprise and sympathy for Holden, the author's simultaneous irony, his reflection on accepted norms in a particular historical and religious context, force the reader to re-think the laws of life. This is very similar to the rhizome idea, or the difference-repetition idea, introduced by Deleuze as it serves the possibility of reviving certain images by means of portraying them in a similar (repetitive) yet completely different reality (the content of the story about Job and reference to it is not changed, it is the unusual wording that makes the difference).

Another example from the novel is Holden's comment on Catholics:

“... Catholics in general always try to find out whether you are a Catholic or not...” [23, p. 44].

The first European settlers in the New World were Spanish Catholics. Much later, the German and British colonists, and later their descendants, were Protestants who were hostile to Catholicism. In the middle of the XIX century, during the mass emigration from Ireland, such opposition intensified, which affected even a hundred years later. For example, during John F. Kennedy's first campaign, many Protestant preachers urged their congregation not to vote for him precisely because he was a Catholic. In response, Catholics took a defensive stance, which led to strong internal denominational support and a tendency to divide people into “friend-foe” on a religious basis ... Holden explains that due to the fact that he has an Irish surname, many consider him a Catholic. The fact is that an American boy from a good family who goes to a prestigious school often has parents or relatives of Irish origin, and the majority of Irish people who come from Great Britain are Catholics. Such a reference and implied idea reveals a whole layer of history for the reader of that time. And Holden, as always, stands up for the truth in vain. First, Catholics are famous for the strictness of their rites, adherence to traditions, long prohibitions on divorce and, in most cases, special rules of obedience for Catholic priests who do not have property, take a vow of celibacy, and in everything that happens in their lives, strictly adhere to the dogmas of the Church. Secondly, the relentless criticism of the Catholic Church has

become more active in the middle of the twentieth century, especially after the Second World War, and with new enthusiasm in recent times. A huge number of violations in men's and women's monasteries were revealed. Salinger did not experience such pressure from his Irish side, but other Irish writers, James Joyce, Oscar Wilde, and Iris Murdoch, have protested very critically against the foundations of this religion, in their literary works, or their own life experiences.

Thus, the tension created by Salinger between the unpretentious voice of the “young hero” and the whole layer of the literary world creates an infinite number of additional connotations, gives birth to new meanings. Such intertextual references and allusions are very typical for the literature and art of the 20th century. A striking example is Picasso's painting *Breakfast on the Grass*, made in the style of Cubism, actually imitates the famous canvas by E. Manet, made in a more traditional technique. The new interpretation brings a new content to a well-known story, without changing the original structure and form of expression. This accounts for the repetition technique that is a way of ironic and reflective view of a well-known plot or subject.

Conclusion. The ideas expressed by Gilles Deleuze in his work “Difference and Repetition” could be well traced in the new type of the narrative developed by authors of the 20th century. The rhizome and repetition idea correspond to the repetitive patterns in the narrative: on the micro-level, it is the plot, on the macro-level, it is the repetition of the sentence or an utterance. Salinger’s works have got an open structure which at the same time is well determined and rigid. The connection of the crystal-like, mirror-isomorphic structure of the story and the fragments of real life experience and feelings of the main characters create a “vital shadow of a draft”, which allows to treat events and create a special feeling in the reader. In this sense what Hassan coins as the tendency of post-modern literature to find “the Holy Spirit” in the text rather than “observe” the power of the writer (“the God Father”) is well observed [25]. The main meaning is not manifested or realized directly in the text, represented, or stated explicitly, it could even be absent. It is seen beyond the composition as if forming itself without the author’s will. Simplicity, minimal lexical density, absence of cause-effect connections, all create the feeling of trance, that makes the reader come back to the story again in the attempt to find new interpretations. One of the saddest stories by Salinger about the fate of the post-war generation and the famous novel “*The Catcher in the Rye*” create the atmosphere of transcendental presence. A series of repetitions gives the feeling for the difference, understanding, as a focus on any situation provides new opportunities for actions.

REFERENCES

1. Deleuze, G. (1998), *Difference and Repetition*, Transl. by Man'kovskaya, N. B., Petropolis, SPb., RUS.
2. Lavrova, S.V. (2013), “*Logika smysla*” *novoi muzyki. Opyt strukturno-semioticheskogo analiza na primere tvorchestva Khel'muta Lakhennanna i Sal'vatore Sharrino* [“The logic of meaning” of new music. The experience of structural-semiotic analysis on the example of the works by Helmut Lachenmann and Salvatore Sciarrino], Saint-Petersburg State University, SPb., RUS.
3. Williams, J. (2012), “Difference and Repetition”, *The Cambridge companion to Deleuze*, in Smith, D. and Somers-Hall, H. (eds.), Cambridge: Cambridge Univ. Press, UK, pp. 33–54. DOI: <https://doi.org/10.1017/CCO9780511753657>.
4. Hughes, J. (2009), *Deleuze`s Difference and Repetition. A Reader`s Guide*, Continuum, N.Y., London, UK.
5. Deleuze, G. (1985), *Cinema 2. L'Image-temps*, Les Editions de Minuit, Paris, FRA.

6. Zourabichvili, F. (2003), *Le vocabulaire de Deleuze*, Ellipses, Paris, FRA.
7. Simondon, G. (2005), *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*, Gêrôme Millon, Grenoble, FRA.
8. Skonin, D. (2011), "Membrane and pleated life: Gilbert Simondon and Gilles Deleuze", *Sinii divan* [Blue sofa], no. 16, pp. 236–243.
9. Uspensky, B.A. (1995), *Semiotika iskusstva* [Semiotics art], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, RUS.
10. Gennett, G. (1998), *Figures*, in 2 vol., vol. 1, Transl. by Vasil'eva, E., Gal'tsova, E., Grechanaya, E. and etc., Izdatel'stvo Sabashnikovih, Moscow, RUS.
11. Lotman, Yu.M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Gnosis, Progress, Moscow, RUS.
12. Kolotov, A.A. (1997), "Atopicity (utopianism) of the chronotope (on the example of three Virginia Woolf novels)", *Kul'tura i tekst* [Culture and text], International scientific conference, SPb., Barnaul, RUS, 10–11 Sept. 1996, iss. 1, Literaturovedeniye, pt. 2, pp. 122–124.
13. Galinskaya, I.L. (1986), *Zagadki izvestnykh knig. Tainopis' Selindzhera. Shifry Mikhaila Bulgakova* [Riddles of famous books. The Cryptography of Salinger. The ciphers of Mikhail Bulgakov], Nauka, Moscow, USSR.
14. Slawenski, K. (2012), *J.D. Salinger: A Life Raised High*, Transl. by Karel'skii, D.A. and Doroshevich, A., Kolibri, Moscow, RUS.
15. Eco, U. (2004), *Otkritoye proizvedeniye* [The Open Work], Transl. by Shurbelev, A., Akademicheskii proekt, SPb., RUS.
16. Salinger, J.D. (2013), *Nine stories*, available at: https://materlakes.enschool.org/ourpages/auto/2013/2/25/50973306/Nine_Stories_by_J_D_Salinger.pdf (accessed 27.01.2020).
17. Vulis, A.Z. (1991), *Literaturnye zerkala* [Literary mirrors], Sovetskii pisatel', Moscow, RUS.
18. Zabolotnaya, O.D. (2004), "System enantiomorphism in the works of V. Nabokov", Abstract of Can. Sci. (Linguistic) dissertation, MPGU, Moscow, RUS.
19. Lavrova, S.V. and Shcherbak, N.F. (2015), "Expressible and Inexpressible Elements of the 20th Century Narrative and Musical Anti-Narrative Practices: Ada by V. Nabokov and New Music", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Arts*, vol. 5, № 2, pp. 19–33.
20. Deleuze, G. (1994), *Difference and repetition*, translated by Paul Patton, Columbia Univ. Press, NY, 1994
21. Beigbeder, F. (2015), *Oona & Salinger*, Transl. by Khotinskaya, N., Azbuka, SPb., RUS.
22. Baldwin, S.P. (2000), *Cliffs Notes on Salinger's "The Catcher in the Rye"*, Cliffsnotes, London, UK.
23. Salinger, J.D. (2003), *The catcher in the rye*, available at: http://lib.ru/SELINGER/sel_engl.txt (accessed 13.11.2019).
24. Beidler, P.G. (2011), *A Reader's Companion to J. D. Salinger's The Catcher in the Rye*, Coffee town Press, London, UK.
25. Hassan, I. (1987), "Toward a Concept of Postmodernism", *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture*, Ohio State Univ. Press, Columbus, USA.

Information about the authors.

Nina F. Shcherbak – Can. Sci. (Linguistics) (2015), MA in English language teaching (Lancaster, UK), Associate Professor at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 11 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 150 scientific publications, monographs and books. Area of expertise: narratology, pragmatics, cognitive linguistics, psycholinguistics, literary studies ORCID: 0000-0001-8725-9717. E-mail: alpha-12@yandex.ru

Alfredo Taunay – Postgraduate at the Department of Media Studies, Collaborating researcher at the LABCOM center, University of Beira Interior, Convento de Santo António, 6201-001 Covilhã, Portugal; master (2018) (Cinema Studies); Research Officer at the Foundation for Supporting Research and Scientific and Technological Development of

Maranhao, FEPAMA. The author of a number of articles and documentaries. Areas of expertise: narratology, media studies. E-mail: alfredo.colins@hotmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской. СПб.: Петрополис, 1998.
2. Лаврова С. В. «Логика смысла» новой музыки. Опыт структурно-семиотического анализа на примере творчества Хельмута Лахенманна и Сальваторе Шаррино. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.
3. Williams J. Difference and Repetition // The Cambridge companion to Deleuze / D. Smith, H. Somers-Hall (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. P. 33–54. DOI: <https://doi.org/10.1017/CCO9780511753657>.
4. Hughes J. Deleuze`s Difference and Repetition. A Reader`s Guide. N.Y., London: Continuum, 2009.
5. Deleuze G. Cinema 2. L'Image-temps. Paris: Les Editions de Minuit, 1985.
6. Zourabichvili F. Le vocabulaire de Deleuze. Paris: Ellipses, 2003.
7. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Gêrôme Millon, 2005.
8. Скопин Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делёз // Синий диван. 2011. № 16. С. 236–243.
9. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995.
10. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной и др. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 1998. Т. 1.
11. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992.
12. Колотов А. А. А(у)топичность хронотопа (на примере трех романов Вирджинии Вулф) // Культура и текст: мат. междунар. науч. конф., 10–11 сент. 1996 г. Вып. 1. Литературоведение. Ч. 2. СПб.; Барнаул: БГПУ, 1997. С. 122–124.
13. Галинская И. Л. Загадки известных книг. Тайнопись Сэлинджера. Шифры Михаила Булгакова. М.: Наука, 1986.
14. Славенски К. Дж. Д. Сэлинджер. Идя через рожд / пер. Д. А. Карельского, А. Дорошевича. М.: Колибри, 2012.
15. Эко У. Открытое произведение / пер. А. Шурбелева. СПб.: Академический проект, 2004.
16. Salinger J.D. Nine stories. URL: https://materlakes.enschool.org/ourpages/auto/2013/2/25/50973306/Nine_Stories_by_J_D_Salinger.pdf (дата обращения: 27.01.2020).
17. Вулис А. З. Литературные зеркала. М.: Советский писатель, 1991
18. Заболотная О. Д. Система энантиоморфизма в творчестве В. В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МПГУ. М., 2004.
19. Лаврова С. В., Щербак Н. Ф. Выразимые и невыразимые элементы музыкального и литературных языков. Роман «Ада» Владимира Набокова и новая музыка // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2015. Т. 5, № 2. С. 19–33.
20. Deleuze G. Difference and repetition / transl. by Paul Patton. NY: Columbia Univ. Press, 1994.
21. Бегбедер Ф. Уна & Сэлинджер / пер. Н. Хотинской. СПб.: Азбука, 2015.
22. Baldwin S.P. Cliffs Notes on Salinger's "The Catcher in the Rye". London: Cliffsnotes, 2000.
23. Salinger J. D. The Catcher in the rye. URL: http://lib.ru/SELINGER/sel_engl.txt (дата обращения: 13.11.2019).
24. Beidler P. G. A. Reader's Companion to J. D. Salinger's The Catcher in the Rye. London: Coffee town Press, 2011.
25. Hassan I. Toward a Concept of Postmodernism // The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1987.

Информация об авторах.

Щербак Нина Феликсовна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций, монографий и научно-популярных книг. Сфера научных интересов: современная литературоведческая теория, нарратология, когнитивная лингвистика. ORCID: 0000-0001-8725-9717. E-mail: alpha-12@yandex.ru

Альфредо Таунай – аспирант кафедры медиа-исследований, научный сотрудник центра LAVCOM университета Бейра Интериор, Конвенто Санто Антонио, 6201-001 Ковильян, Португалия; магистр (2018) искусств в области медиа-исследований; научный сотрудник Фонда поддержки научных исследований и научно-технического развития Мараньяо, ФЕПАМА. Автор ряда статей и документальных фильмов. Сфера научных интересов: нарратология, медиа-исследования. E-mail: alfredo.colins@hotmail.com

Профессиональная подготовка в сфере рекламы и связей с общественностью в регионах России: проблема брендинга образовательной организации

Л. В. Шарахина[✉], А. В. Ранчин

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

[✉]LVSharakhina@etu.ru

Введение. В статье рассматривается российский рынок образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования в условиях продолжающейся трансформации видения системы высшего образования как услуги. Акцентируется необходимость изучения и внедрения профессиональной коммуникационной деятельности при продвижении образовательной организации высшего профессионального образования.

Методология и источники. В качестве теоретико-методологической базы статьи были использованы научные труды отечественных исследователей проблем формирования и управления брендом вуза (Д. А. Шевченко, М. Е. Кудрявцева, А. Д. Кривоносов и др.), в том числе анализировались материалы, касающиеся брендинга региональных вузов Российской Федерации (материалы всероссийских и международных конференций: «Общество. Наука. Инновации (НПК-2018)», г. Киров; «Образование и социализация личности в современном обществе», г. Красноярск; «Брендинг как коммуникативная технология XXI века», г. Санкт-Петербург и др.).

Эмпирической базой исследования выступили региональные вузы-лидеры Российской Федерации, обучающие студентов по направлению «Реклама и связи с общественностью». Основаниями для определения списка региональных вузов-лидеров по данному направлению стали следующие позиции: количество мест, финансируемых за счет государственного бюджета; баллы ЕГЭ студентов, поступивших в вуз; динамика приема абитуриентов-контрактников. Также были выявлены регионы России, из которых приезжают студенты для обучения по направлению «Реклама и связи с общественностью» в СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Были исследованы элементы формирования ценностных платформ брендов подразделений региональных вузов-лидеров, готовящих бакалавров по направлению 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью».

Результаты и обсуждение. Результаты эмпирического анализа показали, что профильные образовательные подразделения вузов-лидеров, готовящих бакалавров по направлению «реклама и связи с общественностью», не в полной мере реализуют свой научный и методический потенциал в практической деятельности. При позиционировании указанного направления исследуемые вузы делают акцент на демонстрации объективных количественных показателей, не выделяя ключевые ценност-

© Шарахина Л. В., Ранчин А. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ные послания, и не представляется возможным рассматривать это в качестве примера брендинга и элемента бренда образовательной организации.

Заключение. По итогам проведенного исследования авторы делают вывод о необходимости применения коммуникативных технологий по формированию и управлению брендом вуза для структурирования конкурентного поля профессионального образования, что оказывает непосредственное влияние на эффективность управления такими организациями и является актуальным требованием для продвижения организации и ее продуктов (товаров или услуг) в современном обществе.

Ключевые слова: профессиональное образование, эффективность управления, реклама и связи с общественностью, брендинг, вуз, медиатехнология.

Для цитирования: Шарахина Л. В., Ранчин А. В. Профессиональная подготовка в сфере рекламы и связей с общественностью в регионах России: проблема брендинга образовательной организации // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 44–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-44-60

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 10.02.2020; принята после рецензирования 16.03.2020; опубликована онлайн 25.04.2020

Advertising and Public Relations Professional Education in the Regions of Russia: Educational Organizations Branding Issues

Larisa V. Sharakhina[✉], Aleksey V. Ranchin

Saint Petersburg Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia

[✉]LVSharakhina@etu.ru

Introduction. The Russian higher education market in the sphere of Public Relations and Advertising is represented in the paper. The basic approach to the market is shaped by the vision on higher education in the frame of service paradigm. The need to analyze and implement professional communication activities while promoting university education organizations is stressed by the authors. A special attention is put to the necessity of professional communication technologies, such as branding, their application to universities, because it influence such institutions managerial efficiency, helps to systemize a share of their voice, and it is already the necessity for the present day society.

Methodology and sources. Theoretical and methodological basis of the paper was composed by scientific works of Russian researchers in the field of university branding, brand-management, including papers on Russian Federation regional universities branding. Empirical study base was designed by materials of regional leading universities, which give higher education in PR and Advertising. Underlying rationale for defining the leadership were the following: number of state-funded student places; 1st year students' unified national exam results; the dynamics of prospective students in PR and Advertising on tuition payment basis enrollment. Russian regions, the most of enrollees are coming from to Saint Petersburg Electrotechnical University, were also unveiled.

The elements of value-based branding platforms of departments responsible for Public Relations and Advertising education in regional leading higher education institutions are also brought in focus.

Results and discussion. Empirical study revealed that PR and Advertising education departments of the universities studied did not fulfill their scientific and methodological potential in practice to the full extent. The education institutions examined in the research mostly communicate their objective quantitative indicators positioning Public Relations and Advertising education rather than core value messages. Thus it does not seem

possible to typify these communication components as examples of branding process and brand element of university.

It would help to structure the market share and influence positively on university promotion.

Conclusion. Following the results of the study the authors conclude the necessity to apply communication technologies of brand development and brand management for structuring the market share and influencing positively on university promotion. It directly impacts on education institutions managerial efficiency and proves its relevance to modern society.

Key words: professional education, managerial efficiency, advertising and Public Relations, branding, university, mediatechnology.

For citation: Sharakhina L. V., Ranchin A. V. Advertising and Public Relations Professional Education in the Regions of Russia: Educational Organizations Branding Issues. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 44–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-44-60 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.02.2020; adopted after review 16.03.2020; published online 25.04.2020

Введение. Концептуальный пересмотр российских вузов как «образовательных организаций высшего образования, осуществляющих оказание государственных услуг в сфере образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета» [1, п. 15, ст. 36] или же заключающих договоры об образовании «при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица (далее – договор об оказании платных образовательных услуг)» [1, п. 3, ст. 54] повлиял на формирование относительно нового для нашей страны высококонкурентного рынка образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования. Следует отметить, что непосредственно юридическая трактовка понятия «рынок образовательных услуг» в процитированном законе не дается, тем не менее указывается на «недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования» [1, п. 11, ст. 3].

Наличие конкуренции и рыночных отношений подразумевает необходимость коммуникационного продвижения вуза: «Для укрепления собственных позиций образовательные учреждения могут использовать комплекс продвижения, в который входят реклама, стимулирование сбыта, личные продажи и связи с общественностью» [2, с. 12].

Более того, сегодня руководство РФ рассматривает образование как перспективное для экспортирования. В 2008 г. была разработана «Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на 2011–2020 гг.», поэтому экспорт данной услуги приобретает «все более важное значение в стратегиях социально-экономического развития в различных странах мира. Эксперты оценивают мировой рынок высшего образования в 150 млрд долл. США. Россия в настоящее время занимает менее 1 % этого рынка» [3, с. 26]. По прогнозам ЮНЕСКО, «к началу 2025 г. число людей, проходящих обучение за границей, может достичь 7 млн человек» [4, с. 135].

Указанная задача, а также современный уровень развития информационных технологий в сочетании с высоким уровнем мобильности населения привели к ситуации насыщенности информационного пространства официальными сайтами вузов, группами в социальных медиа, отзывами на различных интернет-ресурсах о российских и зарубежных вузах и др. Соответственно, выбор абитуриентом высшего учебного заведения становится крайне сложным, возникает объективная необходимость структурировать данную информацию, в том числе при помощи технологий брендинга. Считаем необходимым обратить внимание на то,

что коммуникационное продвижение вуза, формирование его бренда целесообразно рассматривать «в контексте имиджа национальной системы высшего образования с присущей ей академической культурой. <...> Брендинг университета связан с поиском отличительных, а порой уникальных особенностей учебного заведения» [5, с. 25–26].

Довольно часто обращаясь к вопросу формирования бренда, непрофессионалы задумываются прежде всего о нейминге и визуализации, не углубляясь в анализ текущего состояния рынка, формирование стратегического видения вуза, не уделяя особого внимания ценностной платформе его бренда.

Также в процессе привлечения потенциальных клиентов вузов сегодня активно применяется такая медиатехнология позиционирования вуза как рейтинг, имеющий аналитическую природу и позволяющий структурировать информацию и сочетать графическое и вербальное ее представление, что создает впечатление объективности взгляда. Рейтинги вузов, доступные онлайн, характерны для информационного общества, так как они «отражают современное состояние шестого поколения развития информационных систем, основанных на базовых средствах хранения различных типов данных (документы, графические, звуковые и видеообразы)» [6].

Решая, например, задачи по продвижению в мировых рейтингах THE WUR (World University Rankings) и QS (Quacquarelli Symonds), руководство вуза должно определить, в каких именно рейтингах конкуренция может быть наиболее успешной [7]. Успехи вуза в конкретных рейтингах подсказывают ключевые ценности образования в организации, помогают при формулировке уникального торгового предложения (УТП) и определении ключевых предметных областей и т. д., иными словами, помогают процессу формирования бренда вуза и управления им.

Методология и источники. При обращении к отечественным теоретическим источникам по проблеме брендинга вузов следует отметить выраженный интерес к данной проблематике с начала 2010-х гг.:

– предпринимаются попытки выделить модели вузов при брендинге [8–9]: элитный университет, массовый университет, нишевый университет, местный университет, обучение в течение всей жизни. «Рынок высшего образования характеризуется наличием в его системе разных по имиджу и репутации вузов. <...> Брендовые вузы знают и отличают от других более 60 % потребителей, а бренд-лидеров знают до 90 % потребителей данной категории вузов», – отмечает Д. А. Шевченко [10, с. 6];

– разрабатывается некий алгоритм формирования успешного бренда вуза [11, 12]. Выделяется семь концепций ребрендинга вузов: многоуровневая концепция формирования бренда учебного заведения, модель двумерного восприятия позиционирования бренда образовательного учреждения, основанная на мультисенсорной модели Мартина Линдстрорма, семикомпонентная модель корпоративного имиджа, марочная стратегия, «Колесо бренда вуза», «авторы» бренда, концепция, базирующаяся на ценностях потребителей образовательных услуг [13] и др.;

– исследуется необходимость формирования бренда вуза и управления им с целью совершенствования финансовых показателей образовательной организации, связанных со снижением рисков потребителей образовательных услуг в условиях повышения мобильности населения: «Образовательный бренд предоставляет гарантию от различных видов

морального риска, который потребители стараются избежать. Возможно, одним из наиболее важных из них является риск функциональности: опасение, что данный вид образовательных услуг не будет соответствовать нашим требованиям» [14, с. 88];

- исследуются различные аспекты и опыт брендинга отдельных вузов [15–18] и др.;
- регулярно публикуются статьи, касающиеся различных аспектов брендинга вузов в трудах научно-практической конференции «Брендинг как коммуникативная технология XXI века» [19–24].

Тем не менее наличие интереса к проблеме брендинга вуза не вполне находит практическое применение при совершенствовании коммуникационной деятельности российских университетов. Исключениями можно считать вузы, входящие в программу повышения конкурентоспособности российских вузов проекта «Топ 5-100».

В рамках реализации программы по повышению конкурентоспособности в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ «ЛЭТИ») был проведен анализ официальных интернет-ресурсов региональных вузов, которые можно рассматривать в качестве конкурентов по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью». При проведении исследования сравнивались такие параметры, как балл ЕГЭ, количество бюджетных и контрактных мест, профили подготовки, а также выделялись ценности, которые профильные кафедры преподносят внешней аудитории в качестве ценности получения высшего образования по рассматриваемому направлению на базе исследуемого вуза.

Верификация сведений проводилась путем использования рейтингов Минобрнауки РФ, а также данных Мониторинга качества приема в вузы Высшей школы экономики.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного исследования были получены следующие выводы:

- в 2018 г. количество вузов России, зачисливших на бюджетные места по направлению подготовки бакалавров «Реклама и связи с общественностью» абитуриентов со средним баллом выше 90, увеличилось с 7 (2017 г.) до 10. Резко выросло число высокобалльников (выше 90 баллов): со 167 до 259;

- шесть вузов традиционно возглавляют списки лидеров, в том числе и в 2017–2018 гг.: среди них четыре московских вуза – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Высшая школа экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова – и два петербургских вуза – Санкт-Петербургский государственный университет и Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). К ним примыкают еще три московских вуза: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет, Государственный университет управления. Далее идут Казанский (Приволжский) и Уральский федеральные университеты;

- с 12 по 20 места заняли вузы, которые зачислили на бюджетные места абитуриентов со средним баллом от 79 до 89. Среди постоянных участников этой десятки находятся семь вузов: Московский гуманитарный университет, Государственный университет управления, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Московский техни-

ческий университет связи и информатики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Алтайский государственный университет, Южный федеральный университет;

– динамика платного приема также носит положительный характер. В 2017 г. 11 вузов зачислили 933 студента со средним баллом выше 70 (из них два вуза приняли 498 человек со средним баллом выше 80). В 2018 г. число таких вузов увеличилось до 17, а количество зачисленных студентов – до 1649. Два лидера остались неизменными: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации и Высшая школа экономики. Лишь два этих вуза отличаются платным приемом со средним баллом свыше 80. Количество таких студентов в этих вузах выросло до 649 чел. Десятка постоянных лидеров вузов по баллам ЕГЭ среди студентов, зачисленных на места, не финансируемые из государственного бюджета, представлена в табл. 1.

Таблица 1. Баллы ЕГЭ поступивших на платную форму обучения
Table 1. Unified State Examination grades of matriculated students on study-for-fee form of education

Вуз	Баллы ЕГЭ в 2017 г.	Баллы ЕГЭ в 2018 г.
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации	81,1	84
Высшая школа экономики	80,6	83,5
Тюменский государственный университет	77,6	78,3
Санкт-Петербургский государственный университет	75,2	78,7
Финансовый университет при Правительстве РФ	72,7	75,8
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)	72,6	73,1
Южный федеральный университет	71	74
Московский государственный лингвистический университет	70,9	75,7
Государственный университет управления	70,7	73,6
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	70,1	75

В 2017 г. только два вуза из этого списка набрали более 100 студентов каждый. В 2018 г. таких вузов стало пять.

В табл. 2 показана динамика спроса на направление «Реклама и связи с общественностью» по регионам России, из которых в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» приезжают абитуриенты.

Таблица 2. Динамика спроса на направление «Реклама и связи с общественностью» по регионам России, из которых абитуриенты приезжают в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Table 2. Flow of demand on LETI PR and Advertising higher education in the regions of Russia

Регион	2014	2015	2016	2017	2018
г. Москва					
зачислено	1088	1173	1627	1588	2032
балл выше 70	94	325	809	656	1152
с баллом выше 70, %	8,63	27,7	49,72	41,3	56,69
г. Санкт-Петербург					
зачислено	568	553	645	822	950
балл выше 70	63	153	106	249	307
с баллом выше 70, %	11,09	27,66	16,43	30,29	32,31
доля СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в С.-Петербурге, %	14,26	15,91	14,41	10,58	13,78

Продолжение табл. 2
Continuation of table 2

Регион	2014	2015	2016	2017	2018
г. Новосибирск зачислено балл выше 70	156 —	171 —	204 —	226 —	199 —
г. Ростов-на-Дону зачислено балл выше 70	71 —	102 —	35 —	142 16	114 9
г. Екатеринбург зачислено балл выше 70	75 —	50 —	72 —	116 —	197 —
Республика Татарстан зачислено балл выше 70	75 —	76 —	150 —	170 —	166 147
Республика Коми зачислено балл выше 70	11 —	18 —	24 —	4 —	0 —
г. Калининград зачислено балл выше 70	13 —	0 —	6 —	22 —	16 —
г. Псков зачислено балл выше 70	16 —	0 —	7 —	3 —	8 —
г. Череповец зачислено балл выше 70	18 —	0 —	2 —	6 —	0 —
г. Архангельск зачислено балл выше 70	13 —	19 —	6 —	10 —	9 —
СЗФО без С.-Петербурга зачислено	71	37	45	45	33
г. Самара зачислено балл выше 70	35 —	47 —	42 —	46 —	43 —
Краснодарский край зачислено балл выше 70	54 —	57 —	49 —	77 —	97 —
Республика Башкортостан зачислено	25	22	23	35	50
Тюменская обл. зачислено балл выше 70	20 —	0 —	16 —	25 12 (77,6)	47 19 (78,3)
г. Челябинск зачислено балл выше 70	0 —	0 —	19 —	9 —	27 —
г. Нижний Новгород зачислено	78	95	94	106	104
Воронежская обл. зачислено	69	55	42	44	58
Алтайский край зачислено балл выше 70	45 —	42 —	47 —	50 —	67 —
Иркутская обл. зачислено балл выше 70	21 —	33 —	26 —	40 —	33 —
Тверская обл. зачислено	10	15	12	18	28

Окончание табл. 2

The end of table 2

Регион	2014	2015	2016	2017	2018
г. Томск зачислено балл выше 70	0 —	9 —	30 —	20 —	10 10 (70,5)
Республика Мордовия зачислено балл выше 70	14 —	9 —	9 —	0 —	23 —
Пермский край зачислено балл выше 70	21 —	37 —	95 —	86 —	94 —
г. Красноярск зачислено балл выше 70	129 —	133 —	139 —	60 —	108 —
Белгородская обл. зачислено балл выше 70	17 —	13 —	10 —	36 —	63 —
г. Владивосток зачислено балл выше 70	35 —	40 —	60 —	69 —	72 —
г. Хабаровск зачислено балл выше 70	12 —	8 —	23 —	33 —	12 —
Республика Бурятия зачислено балл выше 70	27 —	47 —	33 —	27 —	6 —
Амурская обл. зачислено балл выше 70	9 —	9 —	7 —	0 —	8 —
Забайкальский край зачислено балл выше 70	29 —	25 —	22 —	13 —	7 —
Весь ДФО зачислено	112	129	145	142	105

Таким образом, мы констатируем расширение исследуемого рыночного сегмента: по приему абитуриентов на обучение за счет физических лиц в большинстве регионов наблюдается рост зачисленных на рассматриваемое направление. Самые высокие результаты в Москве и Санкт-Петербурге. За пять лет количество студентов в этих городах выросло почти в два раза.

На этом фоне наблюдается снижение количества зачисленных на указанное направление в СЗФО (без г. Санкт-Петербурга), ДФО (без г. Владивостока), в Красноярске, Томске и Воронеже.

Наибольшее количество зачисленных абитуриентов по направлению «Реклама и связи с общественностью» в 2018 г. наблюдалось в следующих регионах: Москва – 2032 чел.; Санкт-Петербург – 950 чел.; Новосибирск – 199 чел.; Екатеринбург – 197 чел.; Республика Татарстан – 166 чел.; Красноярск – 108 чел.; Нижний Новгород – 104 чел.

В Москве более 50 % всех абитуриентов направления имеют средний балл ЕГЭ выше 70. Санкт-Петербург – второй город, в котором каждый третий первокурсник имеет средний балл ЕГЭ выше 70. В других регионах России первокурсники указанного направления подготовки бакалавров, зачисленные на контрактной основе, имеют более низкие

баллы ЕГЭ. Только в ЮФУ (9 чел.), ТюмГУ (19 чел.) и ТПУ (10 чел.) зачислены абитуриенты со средним баллом выше 70.

Таким образом, Москва является главным конкурентом в борьбе за абитуриента – как бюджетного, так и платного.

В данном исследовании мы сфокусировались на изучении элементов брендинга в позиционировании направления «реклама и связи с общественностью» региональных вузов, являющихся конкурентами СПбГЭТУ «ЛЭТИ» (табл. 3).

Таблица 3. Зачисление абитуриентов на направление «Реклама и связи с общественностью» в 2018 г.

Table 3. “Advertising and public relations” bachelors enrollment, 2018

№	Название вуза	Зачислено абитуриентов, чел.	Средний балл ЕГЭ
1	Казанский (Приволжский) федеральный университет	147	70,6
2	Уральский федеральный университет	197	64,7
3	Пермский национальный исследовательский политехнический университет	42	68,4
4	Пермский государственный национальный исследовательский университет	54	63,1
5	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	63	64,7 (средний балл бюджетников – 78,6)
6	Кубанский государственный университет	74	64,8
7	Уфимский государственный нефтяной технический университет	44	62,4 (средний балл бюджетников – 85,4)
8	Алтайский государственный университет	67	62,4 (средний балл бюджетников – 83)
9	Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова	56	65
10	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского	42	63

Выбрав лидирующие вузы-конкуренты из регионов, мы обратились к информации, представленной на их официальных web-страницах. Основной фокус был сделан на содержательные элементы, иллюстрирующие зарождение ценностной платформы бренда выпускающей кафедры, а также на характеристики предлагаемого вузом УТП по направлению «Реклама и связи с общественностью»:

1. Казанский (Приволжский) федеральный университет [25]:

✓ Профили магистратуры – реклама и связи с общественностью в системе управления; геобрендинг; медиааналитика.

✓ Подготовка по направлению «Связи с общественностью» с 2006 г.

✓ Студенты участвовали в Media PR Weekend 2018.

✓ В 2018 г. кафедра провела Олимпиаду по связям с общественностью.

✓ При кафедре создана организация Community, которая является организатором форумов для начинающих PR-специалистов и студентов.

✓ При кафедре работают две лаборатории, обеспечивающие учебно-методическое сопровождение многих дисциплин: «Рекламных технологий», «PR-консалтинг». На сайте размещены их презентации.

✓ Дисциплины, редко встречающиеся на других кафедрах, готовящих по направлению «реклама и связи с общественностью»:

- бенчмаркетинг в медиааналитике;
- аналитическое обеспечение рекламы и связей с общественностью;
- инвестиционная рекламная политика;
- реклама и связи с общественностью в спорте;
- электронное правительство.

2. Уральский федеральный университет [26].

Три причины поступать на направление «РиСО»:

– в первом национальном рейтинге вузов, ведущих подготовку по «РиСО», УРФУ занял второе место;

- международная аккредитация;
- индивидуальные образовательные траектории (ИОТ).

3. Пермский национальный исследовательский политехнический университет [27]:

- ✓ Профиль бакалавриата – «РиСО в коммерческой деятельности».
- ✓ Профиль магистратуры – «РиСО в развитии территории».
- ✓ В 2014 г. открыта лаборатория «Project Student» (включение студентов в реальную проектную деятельность).

✓ В 2016 г. запущен Всероссийский с международным участием конкурс студенческой рекламы по геобрендингу. Председатель жюри – президент ИЕЕPR (Европейский Институт публич рилейшнз) Жак Сегела.

4. Пермский государственный национальный исследовательский университет [28]:

- ✓ Есть магистратура с тремя профилями, аспирантура по журналистике.
- ✓ Кафедра журналистики и массовой коммуникации ведет обучение по РиСО, журналистике, фундаментальной и прикладной лингвистике и медиакоммуникациям.
- ✓ При кафедре работают творческие студии и мастерские: инфографики, мультимедиа, видеожурналистики, контент-менеджмента.
- ✓ На сайте огромный список выпускников: корреспонденты, работающие в местных СМИ.

✓ Дисциплины, которые преподаются только на этой кафедре – нарратология, сторителлинг, технологии компьютерного моделирования речевой коммуникации, технологии художественно-публицистических жанров, государственные и муниципальные финансы, финансовая система РФ, финансовое предпринимательство.

5. Белгородский государственный национальный исследовательский университет [29]:

- ✓ Подготовка бакалавров РиСО с 2011 г.
- ✓ Профили бакалавриата: PR в государственных и общественных организациях; печатная и пресс-реклама.
- ✓ Магистерская программа – «Коммуникативистика и СО».
- ✓ По субботам БелГУ открывает свои двери белгородцам разных возрастов на открытые лекции ученых, презентации книг или научных исследований, мастер-классы и мировоззренческие беседы.

✓ Много интересного в БелГУ: клуб, штаб волонтерского движения, спортклуб, штаб студенческих отрядов, клуб «Дебат», клуб молодых избирателей, оперативный студенче-

ский отряд содействия полиции «Пегас», студенческий театр, театр миниатюр, конноспортивная школа и мн. др.

6. Кубанский государственный университет [30]:

- ✓ Минимум информации о преподавателях и программе обучения.
- ✓ На факультете работает учебная телестудия. Выпускники факультета – корреспонденты.

- ✓ При факультете действует клуб юных пиарщиков и рекламистов для школьников 7–11 классов.

7. Уфимский государственный нефтяной технический университет [31]:

- ✓ Профили РиСО: «GR: общественные коммуникации в политике и государственном управлении».

- ✓ Базы прохождения практик – нефтяные компании.

8. Алтайский государственный университет [32]:

- ✓ Преподаватели и студенты – победители и призеры международных всероссийских профессиональных конкурсов.

- ✓ В 2013 г. – диплом 2-й степени Национальной премии «Серебряный лучник».

- ✓ В 2015 г. – 2-е место в конкурсе кейса Coca-Cola и 1-е место в студенческой конференции PRорыв на фестивале в ЛЭТИ.

- ✓ При кафедре работает мастерская рекламы и медиа. Проводятся форум «PR-охота!» и фестиваль «Дни PR на Алтае». На сайте вся информация об этих мероприятиях 2006–2014 гг. дана по годам.

- ✓ С 2002 по 2013 г. на кафедре проводилась конференция «PR и реклама в изменяющемся мире».

- ✓ Дана характеристика рынка труда Алтайского края в области «РиСО».

9. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова [33] – информации очень мало:

- ✓ Международные связи с Германией.

- ✓ Преподаватели и студенты имеют возможность ездить на стажировки.

- ✓ Немецкие профессора регулярно проводят занятия со студентами ИИГЛУ.

- ✓ Профиль: «РиСО в системе государственного и муниципального управления».

10. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского [34]:

- ✓ Профиль: реклама и связи с общественностью в политике и коммерции.

- ✓ Вся информация о преподавателях размещена в разделе о персоналиях.

- ✓ Нет списка партнеров по практикам и стажировкам.

- ✓ Есть возможность обучаться китайскому и арабскому языкам.

Заключение. Таким образом, в качестве конкурентных преимуществ кафедры указанных вузов, готовящие бакалавров и магистров по направлению «Реклама и связи с общественностью», выделяют следующие:

- наличие бюджетных мест;

- возможность продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре;

- военная кафедра;

- получение дополнительного образования;

- освоение иностранных языков (кроме английского);
- новые общежития;
- низкая стоимость обучения;
- большой выбор профилей подготовки;
- наличие преподавателей, у которых в теме диссертаций есть «реклама»;
- победы и призы профессиональных студенческих конкурсов;
- профессионально ориентированные внеучебные мероприятия на кафедрах;
- сотрудничество с IEPR (Европейский Институт паблик рилейшнз);
- организованные на кафедрах творческие студии, лаборатории, социальные проекты;
- максимально большой выбор для студента внеучебной деятельности и позиционирование себя как «шанс реализовать свой творческий потенциал».

В качестве формулировки, которую представляется возможным рассматривать как миссию, содержащуюся на странице направления по рекламе и связям с общественностью официального сайта вуза, мы смогли выделить лишь в Белгородском государственном университете, который транслирует сообщение: «Институт общественных наук и массовых коммуникаций заинтересован в жизненном самоопределении и самореализации, в воспитании социальной ответственности; добровольчестве и взаимопомощи».

Проведенное исследование показало, что подразделения, готовящие будущих профессионалов сферы рекламы и связей с общественностью, сегодня далеко не в полной мере разработали свой бренд и способны выделить свои уникальные торговые предложения и ключевые ценности. Наблюдаются признаки использования при позиционировании профильной кафедры такой медиатехнологии, как рейтинг.

Основной акцент при позиционировании направления «Реклама и связи с общественностью» вузы делают на демонстрации объективных количественных показателей: количество бюджетных и контрактных мест, возможность расширения горизонтов образования, стоимость обучения, реже выделяют такие аспекты, как профессорско-преподавательский состав кафедр, преподаваемые дисциплины. На наш взгляд, упомянутую информацию и способы ее представления нельзя рассматривать в качестве составляющих элементов бренда вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 09.12.2019).
2. Козлова О. В. Продвижение направления «Реклама и связи с общественностью» на рынке образовательных услуг средствами связей с общественностью // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2014. № 12. С. 10–17.
3. Беляков С. А., Краснова Г. А. Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в России и в мире // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6 (106). С. 26–34.
4. Горшкова Л. Ю. Особенности регулирования рынка образовательных услуг развитыми и развивающимися странами // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2012. № 3–4. С. 133–138.
5. Моттль Д. Три миссии рейтинга: зачем создан Московский международный рейтинг университетов. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tri-missii-rejtinga.htm> (дата обращения: 09.12.2019).

6. Котенко В. П., Константинова А. П. Методологические основы анализа медиатехнологий // Библиосфера. 2009. № 2. С. 14–22.
7. THE World University Rankings. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings> (дата обращения: 09.12.2019).
8. Шевченко Д. А. Бренд и брендинг вуза: практический опыт применения // Маркетинг в России и за рубежом. 2014. № 5. С. 72–83.
9. Шевченко Д. А. Брендинг вуза – это стратегия безопасности от конкурентов // Проблемы управления безопасностью сложных систем: труды XXII междунар. конф. Москва, 03 дек. 2014 г. / ИПУ РАН. Москва, 2014. С. 50–53.
10. Шевченко Д. А. Брендинг вуза – это уникальная стратегия позиционирования // Практический маркетинг. 2014. № 10 (212). С. 3–16.
11. Спирина Н. А. Алгоритмизация процесса построения бренда высшего учебного заведения: методический аспект // Вопр. управления. 2016. № 2 (39). С. 261–267.
12. Осипова Е. В. Семь составляющих успешного бренда вуза // Современный вектор: мировая экономика, менеджмент и маркетинг: сб. трудов междунар. науч.-практ. форума / ОмГУ. Омск, 27–29 апр. 2016. С. 493–495.
13. Глумова Т. В., Гаврилов Д. Е. Обзор концепций ребрендинга высших учебных заведений // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 21 сент. 2017 г. / АМИ. Стерлитамак, 2017. С. 51–55.
14. Аюпова В. К., Хусаинова С. В., Устюжина О. Н. Актуальность брендинга образовательных услуг современного вуза // Символ науки. 2015. № 6. С. 88–91.
15. Шпаковский Ю. Ф., Барашко О. Г., Зуттэ А. А. Анализ визуальной идентификации учреждений образования // Труды БГТУ. Сер. 4. 2018. № 1. С. 62–67.
16. Воронова Е. В., Салтыкова А. С. Медиаобраз Вятского государственного университета в текстах интернет-СМИ // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018): сб. ст. XVIII Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 02–28 апр. 2018 г. / ВятГУ. Киров, 2018. В 3 т. Т. 3. С. 1093–1099.
17. Петруша П. Г. Цифровые инструменты управления репутацией университета // Практический маркетинг. 2017. № 7 (245). С. 11–16.
18. Рудзитис Т. А., Пузырьков Р. В. Брендирование как фактор развития регионального вуза в условиях конкуренции // Образование и социализация личности в современном обществе: материалы XI Междунар. науч. конф. Красноярск, 05–07 июня 2018 г. / КГПУ им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2018. С. 217–219.
19. Кудрявцева М. Е. Брендинг в сфере образования: к вопросу о личном бренде преподавателя вуза // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 25–26 фев. 2016 г. / СПбГЭУ. СПб., 2016. С. 144–147.
20. Кривоносов А. Д. Научные школы как объект брендинга вуза и территории (к 20-летию Петербургской школы PR) // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 25–26 фев. 2016 г. / СПбГЭУ. СПб., 2016. С. 142–144.
21. Аргылов Н. А. Роль корпоративных медиа в брендинге вуза // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 25–26 фев. 2016 г. / СПбГЭУ. СПб., 2016. С. 127–130.
22. Глаголева А. В., Земская Ю. Н., Кузнецова Е. А. Система бренд-коммуникаций глобального университета // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 05–06 марта 2018 г. / СПбГЭУ. СПб., 2018. С. 71–75.
23. Продвижение дополнительного образования как инструмент брендинга вуза (на примере РЭУ им. Г. В. Плеханова) / В. В. Головина, В. А. Кошель, Н. А. Разина и др. // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 05–06 марта 2018 г. / СПбГЭУ. СПб., 2018. С. 77–80.

24. Шарахина Л. В. Роль ведущих мировых рейтингов в брендинге российских вузов // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Париж, 18–21 марта 2019 г. / СПбГЭУ. СПб., 2019. С. 187–190.

25. Казанский федеральный университет. Кафедра связей с общественностью и прикладной политологии. URL: <https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-prikladnoj-politologii-i-svyazej-s> (дата обращения: 09.12.2019).

26. Уральский федеральный университет. Коммуникативные технологии в рекламе и связях с общественностью. URL: <https://programs.edu.urfu.ru/ru/9868/> (дата обращения: 09.12.2019).

27. Пермский государственный национально-исследовательский университет. Направление «Реклама и связи с общественностью». URL: <http://www.psu.ru/fakultety/filologicheskij-fakultet/napravleniya-obrazovatelnoj-deyatelnosti/napravlenie-031600-62-reklama-i-svyazi-s-obshchestvennostyu> (дата обращения: 09.12.2019).

28. Пермский национально-исследовательский политехнический университет. Кафедра иностранных языков и связей с общественностью. URL: <http://pr.pstu.ru/> (дата обращения: 09.12.2019).

29. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Институт общественных наук и массовых коммуникаций. URL: <https://www.bsu.edu.ru/bsu/structure/detail.php?ID=518947> (дата обращения: 09.12.2019).

30. Кубанский государственный университет. Факультет журналистики. URL: <https://kubsu.ru/ru/node/14632> (дата обращения: 09.12.2019).

31. Уфимский государственный нефтяной технический университет. Институт нефтегазового бизнеса. URL: <http://rusoil.net/faculty/16> (дата обращения: 09.12.2019).

32. Алтайский государственный университет. Кафедра связей с общественностью и рекламы. URL: <http://www.fmc.asu.ru/departament/oso/> (дата обращения: 09.12.2019).

33. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. Реклама и связи с общественностью. URL: <http://www.lunn.ru/page/reklama-i-svyazi-s-obshchestvennostyu> (дата обращения: 09.12.2019).

34. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Институт филологии и журналистики. URL: <http://www.fil.unn.ru/> (дата обращения: 09.12.2019).

Информация об авторах.

Шарахина Лариса Валентиновна – кандидат философских наук (2006), заведующая кафедрой связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: PR, социальная ответственность, коммуникационные исследования. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0454-0448>. E-mail: LVSharakhina@etu.ru

Ранчин Алексей Валентинович – старший преподаватель кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Сфера научных интересов: реклама, PR, социологическое обеспечение рекламы и связей с общественностью. E-mail: aleksej.ranchin@gmail.com

REFERENCES

1. Federal Law N 273-FL “About Education in The Russian Federation”, 29 Dec. 2012 (with editions by 26 Jul. 2019), available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 09.12.2019).

2. Kozlova, O. V. (2014), "THE PROMOTION OF A PROGRAM "ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS" WITH THE PUBLIC RELATIONS MEANS", *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyi aspekt* [PR and advertising in a changing world: regional aspect], no. 12, pp. 10–17.

3. Belyakov, S. A. and Krasnova, G. A. (2016), "Exporting higher education: its state and prospects in Russia and the world", *University Management: Practice and Analysis*, no. 6 (106), pp. 26–34.

4. Gorshkova, L. Y. (2012), "FEATURES MARKET REGULATION OF EDUCATIONAL SERVICES DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES", *SCIENTIFIC REVIEW. SERIES 1. ECONOMICS AND LAW*, no. 3–4, pp. 133–138.

5. Mottl', D. (2016), *Tri missii reitinga: zachem sozdan Moskovskii mezhdunarodnyi reiting universitetov* [Three rating missions: why the Moscow international university rating was created], available at: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tri-missii-rejtinga.htm> (accessed 09.12.2019).

6. Kotenko, V. P. and Konstantinova, A. P. (2009), *Metodologicheskie osnovy analiza mediatekhnologii* [Methodological foundations of the analysis of media technologies], *BIBLIOSPHERE*, no. 2, pp. 14–22.

7. Times Higher Education (THE) (2019). *World University Rankings*, available at: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings> (accessed 09.12.2019).

8. Shevchenko D. A. (2014), "Brand and branding of high school: practical experience", *Marketing in Russia and Abroad*, no. 5, pp. 72–83.

9. Shevchenko, D. A. (2014), "University branding is a security strategy from competitors", *Problemy upravleniya bezopasnost'yu slozhnykh system* [Security Issues for Complex Systems], XXII *Mezhdunarodnaya konferentsiya* [XXII International Conference], Moscow, RUS, 3 Dec. 2014, pp. 50–53.

10. Shevchenko D. A. (2014), "Branding of the University – a Unique Positioning Strategy", *Practical Marketing*, no. 10 (212), pp. 3–16.

11. Spirina, N. A. (2016), "Algorithmization of the process of brand building of higher educational institution: methodological aspect", *Management Issues*, no. 2 (39), pp. 261–267.

12. Osipova, E. V. (2016), "Seven Elements of Successful University Brand", *Sovremennyyi vektor: mirovaya ekonomika, menedzhment i marketing* [Modern vector: global economy, management and marketing and Marketing], *Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii forum* [International Scientific-Practical Forum], Omsk, RUS, 27–29 Apr. 2016, pp. 493–495.

13. Glumova, T. V. and Gavrillov, D. E. (2017), "Overview of Rebranding Concepts in Higher Education", *Problemy vnedreniya rezul'tatov innovatsionnykh razrabotok* [Problems of implementing the results of innovative developments], *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [International Scientific-Practical Conference], Sterlitamak, RUS, 21 Sep. 2017, pp. 51–55.

14. Ayupova, V. K., Khusainova, S. V. and Ustyuzhina, O. N. (2015), "The relevance of branding educational services of a modern university", *Symbol of Science*, no. 6, pp. 88–91.

15. Shpakovskiy, Yu. F., Barashko, O. G. and Zutte A. A. (2018), "ANALYSIS OF VISUAL IDENTIFICATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS", *Proceedings of BSTU*, Ser. 4, no. 1, pp. 62–67.

16. Voronova, E. V. and Saltykova, A. S. (2018) "The media image of Vyatka State University in the texts of online media", *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2018)* [SOCIETY. THE SCIENCE. INNOVATION (NPK-2018)], XVIII *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The XVIII All-Russian Scientific-Practical Conference], in 3 vol., vol.3, Kirov, RUS, 02–28 Apr. 2018, pp. 1093–1099.

17. Petrusha, P. G. (2017), "Digital Instruments in Branding of Universities", *Practical Marketing*, no. 7 (245), pp. 11–16.

18. Rudzitis, T. A. and Puzyrkov, R. V. (2018), "BRANDING AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF THE REGIONAL UNIVERSITY IN CONDITIONS OF COMPETITION", *Obrazovanie i sotsializatsiya lichnosti v sovremennom obshchestve* [Education and Socialization of Personality in a Modern Society], XI *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [XI International Scientific Conference], Krasnoyarsk, RUS, 05–07 Jun. 2018, pp. 217–219.

19. Kudryavtseva, M. E. (2016), "BRANDING IN EDUCATION: ON THE PERSONAL BRAND OF HIGH SCHOOL TEACHERS", *Branding kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka* [Branding as a communication technology of the XXI century], *II Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The II All-Russian Scientific-Practical Conference], SPb., RUS, 25–26 Feb. 2016, pp. 144–147.
20. Krivonosov, A. D. (2016), "SCIENTIFIC PR-SCHOOLS AS OBJECT OF UNIVERSITY AND TERRITORY BRANDING (arranged to the 20th anniversary of SPb Scientific School of PR)", *Branding kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka* [Branding as a communication technology of the XXI century], *II Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The II All-Russian Scientific-Practical Conference], SPb., RUS, 25–26 Feb. 2016, pp. 142–144.
21. Argylov, N. A. (2016), "THE ROLE OF CORPORATE MEDIA IN THE UNIVERSITY BRANDING", *Branding kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka* [Branding as a communication technology of the XXI century], *II Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The II All-Russian Scientific-Practical Conference], SPb., RUS, 25–26 Feb. 2016, pp. 127–130.
22. Glagoleva, A. V., Zemskaya, Yu. N. and Kuznetsova, E. A. (2018), "System of brand communications of the global university", *Branding kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka* [Branding as a communication technology of the XXI century], *IV Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The IV All-Russian Scientific-Practical Conference], SPb., RUS, 05–06 Mar. 2018, pp. 71–75.
23. Golovina, V. V., Koshel, V. A., Razina, N. A., Savinkov, S. V. and Shilina, M. G. (2018), "Promotion of additional higher education as a tool for university branding", *Branding kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka* [Branding as a communication technology of the XXI century], *IV Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The IV All-Russian Scientific-Practical Conference], SPb., RUS, 05–06 Mar. 2018, pp. 77–80.
24. Sharakhina, L. V. (2019), "THE ROLE OF THE WORLD LEADING RATINGS IN THE RUSSIAN UNIVERSITIES BRANDING", *Branding kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka* [Branding as a communication technology of the XXI century], *IV Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The IV All-Russian Scientific-Practical Conference], Paris, FRA, 18–21 Mar. 2019, pp. 187–190.
25. Kazan Federal University (2019), *Department of Public Relations and Applied Political Science*, available at: <https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-prikladnoj-politologii-i-svyazey-s> (accessed 09.12.2019).
26. Ural Federal University (2019), *Communication technologies in advertising and public relations*, available at: <https://programs.edu.urfu.ru/ru/9868/> (accessed 09.12.2019).
27. Perm State University (2019), *Direction "Advertising and public relations"*, available at: <http://www.psu.ru/fakultety/filologicheskij-fakultet/napravleniya-obrazovatelnoj-deyatelnosti/napravlenie-031600-62-reklama-i-svyazi-s-obshchestvennostyu> (accessed 09.12.2019).
28. Perm National Research Polytechnic University (2019), *Department of Foreign Languages and Public Relations*, available at: <http://pr.pstu.ru/> (accessed 10 May, 2019).
29. Belgorod State National Research University (2019), *Institute of Social Sciences and Mass Communications*, available at: <https://www.bsu.edu.ru/bsu/structure/detail.php?ID=518947> (accessed 09.12.2019).
30. Kuban State University (2019), *Faculty of Journalism*, available at: <https://kubsu.ru/ru/node/14632> (accessed 09.12.2019).
31. Ufa State Petroleum Technological University (2019), *Institute of Oil and Gas Business*, available at: <http://rusoil.net/faculty/16> (accessed 09.12.2019).
32. Altai State University (2019), *Department of Public Relations and Advertising*, available at: <http://www.fmc.asu.ru/departament/oso/> (accessed 09.12.2019).
33. Linguistics University of Nizhny Novgorod (2019), *Advertising and public relations*, available at: <http://www.lunn.ru/page/reklama-i-svyazi-s-obshchestvennostyu> (accessed 09.12.2019).

34. Lobachevsky University (2019), *Institute of Philology and Journalism*, available at: <http://www.fil.unn.ru/> (accessed 09.12.2019).

Information about the authors.

Larisa V. Sharakhina – Can. Sci. (Philosophy) (2006), Head of the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St. Petersburg 197376, Russia. The author of more 50 scientific publications. Area of expertise: PR, social responsibility, communication studies. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0454-0448>. E-mail: LVSharakhina@etu.ru

Aleksey V. Ranchin – Senior Lecturer at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St. Petersburg 197376, Russia. Area of expertise: advertising, PR, sociological studies in PR and advertising. E-mail: aleksej.ranchin@gmail.com

Социальное самочувствие населения мегаполиса как интегральный показатель

**П. П. Дерюгин^{1,2✉}, Л. А. Лебединцева^{1,3}, О. В. Ярмач³,
Ши И¹, Е. А. Камышина²**

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

³Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
✉ppd1@rambler.ru

Введение. Рассмотрены базовые теоретико-методологические подходы к исследованию социального самочувствия населения мегаполисов как интегрального показателя, а также актуальные направления разработок новых методик диагностики. Представлен опыт эмпирического социологического исследования, показывающий методические алгоритмы системной фиксации и обработки основных индикаторов-показателей.

Методология и источники. Анализ теоретико-методологических оснований диагностики социального самочувствия жителей мегаполиса как интегрального показателя осуществляется на основе комплекса научных подходов, объединяющих в единой исследовательской процедуре характеристики объективных и субъективных индикаторов, обеспечивающих целостность внешних и внутренних характеристик объекта изучения.

Результаты и обсуждение. С методической точки зрения, проведение диагностики социального самочувствия выстраивается как системный анализ трех групп данных. Во-первых, защищенность жителей Санкт-Петербурга от социальных опасностей и угроз – может быть измерена на основании таких показателей, как экологические угрозы; притеснения из-за пола и возраста; произвол чиновников; ущемления из-за национальности и религиозных убеждений; преследование по политическим убеждениям; бедность; одиночество; преступность. Во-вторых, удовлетворенность жизнью диагностируется посредством обращения к таким параметрам, как отношение к региону проживания; удовлетворенность жизнью в целом. В-третьих, степень социального оптимизма выявляется на основе обращения к таким параметрам, как уверенность в будущем; сравнение настоящего и прошлого образа жизни; прогноз жизни в будущем.

Заключение. Настоящая статья фиксирует важный момент методологического и методического единства в подходах. В методологии исследования интегральный характер социального самочувствия предполагает обращение к теоретико-концептуальным принципам, которые нацелены на исследование такого единства. Далее этот же тренд продолжен в комплексных методиках интегральной диагностики социального самочувствия.

Ключевые слова: социальное самочувствие, критерии, индикаторы и признаки, защищенность от социальных опасностей, степень социального оптимизма, удовлетворенность жизнью, интегральный индекс социального самочувствия.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”»).

Для цитирования: Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмек О. В., И Ши, Камышина Е. А. Социальное самочувствие населения мегаполиса как интегральный показатель // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 61–79. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-61-79

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 10.02.2020; принята после рецензирования 06.03.2020; опубликована онлайн 25.04.2020

Social Well-being of the Megalopolis Population as an Integral Indicator

**Pavel P. Deriugin^{1,2✉}, Liubov A. Lebedintseva^{1,3}, Olga V. Yarmak³,
Shi Yi¹, Elena A. Kamyshina²**

¹*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia*

³*Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

✉ppd1@rambler.ru

Introduction. The basic theoretical and methodological approaches to the study of the social well-being of the population of megacities as an integral indicator, as well as current trends in the development of new diagnostic methods are considered. The experience of empirical sociological research is presented, showing methodological algorithms for system fixation and processing of the main indicators-indicators.

Methodology and sources. The analysis of the theoretical and methodological foundations for diagnosing the social well-being of residents of a metropolis as an integral indicator is carried out on the basis of a set of scientific approaches. They combine the characteristics of objective and subjective indicators in a single research procedure that ensure the integrity of the external and internal characteristics of the object of study.

Results and discussion. From the methodological point of view, the diagnosis of social well-being is built as a system analysis of three groups of data. Firstly, the protection of residents of St. Petersburg from social dangers and threats can be measured on the basis of indicators such as environmental threats; harassment due to gender and age; arbitrariness of officials; infringement due to nationality and religious beliefs; arbitrariness of officials; political persecution; poverty; loneliness; crime. Secondly, satisfaction with life is diagnosed by referring to such parameters as attitude to the region of residence; satisfaction with life in general. Thirdly, the degree of social optimism is revealed on the basis of appeal to such parameters as confidence in the future; comparison of the present and past lifestyle; future life forecast.

Conclusion. This paper captures an important point in methodological and methodological unity in approaches. In the research methodology, the integral nature of social well-being involves an appeal to theoretical and conceptual principles that are aimed at exploring such unity. Further, the same trend is continued in integrated methods for the integrated diagnosis of social well-being.

Key words: social well-being, integral approach, criteria, indicators and signs of social well-being, protection of St. Petersburg residents from social dangers, degree of social optimism, life satisfaction, integral index of social well-being.

For citation: Deriugin P. P., Lebedintseva L. A., Yarmak O. V., Yi Shi, Kamyshina E. A. Social Well-being of the Megalopolis Population as an Integral Indicator. DISCOURSE. 2019. Vol. 6, no. 2, pp. 61–79. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-61-79 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-29-07443 “Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers according to the Presidential Decree “On National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the period until 2024”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.02.2020; adopted after review 06.03.2020; published online 25.04.2020

Введение. Диагностика социального самочувствия жителей мегаполиса составляет одно из важных направлений исследований в социологии города, социологии труда и управления развитием человеческого капитала. От того, насколько уверенно чувствуют себя жители мегаполисов, зависит не только степень их активности и участия во всех сферах жизни города, но и микроклимат и социальный оптимизм во всех социальных слоях и группах горожан. В практическом отношении эта задача является одной из центральных в системе городского управления. Собственно, поэтому теоретическое обоснование подходов к эмпирическим и прикладным исследованиям этого феномена в прикладной социологии, последовательная и системная разработка принципов диагностики социального самочувствия на уровне методологического и методического обеспечения не покидает страницы научных социологических изданий. Особая актуальность проблемы исследований социального самочувствия жителей мегаполисов обусловлена концептуальными разработками теории и практики «умных городов». Наряду с этим, как показывает анализ, социальная составляющая таких концептуальных исследований подчас разрабатывается в недостаточной степени, упрощенно.

Особый научный статус имеет проблематика выработки и обоснования единых критериев, при помощи которых возможно целостно охарактеризовать социальное самочувствие жителей мегаполиса. Как показывает анализ, такой подход требует не простого сложения индикаторов и показателей социального самочувствия, но выявления его объективных составляющих и особых методических подходов при обработке данных.

Методология и источники. Изучение социального самочувствия проводится с 1960-х гг. в рамках социологии, психологии и социальной работы [1–3]. Уже с самого начала стала очевидной идея обращения к объективным и субъективным факторам благосостояния и благополучия [4–7].

Позже социальное самочувствие стали характеризовать как *интегральный показатель* (Чугуненко, Бобкова), с необходимостью включающий в себя «эмоциональные ответы» на вызовы внешней среды, «удовлетворенность сферой занятости» и «удовлетворенность главными решениями в жизни» [8]. У различных авторов можно встретить как синонимические такие понятия: «социальное самочувствие», «восприятие качества жизни» [9], «социальные настроения» [10], «социальные перцепции», «социальные чувства», – которые носят явно социально-психологический характер [11, 12]. В социологии социальное самочувствие изучается как отражение включенности людей в общественные отношения [13, 14].

Западный интегральный подход предполагает описательную модель с многочисленными индикаторами (Ф. Эндрюс, Э. Кэмпбелл, С. Вити, Р. Бисвас-Дайнер, Н. Брэдберн и др.) и *ограничение перечня фиксируемых переменных*: экономическая стабильность, семейные отношения, сильный характер, наличие надежных друзей и внешняя среда (Э. Кэмпбелл) [15]. Также известны работы, основывающиеся на «негативном ключе», например, концепте «group-based sadness» [16]. Для российского дискурса характерно использование более нейтрального термина «социальное самочувствие», который синонимичен с понятием «социальное благополучие».

Компоненты самочувствия разделяются на *когнитивные* и *эмотивные* [17], а также на *гедонистические* и *эвдемонистические*. В ряде исследований на эмпирической базе показано, что эти факторы не всегда представляют собой диспозицию [18–21]. Нередко индикаторами определяются здоровье, обустроенность повседневной жизни и быта, включенность во все сферы социальной жизни и доступность социальных благ, экономическое состояние и здоровье и др. [22–25]. Комплекс индикаторов (удовлетворенность жизнью; социальный оптимизм; материальное положение; экономическое положение страны; политическая обстановка; общий вектор развития страны) ежемесячно изучается ВЦИОМ [26]. Современная методология системного анализа социальных объектов предполагает ориентацию на интеграцию данных и познание их в целостности [22].

Результаты и обсуждение. Эмпирическое исследование основывалось на типовом инструментарии «Социокультурный портрет региона России» (Н. И. Лапин, Л. А. Беляева) [27]. Изучение проводилось по трем параметрам: защищенность от социальных опасностей (K_3); степень социального оптимизма (K_0); удовлетворенность своей жизнью ($K_{уж}$). На основании изучения этих трех составляющих и выводится обобщающий индекс социального самочувствия (I_{cc}). Он рассчитывается как среднее арифметическое значение всех показателей.

Объект исследования и выборка. Санкт-Петербург относится к городам с высоким уровнем социального самочувствия его жителей [28].

Изучение мнения жителей Санкт-Петербурга проводилось в 2017 г. методом формализованного интервью. Выборка репрезентативная, 940 чел.

Защищенность петербуржцев от социальных опасностей предполагает изучение ответов на вопрос: «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» (табл. 1.).

Таблица 1. Показатели самооценки защищенности населения Санкт-Петербурга от социальных опасностей

Table 1. Indicators of self-assessment of the protection of the population of St. Petersburg from acute problems and dangers

Виды социальных опасностей	Количество ответивших, %				
	Защищен	Пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен	Совсем не защищен
Экологические угрозы	6,7	24,9	29,7	25,1	13,6
Притеснения из-за возраста и пола	24,6	32,5	21,7	14	7,2

Окончание табл. 1

End of table 1

Виды социальных опасностей	Количество ответивших, %				
	Защищен	Пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен	Совсем не защищен
Произвол чиновников	3,2	10,8	29,2	33	23,8
Ущемления из-за Вашей национальности	42,4	33,8	14,4	5,6	3,8
Притеснения из-за Ваших религиозных убеждений	46,9	28,7	15,2	4,8	4,4
Произвол правоохранительных органов	4	14,6	29,6	30,7	21,1
Преследования за политические убеждения	17,2	21,4	35,4	15	11
Бедность	5	19,6	24,4	29,4	21,6
Одиночество и заброшенность	18,98	26,9	22,4	16,5	15,22
Преступность	2,4	12,8	26,7	34,3	23,8

Эти данные представляют базу для расчета коэффициента общей безопасности от социальных угроз. Коэффициент общей защищенности от социальных опасностей ($K_{защ.общ.}$) для жителей Санкт-Петербурга рассчитан по формуле:

$$K_{защ.общ.} = 1 - \frac{K_{защ.}}{K_{нзащ.}},$$

где $K_{защ.общ.}$ – коэффициент общей защищенности; $K_{защ.}$ – коэффициент защищенности (суммарное значение коэффициентов «Защищен» и «Пожалуй, защищен»); $K_{нзащ.}$ – коэффициент незащищенности (суммарное значение коэффициентов «Трудно сказать», «Пожалуй, не защищен», «Совсем не защищен»).

Результаты расчета коэффициента общей защищенности представлены в табл. 2.

Таблица 2. Коэффициент защищенности от основных социальных опасностей

Table 2. Coefficient of protection from major social hazards

Виды социальных опасностей	$K_{защ.общ.}$
Произвол чиновников	0,47
Преступность	0,13
Бедность	0,51
Экологическая угроза	0,57
Произвол правоохранительных органов	0,48
Одиночество и заброшенность	0,63
Преследования за политические убеждения	0,63
Притеснения из-за возраста или пола	0,67
Ущемления из-за национальности	0,80
Притеснения из-за религиозных убеждений	0,60
Средний коэффициент общей защищенности от основных социальных опасностей	0,55

Таким образом, средний $K_{защ.общ.}$ в Санкт-Петербурге равен 0,55.

Защищенность от угроз-опасностей, актуальных для жителей города, может быть классифицирована по трем группам. Первая группа – рейтинговые значения $K_{защ.общ.}$,

которые составляют максимальные значения – 0,8 (ущемление жителей города по национальному признаку). Вторая группа – в пределах от 0,5 до 0,7. Третья группа – менее 0,5 – это произвол правоохранительных органов (0,48), произвол чиновников (0,47), преступность (0,13). Таким образом, наиболее уязвимыми по данным настоящего исследования выступают проблемы, связанные с произволом правоохранительных органов и чиновников, а также преступностью. Эти результаты коррелируют с данными о незащищенности населения Санкт-Петербурга (табл. 3).

Таблица 3. Коэффициент незащищенности жителей Санкт-Петербурга от острых проблем – опасностей

Table 3. The level of vulnerability of St. Petersburg residents from acute problems and dangers

Виды социальных опасностей	Количество ответивших, %
Произвол чиновников	27,8
Преступность	28,3
Бедность	25,4
Экологическая угроза	19,3
Произвол правоохранительных органов	26,8
Одиночество и заброшенность	15,2
Преследования за политические убеждения	12,1
Притеснения из-за возраста или пола	10,5
Ущемления из-за национальности	5,2
Притеснения из-за религиозных убеждений	4,8

В данном случае в качестве социальных опасностей респонденты могли определять несколько факторов.

Наибольшую угрозу для жителей города представляет преступность – 28,3 %. Менее защищенными от преступности чувствуют себя женщины – 26,5 % («Совершенно не защищены»), нежели мужчины – 20,2 %. Особенно остро осознается угроза преступности в больших семьях (три и более детей) – 64,2 %; среди молодежи – до 66 % и среди людей с невысоким уровнем образования – около 50 %.

На втором месте по степени опасности жители Санкт-Петербурга отмечают произвол чиновников – 27,8 %, в молодых семьях – 37,6 % и у людей без образования – до 50 %. Среди мужчин этот показатель равен 37,3 %, у женщин – 29,6 %, ниже – среди молодежи в возрасте 30–39 лет (рис. 1).

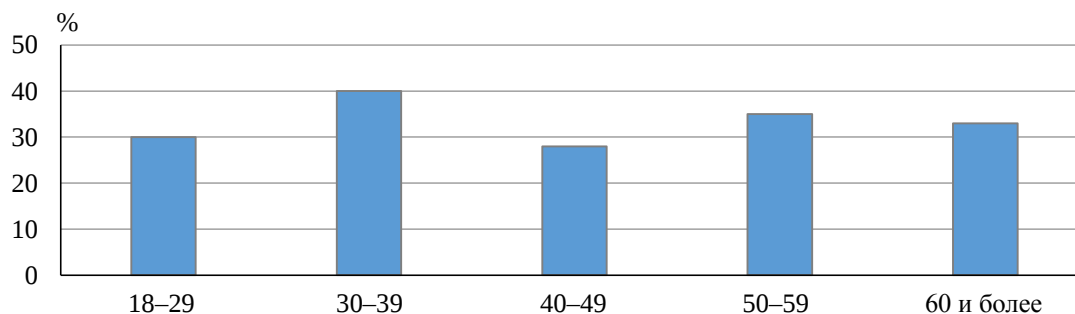

Рис. 1. Беспредел чиновников как угроза

Fig. 1. Lawlessness of officials as a threat

На третье место по степени опасности петербуржцы ставят произвол правоохранительных органов – 26,8 %. Наиболее незащищенными в отношениях с правоохранитель-

ными органами чувствует себя молодежь в возрасте 30–39 лет – около 49 % – и разведенные респонденты – 41,4 %. Среди женатых респондентов этот показатель ниже – 27,4 %. По-особому воспринимают произвол правоохранительных органов люди с различным уровнем образования: со средним образованием – 37,5 %, с высшим – 31,6 %, с послевузовским – 25,5 % (рис. 2).

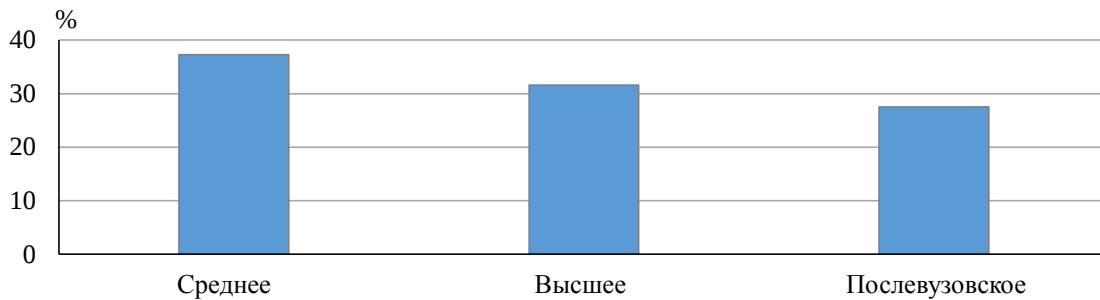

Рис. 2. Произвол чиновников как угроза (люди с различным уровнем образования)

Fig. 2. Arbitrariness of officials as a threat (people with different levels of education)

Более остро реагируют на произвол правоохранительных органов мужчины – 34,7 %, женщины – на 7,2 % ниже.

Бедными среди петербуржцев себя считают 25,4 %. Наряду с этим в семьях с тремя и более детьми угроза бедности ощущается особенно остро: 43,3 %; в семьях, где есть только один ребенок, угрозу бедности ощущают 24,3 % респондентов.

К числу значимых угроз для петербуржцев следует отнести экологические угрозы (19,3 %). Наиболее остро реагируют на экологические факторы напряженности люди, живущие вне семьи – 34,4 %; напротив, в больших семьях (три ребенка и более), эти проблемы менее актуальны – 16,6 %. Проблема экологической ситуации в Санкт-Петербурге более важна для женщин – 30,8 % и менее значима для мужчин – 18,1 %. Более всего за экологию переживают люди в возрасте 40–49 лет.

Угрозу одиночества испытывают 15,2 % петербуржцев. Наиболее высок процент таких респондентов среди овдовевших и разведенных респондентов – более 40 %. Эти данные приведены на рис. 3.

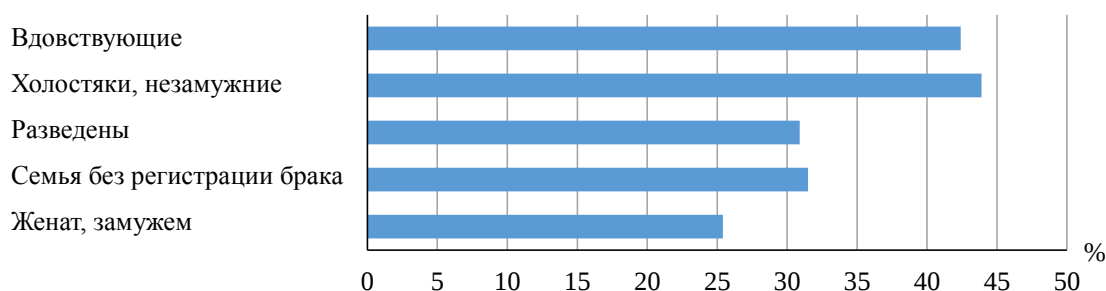

Рис. 3. Угроза одиночества (в процентах от числа ответивших)

Fig. 3. The threat of loneliness (% of respondents)

Наименьшую опасность для жителей Санкт-Петербурга представляют угрозы, связанные с притеснениями из-за религиозных убеждений – 4,8 %.

Притеснения из-за политических убеждений зависят от уровня образования петербуржцев. По мере получения более высокого образования этот показатель повышается по-

чти в два раза. Затем, у людей, получивших послевузовское образование, этот показатель несколько понижается (табл. 4).

Таблица 4. Притеснения из-за политических убеждений у людей с различным уровнем образования
Table 4. Harassment due to political beliefs among people with different levels of education

Образование	Количество ответивших, %
Среднее	12,0
Среднее специальное	20,7
Незаконченное высшее	22,0
Высшее	25,3
Послевузовское	20,0

Несколько острее воспринимают притеснения по политическим убеждениям мужчины – 14,0 %, женщины – 8,6 %. Менее остро воспринимают притеснения по политическим убеждениям пожилые люди (старше 60 лет) – 6,9 %. Максимально озабочены защитой своих политических убеждений молодые люди в возрасте 30–39 лет – 33,7 %.

В целом притеснения из-за возраста и пола испытывают 10,5 % петербуржцев. У семейных людей этот показатель выше на 6 % и достигает своего максимума в семьях без регистрации брака – 23,6 % (здесь менее фиксированы нормативные отношения) и среди разведенных – 24,0 %. Среди холостяков и незамужних угрозы притеснения из-за пола и возраста минимальны – 15,3 % (совокупно ответы на вопросы «Пожалуй, не защищен» и «Совсем не защищен»).

В семьях, где нет детей, таких притеснений менее всего (табл. 5).

Таблица 5. Притеснения из-за возраста и пола в семьях с различным количеством детей
Table 5. Harassment due to age and gender in families with different numbers of children

Количество детей в семье	Количество ответивших, %
Один ребенок	29,7
Два ребенка	25,8
Три и более	26,3
Нет детей	18,2

Остро реагируют на притеснения по признакам пола и возраста люди, получившие среднее специальное образование. У них этот показатель в два раза выше, чем у людей со средним образованием, и на 7–8 % выше, чем у людей с высшим и послевузовским образованием. Менее значимы показатели притеснений по возрасту и полу у мужчин – совокупно 16,9 %, чем у женщин – 24,3 %. Активно возникают половозрастные проблемы-притеснения у людей на рубеже 40-летия, до этого они ощущаются менее значимо (табл. 6).

Таблица 6. Притеснения из-за возраста и пола в различных возрастных группах респондентов
Table 6. Harassment due to age and gender in different age groups of respondents

Возрастные группы	Количество ответивших, %
18–29	11,1
30–39	11,9
40–49	25,0
50–59	24,7
более 60	27,3

Притеснения по национальным признакам составляют 5,2 % от всех угроз, показанных респондентами. Среди людей, проживающих в семьях с зарегистрированным браком, практи-

чески каждый второй респондент чувствует себя защищенным – 46 % против 31 %, проживающих в семьях без регистрации брака.

Самый высокий процент незащищенности от притеснений по национальному признаку отмечен среди холостяков и незамужних – 12,9 %. Острее проблему национальных притеснений ощущают мужчины – 11,1 %, чем женщины – 7,9 %.

Проблемы национальных отношений острее испытывают люди среднего возраста. Эти проблемы менее значимы для молодежи и пожилых людей (рис. 4).

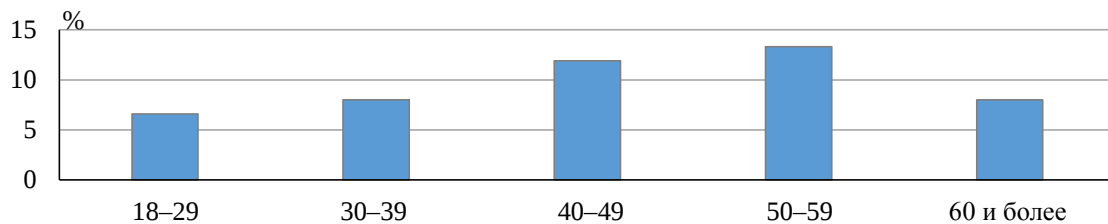

Рис. 4. Притеснения по национальному признаку среди респондентов различных возрастных групп

Fig. 4. Ethnic harassment among respondents of different age groups

Притеснения по религиозным убеждениям испытывают 4,8 % жителей региона. Это минимальные показатели среди всех социальных угроз. В целом свои религиозные убеждения считают защищенными до 70 % жителей региона (табл. 7).

Таблица 7. Принадлежность жителей региона к различным религиозным конфессиям

Table 7. Belonging of the region's residents to various religious confessions

Конфессия	Количество ответивших, %
Православие	84,3
Ислам	1,7
Иудаизм	0,3
Буддизм	1,7
Протестантизм	0,7
Католицизм	1,4
Другие	3,5
Отказ от ответа	6,4

О том, что «никаких притеснений нет» по религиозному признаку, заявили 48 % русских и 50 % украинских респондентов и только 25 % татар, традиционно исповедующих ислам.

О притеснениях по религиозным убеждениям заявили 12,1 % мужчин и 6,6 % женщин (совокупно «Пожалуй, не защищен» и «Совсем не защищен»). Несколько повышенные результаты по угрозе притеснений по религиозному признаку показали 50–59-летние респонденты – 11,2 %, что в 1,4 раза выше, чем в других возрастных группах.

Степень удовлетворенностью жизнью среди петербуржцев. В целом петербуржцы хорошо осознают тот факт, что они проживают в хороших условиях, такую точку зрения высказывают до 88 % жителей города. Жители Санкт-Петербурга преимущественно позитивно относятся к местам своего проживания (табл. 8).

Степень удовлетворенности жизнью выступает базовым показателем при оценке социального самочувствия и оценивается на основании изучения распределения ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?». Результаты этого опроса представлены и в табл. 9.

Таблица 8. Отношение жителей Санкт-Петербурга к региону проживания

Table 8. Attitude of residents of St. Petersburg to the region of residence

Вопрос	Варианты ответа	Количество ответивших, %
Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?	Я рад, что живу здесь	54,28
	В целом я доволен, но многое не устраивает	30,38
	Не испытываю особых чувств по этому поводу	6,49
	Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	1,03
	Хотел бы уехать в другой регион России	0,77
	Хотел бы вообще уехать из России	6,23
	Затрудняюсь ответить	0,77
	Отказ от ответа	0,05

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос об удовлетворенности жизнью

Table 9. Distribution of answers to the question about life satisfaction

Варианты ответов	Количество ответивших, %
Полностью удовлетворен	15,54
Скорее удовлетворен	51,29
Затрудняюсь сказать точно	13,98
Не очень удовлетворен	16,58
Совсем не удовлетворен	1,55
Отказ от ответа	1,06

Тех, кто доволен жизнью в Санкт-Петербурге, примерно в три-четыре раза больше тех, кто ею не удовлетворен. Так, суммарный процент людей, «полностью удовлетворенных» жизнью в регионе и «скорее удовлетворенных», составляет 66,83 %. При этом в мегаполисе не высок процент тех людей, кого «не очень удовлетворяет» проживание – 16,58 %. Совсем не удовлетворяет проживание в Санкт-Петербурге всего 1,55 %.

Наибольшую удовлетворенность жизнью высказывают респонденты, находящиеся в официальном браке, и холостяки, суммарный процент «Полностью удовлетворен» и «Скорее удовлетворен» составляет 68,3–69,2 %. «Совсем неудовлетворенных» среди категории женатых насчитывается не более 0,5 %, среди разведенных – 5,3 %.

Высок процент удовлетворенных жизнью среди людей в семьях с двумя детьми – 70,8 %. Удовлетворенность жизнью в семьях с одним ребенком, как и в семьях с тремя и более детьми, приблизительно равна и находится на уровне 61–62 %.

Самой высокой удовлетворенностью жизнью отмечены ответы респондентов с послевузовским образованием: с начальным образованием 67,5 %, со средним специальным – 59,5 %, с незаконченным высшим – 64,8 %, с высшим образованием – 59,0 %, с послевузовским образованием – 70,1 %. Характерно и то, что у людей с послевузовским образованием самый незначительный процент недовольных уровнем жизни (рис. 5).

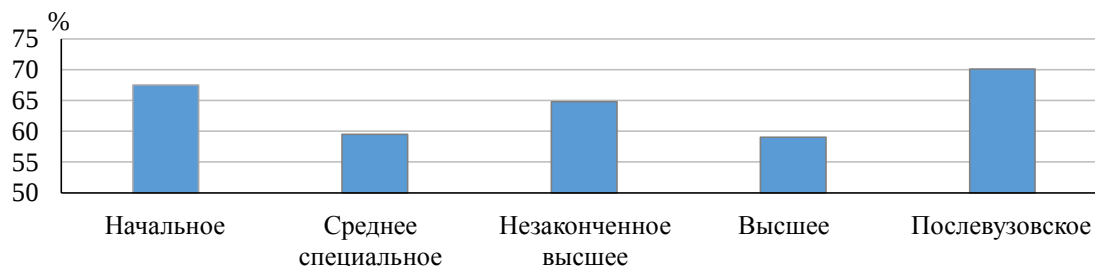

Рис. 5. Снижение уровня жизни у людей с различным уровнем образования

Fig. 5. Decrease in the standard of life of people with different levels of education

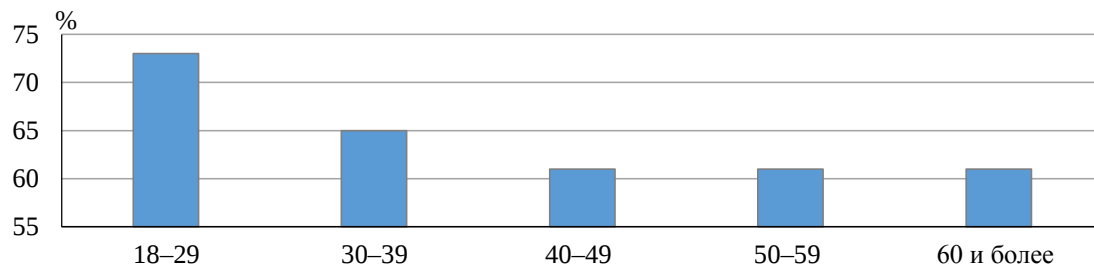

Рис. 6. Удовлетворенность жизнью у респондентов различных возрастов

Fig. 6. Life satisfaction among respondents of different ages

Недовольство жизнью у людей старших возрастных групп (40–49 и 50–59 лет) встречается в полтора–два раза чаще, чем у молодежи; пожилые – 22–23 %, молодежь 18–39 лет – 13–17 % (рис. 6).

В соответствии с методикой коэффициент удовлетворенности жизнью ($K_{уж}$) рассчитывается как средневзвешенная баллов по ответам на приведенный выше вопрос («Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?»): для Санкт-Петербурга $K_{уж} = 0,72$.

Высокий уровень жизни сказывается на нежелании участвовать в протестных выступлениях: готовность принимать участие в акциях протеста выражают 26,5 % из числа опрошенных респондентов («Готов» и «Пожалуй, готов»). При этом 58,4 % населения «не готовы» или «скорее не готовы» к протестным действиям, связанным с отстаиванием своих прав и уровня жизни.

Степень социального оптимизма петербуржцев. Социальный оптимизм петербуржцев оценивался по тем показателям, которые раскрывают отношение к достигнутым результатам и прогнозам на предстоящее будущее (табл. 10–12 и рис. 7, 8).

Таблица 10. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?

Table 10. How confident or uncertain are you about your future today?

Варианты ответов	Количество ответивших, %
Вполне уверен (уверена)	18,9
Скорее уверен, чем нет	36
Не могу сказать точно	18,3
Скорее не уверен, чем уверен	17,6
Совершенно не уверен	6,2
Отказ от ответа	3

Уверенность в будущем характерна для 54,9 % петербуржцев. Сомневаются в позитивной перспективе 23,8 % опрошенных жителей города.

Несколько выше неуверенность в позитивной перспективе среди проживающих в гражданском браке – 31,5 %, в законном браке – 9 %, уверенности больше среди холостяков или неженатых – 32,0 %. Высок процент уверенных ответов в семьях с двумя детьми – 64,9 %, с одним ребенком – 48,7 %, с тремя детьми – 53,2 %.

Уверенно смотрят на перспективы будущего люди с высшим и послевузовским образованием – 58,5 % и 56,3 % соответственно. У людей со средним специальным образованием процент уверенности в завтрашней перспективе несколько ниже – 49,0 %.

Уверенность у мужчин составляет 60,1 %, у женщин ниже – 50,8 %. Неуверенных в будущем мужчин и женщин оказалось равное количество – около 23 %.

Общая характеристика уверенности в будущем в зависимости от возраста респондентов показана на рис. 7.

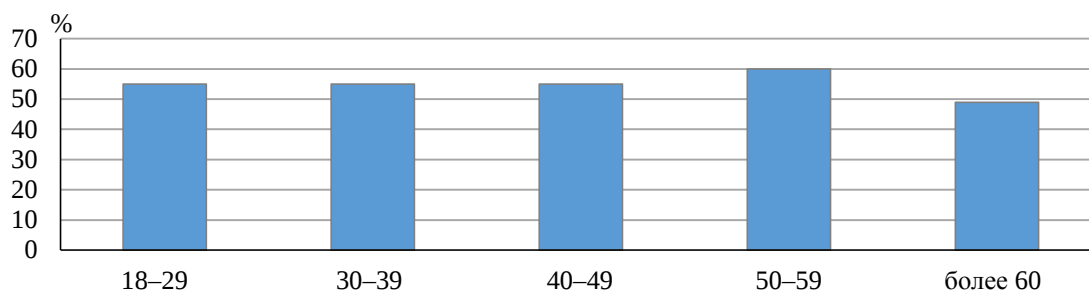

Рис. 7. Уверенность в позитивной перспективе будущего у респондентов разных возрастных групп

Fig. 7. Confidence in the positive outlook of the future among respondents of different age groups

Отдельно респондентам ставился вопрос о неуверенности в перспективе жизни в мегаполисе. Данные оказались такими. Неуверенность в перспективе жизни более характерна для людей в возрасте 18–49 лет (от 23 до 29 %), у людей в возрасте более 60 лет неуверенность в будущем высказывается не так часто, всего 16,2 % респондентов.

Оценка прожитого периода осуществлялась по ответам на один вопрос, результаты опроса показаны в табл. 11.

Таблица 11. Вы и Ваша семья стали жить лучше или хуже по сравнению с прошлым годом?

Table 11. Have you and your family fared better or worse than last year?

Ответы	Количество ответивших, %
Стали жить намного лучше	4,1
Стали жить несколько лучше	27,6
Ничего не изменилось	43,6
Стали жить несколько хуже	19,8
Стали жить намного хуже	1,8
Не знаю	3,1

Оптимистично оценивают прожитый период 31,7 % населения Санкт-Петербурга. Нейтрально относятся к прошлому 43,6 %. Пессимистично – 21,6 %. Не смогли оценить прожитый период 3,1 % респондентов (табл. 11).

Оценивают улучшение своего уровня жизни 38,9 % холостяков и неженатых. Улучшилась жизнь в семейных парах: в официальном браке – 28,5 %, в гражданском – 44,7 %. Намного улучшилась жизнь в малочисленных семьях – на 3,3 %, с двумя детьми – на 4,9 % (материнский капитал). Что же касается многодетных семей, роста оптимизма в них не фиксируется.

Оптимистично оценивают свое нынешнее положение в сравнении с предыдущим периодом примерно одинаково как мужчины – 32,8 %, так и женщины – 31,0 %.

Таблица 12. Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

Table 12. Do you think that in the next year you and your family will live better than today, or worse?

Ответы	Количество ответивших, %
Будем жить значительно лучше	9,6
Будем жить несколько лучше	22,4
Ничего не изменится	21,4
Будем жить несколько хуже	15,4
Будем жить значительно хуже	4,1
Не знаю	25,8
Отказ от ответа	1,0

Как видно, в целом оптимистично видят свою личную перспективу 32,0 % населения (суммарный ответ на вопросы «Будем жить значительно лучше» и «Будем жить несколько лучше»). Не смогли определиться с перспективой 25,8 % респондентов-петербуржцев.

Самый высокий оптимизм продемонстрировали члены семей, состоящие в гражданском браке, где такую перспективу оценивают как возможность 42,0 % респондентов. Для сравнения: люди, состоящие в законном браке, более пессимистичны, здесь таковых только 32,2 %. Среди разведенных такая перспектива встречается еще реже, в 17,2 % ответов.

Как оптимистичную видят перспективу люди, где в семьях насчитывается двое детей, – 34,3 % респондентов. Эта цифра выше, чем в семьях с одним ребенком – 29,3 %; в семьях, где трое и более детей – 23,3% и даже больше, чем в семьях, где нет детей – 12,0 % (рис. 8).

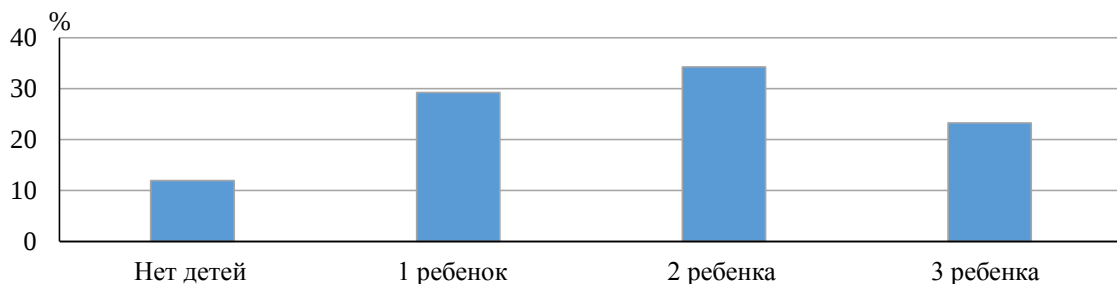

Рис. 8. Оценка перспективы как оптимистической в семьях с различным количеством детей

Fig. 8. Evaluating the outlook as optimistic in families with different numbers of children

На восприятие перспективы как оптимистической или пессимистической влияет уровень образования респондентов: с начальным образованием – 66,7 %, со средним специальным образованием – 26,3 %, с незаконченным высшим (преимущественно студенты) – 28,8 %, у людей с высшим и послевузовским образованием он колеблется на уровне 30 %.

Мужчины более оптимистичны в прогнозах на будущее – 35,2 %, среди женщин таких 29,5 %.

Оптимистический взгляд на перспективу характерен для молодежи, людей 30–39 лет, он снижается в сравнении с людьми более младшего и более старшего возрастов. Эта тенденция показана на диаграмме (рис. 9).

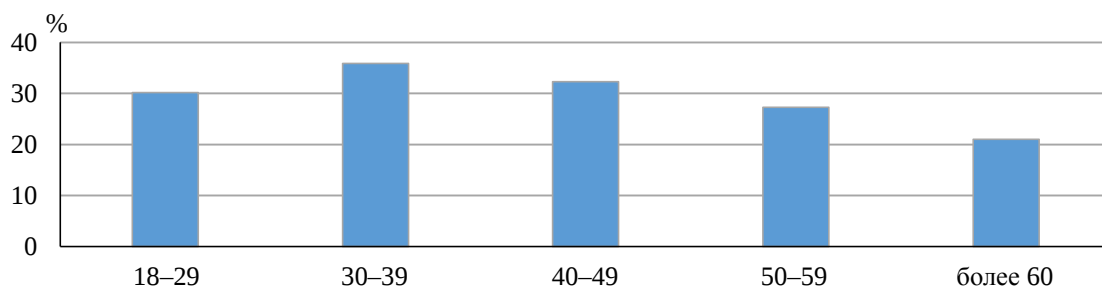

Рис. 9. Оценка перспективы как оптимистичной у людей различных возрастных групп

Fig. 9. Evaluating the outlook as optimistic for people of different ages

Наибольший пессимизм во взглядах на будущее зафиксирован в ответах людей со средним образованием – 18,8 %, людей с высшим образованием – 5,0 % и людей в возрасте 40–49 лет – 6,5 %.

Коэффициент социального оптимизма K_0 для жителей Санкт-Петербурга равен 0,61.

Проведенная работа позволяет рассчитать индекс социального самочувствия жителей Санкт-Петербурга. Суммарный индекс социального самочувствия по Санкт-Петербургу рассчитывается как средняя величина трех коэффициентов: защищенность от опасностей (K_3), удовлетворенность жизнью в целом ($K_{уж}$), социальный оптимизм (K_0) (табл. 13).

Таблица 13. Индекс социального самочувствия населения Санкт-Петербурга

Table 13. Index of social well-being of the population of Saint Petersburg

Компоненты социального самочувствия	Санкт-Петербург, 2017 г.
Защищенность от опасностей ($K_{заш.общ}$)	0,55
Удовлетворенность жизнью в целом ($K_{уж}$)	0,72
Социальный оптимизм (K_0)	0,61
Индекс социального самочувствия ($I_{сс}$)	0,63

Таковы основные результаты опроса о самочувствии жителей региона Санкт-Петербург посредством вычисления индекса социального самочувствия, интегрирующего целый ряд конкретных индикаторов-показателей. Они показывают, что в целом это регион, в котором жить довольно престижно и обеспеченно.

Заключение. В целом, население Санкт-Петербурга характеризуется достаточно высоким уровнем социальных настроений, хотя определенные проблемы оказывают негативное воздействие на эту ситуацию. Основным фактором является существенная степень социального неравенства, что влияет и на уровень оптимизма, и на чувство защищенности. Для значительной части горожан остаются актуальными экономические проблемы, их также беспокоят такие опасности, как произвол чиновников и произвол правоохранительных органов. Среди базовых страхов существенное значение имеет преступность, особенно такие опасения характерны для жительниц Санкт-Петербурга.

В числе прочих сложностей представители населения сообщают о беспокойстве, связанном с осознанием экологических опасностей, а также со страхом одиночества. Резиденты города в большинстве своем довольны местом своего проживания. Кроме того, население характеризуется уровнем социального оптимизма выше среднего, причем более позитивно перспективы оценивает молодежь. Высокий уровень образования для среднего респондента в целом повышает степень уверенности в себе, но одновременно с этим делает его более критичным к восприятию рисков, изменения ситуации в будущем.

На частные индексы социальных настроений влияет множество факторов, такие, как пол, возраст, количество детей и ряд других параметров, что предполагает использование специальных мероприятий диагностики. При этом анализ элементов, вносящих существенный вклад в общую ситуацию, позволяет выявлять наиболее значимые проблемы для корректирования социальной политики и повышения качества жизни населения.

В качестве одного из выводов надо признать, что методика исследования социального самочувствия при помощи индекса социального самочувствия не позволяет изучать факторы, которые влияют на непосредственное улучшение социального самочувствия населения. За пределами диагностики оказывается также проблема онтологических последствий реализации управленческих решений мониторингового характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинурова Р. И., Фатыхова Ф. Ф. Индикаторы, репрезентирующие содержание социального самочувствия // Вестн. Казан. технол. ун-та. 2011. № 20. С. 245–251.
2. Кужильная А. В. О подходах к изучению субъективного благополучия личности в зарубежных исследованиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 83–86.
3. Медведев Н. П. Социальное самочувствие личности: вопросы содержания, измерения и оценки // Социальное самочувствие населения в современной России: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. проф. Гриценко. Ростов-н/Д, 4–5 окт. 2010 г. / ЮНЦ РАН. Ростов-н/Д, 2010. С. 136–138.
4. Саксудаева С. О. Социальное настроение молодежи в условиях трансформации российского общества: на примере Республики Бурятия: автореф. ... канд. социол. наук / Бурятский гос. ун-т. Улан-Удэ, 2009.
5. Рогозин Д. М. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность: Журн. социол. наблюдений и сообщений. 2007. № 2. С. 97–113.
6. Чугуенко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социол. исслед. 2013. № 1. С. 16–24.
7. Willson W. R. Correlates of avowed happiness // Psychological Bul. 1967. № 67. P. 294–306. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0024431>.
8. Diener E. D. Subjective well-being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index // American Psychologist. 2000. № 55 (1). P. 34–43. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.34.
9. Andrews F. M. Population Issues and Social Indicators of Well-Being // Population and Environment. 1983. Vol. 6, № 4. P. 210–230.
10. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социол. исслед. 1998. № 1. С. 21–35.
11. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социол. исслед. 2000. № 12. С. 50–55.
12. Мтиулишвили П. И. Индекс социальных настроений и показатели протестного потенциала населения // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 6. С. 55–64.
13. Токарев В. В., Дулина Н. В. Социальное самочувствие жителей Волгоградской области (по итогам исследования «Волгоградский омнибус») // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та. 2008. № 7 (45). С. 38–41.
14. Русских Л. В. Социальное самочувствие учителей // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 2. С. 107–109.
15. Campbell A. The sense of well-being in America: Recent patterns and trends. NY.: McGraw-Hill, 1981.
16. Markovitch N., Netzer L., Tamir M. Will you touch a dirty diaper? Attitudes toward emotions and behavior // Cognition and Emotion. 2015. № 30 (3). P. 592–602. DOI: 10.1080/02699931.2015.1020049.
17. Tamir M., Mauss I. B. Social cognitive factors in emotion regulation: Implications for well-being // Emotion regulation and well-being. 2011. P. 31–47. DOI: 10.1007/978-1-4419-6953-8_3.
18. Joshanloo M. Revisiting the Empirical Distinction Between Hedonic and Eudaimonic Aspects of Well-Being Using Exploratory Structural Equation Modeling // J. of Happiness Studies. 2016. Vol. 17. P. 2023–2036. DOI: 10.1007/s10902-015-9683-z.
19. Diener E., Shigehiro O., Lucas R. E. Personality, Culture and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life // Annual Rev. of Psychology. 2003. Vol. 54, № 1. P. 403–425. DOI: 10.1146/annurev.psych.54.101601.145056.
20. Preserving Subjective Wellbeing in the Face of Psychopathology: Buffering Effects of Personal Strengths and Resources / E. H. Bos, E. Snippe, P. Jonge, B. F. Jeronimus // PLoS ONE. 2016. № 11 (3). DOI: 10.1371/journal.pone.0150867.
21. The Psychological Well-Being-Post-Traumatic Changes Questionnaire (PWB-PTCQ): Reliability and validity / S. Joseph, J. Maltby, A. Wood, H. Stockton, N. Hunt // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2012. № 4 (4). P. 420–428. DOI: 10.1037/a0024740.

22. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социол. исслед. 2010. № 3. С. 45–50.
23. Воронин Г. Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998 гг.). «Мерцающая стратификация» // Социол. исслед. 2001. № 6. С. 59–66.
24. Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 1998. № 10. С. 45–71.
25. Жуков В. И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз // Социол. исслед. 2008. № 10. С. 29–40.
26. ВЦИОМ. Индексы социального самочувствия. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=176> (дата обращения: 01.12.2019).
27. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010.
28. Слободян Е. Что такое социальное самочувствие и где в России оно лучше? // Аргументы и факты. 23 июня 2014 г. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/eternal/1193899> (дата обращения: 01.12.2019).

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 202 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Лебединцева Любовь Александровна – доктор социологических наук (2012), доцент (2016), доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социальных коммуникаций Севастопольского государственного университета, Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Россия. Автор 111 научных публикаций. Сфера научных интересов: экономическая социология, социология интеллектуального труда, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>. E-mail: llebedintseva879@gmail.com

Ярмак Ольга Валерьевна – кандидат социологических наук (2004), доцент (2011), ведущий научный сотрудник Центра социологических исследований Севастопольского государственного университета, ул. Университетская, д. 33, Севастополь, 299053, Россия. Автор 39 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>. E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

И Ши – аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: shiyi11@mail.ru

Камышина Елена Александровна – аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 4 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: kamyshina.elena@gmail.com

Авторский вклад.

Дерюгин Павел Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Лебединцева Любовь Александровна – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Ярмак Ольга Валерьевна – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

И Ши – разработка структуры исследования, анализ и интерпретация данных.

Камышина Елена Александровна – разработка структуры исследования, анализ и интерпретация данных.

REFERENCES

1. Zinurova, R. I. and Fatykhova, F. F. (2011), "Indicators that represent the content of social well-being", *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University], no. 20, pp. 245–251.
2. Kuzhilnaya, A. V. (2015), "On approaches to the study of subjective well-being of the individual in foreign studies", *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah* [Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies], no. 1 (60), pp. 83–86.
3. Medvedev, N. P. (2010), "Social well-being of the individual: issues of content, measurement and evaluation", *Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya v sovremennoi Rossii* [The social well-being of the population in modern Russia], *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The All-Russian Scientific-Practical Conference], Rostov-on-Don, RUS, 04–05 Oct. 2010, pp. 136–138.
4. Saksudaeva, S. O. (2009), "The social mood of youth in the conditions of transformation of Russian society: the example of the Republic of Buryatia", Abstract of... Cand. Sci. (Sociol.) dissertation, BSU, Ulan-Ude, RUS.
5. Rogozin, D. M. (2007), "Testing questions about social well-being", *Sotsial'naya real'nost': Zhurnal sotsiologicheskikh nablyudenii i soobshchenii*, [Social Reality: A Journal of Sociological Observations and Messages], no. 2, pp. 97–113.
6. Chuguenko, V. M. and Bobkova, E. M. (2013), "New trends in the study of social well-being of the population", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 16–24.
7. Willson, W. R. (1967), "Correlates of avowed happiness", *Psychological Bulletin*, no. 67, pp. 294–306. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0024431>.
8. Diener, E. D. (2000), "Subjective well-being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index", *American Psychologist*, no. 55 (1), pp. 34–43. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.34.
9. Andrews, F. M. (1983), "Population Issues and Social Indicators of Well-Being", *Population and Environment*, vol. 6, no. 4, pp. 210–23.
10. Toshchenko, Zh. T. (1998), "Social mood-a phenomenon of modern sociological theory and practice", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 21–35.
11. Petrova, L. E. (2000), "Social state of health of young people", *Sociological Studies*, no. 12, pp. 50–55.
12. Mtiulishvili, P. I. (2010), "Index of social attitudes and indicators of protest potential of the population", *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 6, pp. 55–64.
13. Tokarev, V. V. and Dulina, N. V. (2008), "Social well-being of residents of the Volgograd region", *Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Technical University], no. 7 (45), pp. 38–41.

14. Russkih, L. V. (2015), "Social well-being of teachers", *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Science and Humanities*, no. 2, pp. 107–109.
15. Campbell, A. (1981), *The sense of well-being in America: Recent patterns and trends*, NY: McGraw-Hill Book Company.
16. Markovitch, N., Netzer, L. and Tamir, M. (2016), "Will you touch a dirty diaper? Attitudes toward emotions and behavior", *Cognition and Emotion*, no. 30 (3), pp. 592–602. DOI: 10.1080/02699931.2015.1020049.
17. Tamir, M. and Mauss, I. B. (2011), "Social cognitive factors in emotion regulation: Implications for well-being", *Emotion regulation and well-being*, pp. 31–47. DOI: 10.1007/978-1-4419-6953-8_3.
18. Joshanloo, M. (2016), "Revisiting the Empirical Distinction Between Hedonic and Eudaimonic Aspects of Well-Being Using Exploratory Structural Equation Modeling", *Journal of Happiness Studies*, no. 17, pp. 2023–2036. DOI: 10.1007/s10902-015-9683-z.
19. Diener, E., Shigehiro, O. and Lucas, R. E. (2003), "Personality, Culture and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life", *Annual Review of Psychology*, no. 54, pp. 403–425. DOI: 10.1146/annurev.psych.54.101601.145056.
20. Bos, E. H., Snippe, E., de Jonge, P. and Jeronimus, B. F. (2016), "Preserving Subjective Wellbeing in the Face of Psychopathology: Buffering Effects of Personal Strengths and Resources", *PLoS ONE*, no. 11(3). DOI: 10.1371/journal.pone.0150867.
21. Joseph, S., Maltby, J., Wood, A. M., Stockton, H., Hunt, N., and Regel, S. (2012), "The Psychological Well-Being – Post-Traumatic Changes Questionnaire (PWB-PTCQ): Reliability and validity", *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, no. 4 (4), 420–428. DOI: 10.1037/a0024740.
22. Mikhailova, L. I. (2010), "Social well-being and perception of the future by Russians", *Sociological Studies*, no. 3, pp. 46–48.
23. Voronin, G. L. (2001), "Social well-being of Russians (1994–1996–1998). Flickering stratification", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 59–66.
24. Golovakha, E. V., Panina, N. V. and Gorbachik, A. P. (1998), "Measurement of social well-being: IISS test. Theory and methods of well-being", *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* (4M), [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)], no. 10, pp. 58–66.
25. Zhukov, V. I. (2008), "Russia in the global system of social coordinates: sociological analysis and forecast", *Sociological Studies*, no. 10, pp. 29–40.
26. VTSIOM, *Indeksy sotsial'nogo samochuvstviya* [Indices of social well-being], available at: <https://wciom.ru/index.php?id=176> (accessed 01.12.2019).
27. Lapin, N. I. and Belyaeva, L. A. (2010), *Programma i tipovoi instrumentarii "Sotsiokul'turnyi portret regiona Rossii" (Modifikatsiya – 2010)* [Program and standard tools "Socio-cultural portrait of the Russian regions" (Modification-2010)], IFRAN, Moscow, RUSSIA.
28. Slobodyan, E. (2014), "What is social well-being and where is it better in Russia?", *Argumenty i Fakty* [Arguments and Facts], available at: <http://aif.ru/dontknows/eternal/1193899> (accessed 01.12.2019).

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology) (2002), Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St. Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St. Petersburg 197376, Russia. The author more than 202 scientific publications. Areas of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Liubov A. Lebedintseva – Dr. Sci. (Sociology) (2012), Docent (2016), Associated Professor at the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb.,

St. Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Social Communications, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya str., Sevastopol 299053, Russia. The author of 111 scientific publications. Areas of expertise: economic sociology, sociology of intellectual work, values and value orientations, network approach in sociology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>. E-mail: llebedintseva879@gmail.com

Olga V. Yarmak – Can. Sci. (Sociology) (2004), Docent (2011), Leading Researcher at the Center for sociological research, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya str., Sevastopol 299053, Russia. The author of 39 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic consent, human capital. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>. E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

Yi Shi – Postgraduate, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St. Petersburg 199034, Russia. The author of 8 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, inter-ethnic harmony, human capital. E-mail: shiyi11@mail.ru

Elena A. Kamyshina – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St. Petersburg 197376, Russia. The author of 4 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, inter-ethnic harmony, human capital. E-mail: kamyshina.elena@gmail.com

Author's contribution.

Pavel P. Deriugin – development of the concept and structure of research, analysis and interpretation of data, text writing of the paper.

Liubov A. Lebedintseva – development of the concept and structure of research, analysis and interpretation of data, text writing of the paper.

Olga V. Yarmak – development of the concept and structure of research, analysis and interpretation of data, text writing of the paper.

Yi Shi – development of research structure, data analysis and interpretation.

Elena A. Kamyshina – development of research structure, data analysis and interpretation.

Онтология дополненной реальности

В. И. Игнатьев✉

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

✉ighnatiev.v@inbox.ru

Введение. Целью статьи является обоснование возможности разработки онтологии дополненной реальности как особой сферы социального пространства. Проводится сравнительный анализ подходов к интерпретации реальности в философии и теоретической социологии. Сформулированы исходные положения концептуальной модели социальной реальности и социальной действительности. Вводятся и анализируются понятия актуального и виртуального социальных действий.

Методология и источники. В качестве методологического основания исследования используются основные положения феноменологической социологии: интерпретация А. Шюцера социальной реальности как фрагмента бытия, переведенного в мир intersubjectivity, и характеристика П. Бергера и Т. Лукмана реальности общества как процесса его конструирования в практической деятельности. Учтены черты дополненной реальности, выявленные в работах Р. Азумы, П. Милграма, А. Д. Кисино, Х. Папагианнис, Э. М. Ларсен, С. А. Глазковой, О. Н. Кисловой и других исследователей. Описания характеристик устройств дополненной реальности получены из отчетов руководителей исследовательских центров, занятых разработкой и внедрением цифровых технологий: университетов Лондона, Торонто и Токио, института Хассо Платнера в Германии, финской компании Senseg, компании Disney Research, компании High Fidelity, лаборатории самосборки MIT, группы Media Lab из MIT, стартапа Detour из Сан-Франциско, компаний Google и Microsoft и др.

Результаты и обсуждение. Среда, формируемая дополненной реальностью, гораздо сложнее, чем представляется в непосредственном ее восприятии. Она включает четыре пространства: 1) предметного мира; 2) психического мира и 3) гибридного мира как симбиоза реального и воображаемого миров или же 4) симбиоза фрагментов реального мира – разорванного в пространстве и времени и совмещенного с помощью технологий в устройствах, дающих возможность индивиду присутствовать при наблюдении их совмещенного существования.

Заключение. Дополненная реальность усложняет виртуальную реальность, внося в нее помимо вымышленных характеристик содержание практических действий. Дополненная реальность, используя ресурс виртуальной реальности, переходит в действительность как основа практики. Дополненная реальность не только «постигает» мир, но находится с ним в непосредственном практическом контакте, становясь тем самым особой стороной социальной действительности.

Ключевые слова: дополненная реальность, социальная реальность, социальная действительность, виртуальная реальность, социальное взаимодействие.

Для цитирования: Игнатьев В. И. Онтология дополненной реальности // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 80–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-80-96

© Игнатьев В. И., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 06.02.2020; принята после рецензирования 06.03.2020; опубликована онлайн 25.04.2020

Ontology of Augmented Reality

Vladimir I. Ignatyev✉

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

✉ignatiev.v@inbox.ru

Introduction. The purpose of the paper is to justify the possibility of developing ontology of augmented reality as a special sphere of social space. A comparative analysis of approaches to the interpretation of reality in philosophy and theoretical sociology is carried out. The original provisions of the conceptual model of social reality and social actuality have been formulated. The concepts of actual and virtual social actions are introduced and analyzed.

Methodology and sources. The main provisions of phenomenological sociology are used as the methodological basis of the study: A. Schutz's interpretation of social reality as a fragment of being translated into the world of intersubjective, and P. Berger and T. Luckmann's characterization of the reality of society as a process of its construction in practical activities. The features of augmented reality, revealed in the works of R. Azuma, P. Milgram, A. F. Kishino, H. Papagiannis, A. M. Larsen, S. A. Glazkova, O. N. Kislova and other researchers, are taken into account. Descriptions of the characteristics of augmented reality devices are derived from reports from research center heads: the descriptions of the characteristics of augmented reality devices are derived from reports from the heads of research centers involved in the development and implementation of digital technologies: universities in London, Tokio and Toronto, Hasso-Plattner Institute in Germany, Finnish company Senseg, company Disney Research, company High Fidelity, MIT self-assembly labs, MIT Media Lab Group, San Francisco-based Detour startup, Google and Microsoft etc.

Results and discussion. The environment shaped by augmented reality is much more complex than it is in its immediate perception. It includes four spaces: 1) subject world, 2) the mental world and 3) the hybrid world as a symbiosis of real and imaginary worlds, or 4) symbiosis of real-world fragments – torn in space and time and combined with technology in devices that give the individual's ability to be present when observing their combined existence.

Conclusion. Augmented reality complicates virtual reality, adding to its content in addition to fictional characteristics the content of practical actions. Augmented reality, using the virtual reality resource, becomes reality as the basis of practice. Augmented reality not only “begets” the world, but is in direct practical contact with it, thus becoming a special side of social reality.

Key words: augmented reality, social reality, social actuality, virtual reality, social interaction.

For citation: Ignatyev V. I. Ontology of Augmented Reality. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 80–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-80-96 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 06.02.2020; adopted after review 06.03.2020; published online 25.04.2020

Введение. Эффекты, получаемые от устройств дополненной реальности (AR), становятся все более востребованными в профессиональной деятельности и повседневной жизни. Классическое определение AR, используемое по настоящее время, было дано в 1997 г.

пионером этого направления Рональдом Азумой: «AR позволяет пользователю видеть реальный мир с виртуальными объектами, наложенными полностью или частично на объекты реального мира. Поэтому AR дополняет реальность, а не полностью заменяет ее» [1]. По мнению видного эксперта в области AR Хелен Папагианнис, технология AR заключается в наложении как реальных, так и искусственно создаваемых образов на сфокусированный реальный предмет с помощью камеры и программного обеспечения на включенном устройстве, например, смартфоне [2, с. 27]. При этом *реальный мир сохраняется* как основа наблюдаемой и воспринимаемой всеми органами чувств картины реальности на «индивидуальном экране» индивида.

AR отличается от виртуальной реальности (VR). Описывая специфику VR, П. Милграм и А. Д. Кисино в 1994 г. отмечали, что VR представляет собой среду, в которой участник-наблюдатель *полностью* погружен в абсолютно синтетический мир и может с ним взаимодействовать. Такой мир может воспроизводить объекты и возможности среды реально существующего мира или воображаемые. В то же время Милграм и Кисино подчеркивали, что к особому подклассу виртуальной реальности следует относить смешанную реальность (Mixed Reality – MR), как технологию, позволяющую смешивать реальный и виртуальный миры. Комбинации AR, VR и MR образуют дополненную реальность и дополненную виртуальность [3]. Как полагает А. С. Глазкова, AR создает особую коммуникативную среду, в которой открываются возможности для получения дополнительной информации или дополнительного действия за счет размещения в реальной среде выходов к виртуальным возможностям [4, с. 115].

Результаты анализа современного состояния возможностей и перспектив AR содержатся в труде К. Шваба и Н. Дэвиса, в котором они представили присланные им в 2018 г. отчеты экспертов о технологиях четвертой промышленной революции. В частности, Э. М. Ларсен подчеркивает, что AR и MR не создают полноценной иллюзии присутствия, но позволяют дополнить информацией и виртуальными объектами реальный мир. Если VR заменяет реальный мир его имитацией, то AR и MR расширяют восприятие реальности пользователем [5, с. 203–204]. Из-за эффекта присутствия эти технологии больше, чем другие цифровые каналы, размывают границу между искусственными технологиями, внешним миром и ролью человеческой интуиции и субъектности [5, с. 205]. Технология AR вносит в социальное действие такие новые характеристики, как эффект присутствия с помощью аудиовизуальных технологий; тактильную обратную связь; продолжает эволюцию интерфейса, предполагающего переход к жестам и естественным движениям при управлении устройствами [5, с. 214–215].

AR позволяет глубже погружаться в реальный мир. Но что это меняет не только в восприятии действительности (по-новому), но и в действиях индивида и его взаимодействии с окружающими и реально (а не в воображении) существующими людьми? В чем состоит эффект дополнения, усложнения и смешивания реальностей? И о каких реальностях ведут речь исследователи и проектировщики, насколько убедительны обоснования ими этих эффектов как проявлений реальности? Эти вопросы пока остаются без сколь-либо основательного анализа на уровне философского и теоретико-социологического знания.

К редким заслуживающим внимания попыткам осмысления AR в рамках социологической науки можно отнести, например, публикацию доцентов Харьковского националь-

ного университета им. В. Н. Каразина О. Н. Кисловой и А. М. Николаевской, в которой авторы рассматривают AR как особую реальность через призму критики дихотомического разделения реального и виртуального миров [6].

Цель настоящей статьи – рассмотреть AR не только как технологию, но как реальность, обладающую собственной онтологией, т. е. качеством быть отдельным – искусственным – фрагментом бытия и постольку доступным для системного описания. Это предполагает выбор адекватного данному феномену определения понятия реальности и использования его для интерпретации полученных характеристик устройств AR.

Методология и источники. «Реальность» как философский термин обозначает все существующее вообще и близка понятию бытия; объективный мир; объективное противостоящее субъективному (в материализме). В идеалистическом монизме это противопоставление снимается. В современном научном познании реальность рассматривается преимущественно как фрагмент (аспект) мира. Реальность есть *существование*, т. е. то, что *есть*, что «бытийствует», но не есть тождество с бытием. Бытие – абстрактно, универсально, реальность – конкретна, разнообразна и есть бесконечное множество модусов бытия. Однако эта онтологическая интерпретация, используемая при различении реальности и бытия, ведет к их отождествлению. Парадокс реальности, когда она интерпретируется как нечто данное индивиду в его *представлении*, состоит в том, что она гораздо обширнее, чем кажется, и большая ее часть невидима. Эта ограниченность содержания того, что обозначается как реальность (реальное), побуждает задать вопрос: то, что мы обозначаем как реальное, каким образом существует в бытии, каков его онтологический статус?

Один из вариантов ответа на этот вопрос формулируется с позиции естественно-научной эпистемологии: реально то, что находится во взаимодействии друг с другом, что можно обнаружить непосредственно с помощью приборов и органов чувств, созданных из других реальных частиц [7, с. 59]. Реальное, пишет Д. Дойч, находится в оппозиции с возможным как возможностью его восприятия и оперирования с реальным. Аргумент Дойча: возможное не может взаимодействовать с реальным, несуществующие сущности не могут изменять существующие [7, с. 64].

Термин «реальность» выполняет и гносеологическую функцию, фиксируя отношения субъекта практики и познания к миру. Также «реальность» выступает в качестве инструмента *обозначения* как *акта* мыслительной деятельности. В таком случае реальность можно определить как все то, чему человек придал смысл, определил. Но человек занимает позицию действующего, причем в окружении других действующих субъектов. Именно в этом пространстве интеракций, где рождается особое – социальное – бытие, понятие реальности и реального служит для обозначения *посредника в действиях*, направленных на объекты, и посредника в социальных взаимодействиях. Так философская онтология реальности встречается с социологической и преобразуется в категорию социальной реальности.

Деятельностный подход является основой применения понятия реальности в социальной теории, прежде всего в феноменологической социологии, согласно которой социальная реальность определяется как фрагмент бытия, «переведенный» в мир интересубъективного, но особого бытия, обусловленного практикой субъекта. А. Шюц писал: «Под термином “социальная реальность” я понимаю всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей

повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции» [8, с. 530]. Шюц опирался на идею У. Джемса о существовании многообразных миров опыта, единственным критерием реальности которых служит психологическая убежденность, вера в их реальное существование. Шюц называл эти джемсовские «миры опыта» термином «конечные области значений», которым люди могут приписывать свойства реальности [9, с. 230]. У Д. фон Гильдебранда «реальное» – это действительно состоявшееся событие активности индивида по отношению к другому, когда этот другой сознательно воспринял духовную связь с ним [10, с. 17–18].

«Реальность социально конструируется» – исходная позиция социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана. Они определяли «реальность» «как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания» [11, с. 9]. Общество, подчеркивали Бергер и Лукман, обладает объективной фактичностью и создается благодаря деятельности индивидов, имеющих субъективные значения. «Именно двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает ей характер “реальности *suigeneris*”» [11, с. 35]. Для правильного понимания «реальности *suigeneris*» требуется исследование того, как эта реальность конструируется.

В случае использования технологии AR, субъект в конструировании новых фрагментов мира опирается на термин «реальность» и как на определение (для понимания), и как на символ – опору, предпосылку для успешного действия. Эта предпосылка может иметь вещественно-предметное или символическое бытие. И инструменты AR предоставлены человеку как устройства и как изображения нового символического мира. Эта новая реальность непременно должна *признаваться* действующим субъектом как действительно существующая, т. е. *обозначаться* как реальная. Ей и было присвоено имя дополненной *реальности*. Условие такого признания есть критерий определения AR как особой реальности в системе социального действия и взаимодействия.

Источники для выявления специфических характеристик AR представлены в основном отчетах разработчиков технологий AR, описаниями полученных технических эффектов и прогнозированием возможностей применения технологий в различных сферах человеческой деятельности. Обобщающих работ крайне мало и они носят либо иллюстративный характер, либо тяготеют к технологической и социальной футурологии. К редким исключениям, пожалуй, можно отнести недавно переведенную книгу одного из признанных экспертов и разработчиков AR Хелен Папагианнис (Helen Papagiannis) или исследования российского социолога С. А. Глазковой, посвященные изучению применения AR в коммуникативном пространстве мобильной связи. Стоит упомянуть также работы исследователей О. Н. Кисловой, J. Havens, W. Boesel, P. Rey, B. N. Waber, A. Pentland.

Много ценной информации содержится в отчетах исследователя Университета Лондона Э. Д. Чока, публикациях С. Манна и Д. Оливера из Университета Торонто, в описании технологии тактильной симуляции вице-президентом Финской компании Senseg Д. Райсом, в публикациях о разработках компании Disney Research Labs, в документах о деятельности стартапа Detour из Сан-Франциско, отчетах о разработках Google, в сообщениях об успешном старте Д. Эдвардсона из Гарварда и об экспериментах медиатеоретиков Д. Д. Болтера и Р. Грайзина, в концепции «идеальное селфи» Ж. Ф. Мори, в проекте 4D-печати директора Лаборатории самосборки MIT С. Тиббитса, в отчетах исследователя

группы жидкостных интерфейсов MIT Media Lab В. Хеуна, в работе Я. Нильсена об интегрированных в тело устройствах и описаниях устройств «реагирующей одежды», в лекции Тан Лэ – основателя компании EMOTIV и разработчика нейрокомпьютерного интерфейса и в ряде других источников. Ограниченный формат статьи позволил представить лишь отдельные извлеченные из публикаций фрагменты описания характеристик технологий AR.

Обращение к описаниям технологий AR обусловлено необходимостью поиска подтверждений, что получаемые эффекты от применения созданных устройств вообще можно отнести к какой-то разновидности реальности. Нас прежде всего будет интересовать, *как встраиваются эффекты AR в структуру повседневности, как они ее могут менять. Как совмещение картин реальности влияет на поведенческие установки и навыки индивидов. Действительно ли эффект смешения в восприятии объектов реальности открывает новые возможности для самоидентификации индивидов и идентификации знакомых явлений и предметов и, самое главное, для оперирования с предметами и конструирования самой реальности?*

Результаты и обсуждение. Экспликация из отчетов. Как создавалась и совершенствовалась AR? Первая волна в проектировании AR получила название «наложение», поскольку удалось произвести наложение цифровых образов поверх реальности. Вторая волна была обозначена как «проникновение». Ее особенность в том, что открывается возможность более тесного сенсорного взаимодействия людей с внешним миром и друг с другом [2, с. 31–32]. Так работает, например, технология Google «Tango», которая позволяет устройству ориентироваться в физическом пространстве так же, как это делают люди [2, с. 33]. Эффект состоит в том, что технология AR распознает не только людей, но и окружающую среду и начинает распознавать их деятельность и реагировать на них. Тем самым взаимодействия с технологией становятся более естественными. Это определяется тем, что *на передний план взаимодействия со средой выходит ощущение.*

Человек оказывается в многомерном пространстве. Технология «проникновение» создает новое гибридное пространство, которое объединяет реальное и виртуальное, наполняет физический мир цифровыми (искусственными, символическими) свойствами, а виртуальный мир становится *осязаемым*. В качестве примера можно привести технологии распознавания вкуса и запаха устройствами Electronic Taste Machine и Scentee, созданными в Университете Лондона. Scentee – это небольшое устройство, подключаемое к аудиоразъему смартфона и позволяющее отправлять сообщения, которые источают определенный запах. Electronic Taste Machine может передать на язык человека различные вкусовые ощущения благодаря использованию металлических датчиков. В результате в мозг передается виртуальное ощущение вкуса [12].

Возможность формировать не только воображаемый, но и реальный мир в соответствии с пожеланиями. Центральная роль в работе AR принадлежит камере, которая соединена с компьютерным зрением и превосходит возможности человеческого зрения. Смартфоны уже являются продолжением людей, и с технологиями «Tango» они начинают видеть, изучать и понимать мир подобно тому, как это делают люди. Благодаря этому будут возникать *новые типы взаимодействия*, в которых виртуальная среда легко сопоставляется с окружающей человека физической реальностью, создавая более глубокое чувство погружения. Границы между виртуальным и реальным начинают размываться все больше.

Технология будет способствовать не только переосмыслению повседневной жизни человека, но и позволит создать новые «карты» для выбора маршрута в практической, а не только в воображаемой деятельности.

Фильтрация того, что мы не хотим видеть. Стив Манн из Университета Торонто (Канада) ввел понятие «настраиваемая реальность» для обозначения предназначения устройства, которое позволяет нам фильтровать видимое [13]. Приложение Brand Killer (2015) основано на работах С. Манна и Д. Оливера и выполнено группой студентов Университета Пенсильвании (США). Цель разработки – убирать рекламу в зоне видимости индивида при его перемещении [14].

Новый сенсорный опыт. За счет осязательных эффектов в AR есть возможность не только синхронизировать то, что мы видим, с тем, что мы чувствуем, но и создавать *новые* способы *тактильной* коммуникации. Это, например, приложение Apple Watch, которое обеспечивает обратную связь для уведомления, Taptical haptics, позволяющее выйти на новый уровень реализма восприятия предметов. Тактильные ощущения имеют важное значение для человека, поскольку позволяют ему ориентироваться и лучше ощущать реальный мир. Наше чувство осязания помогает получать информацию на более глубоком уровне и ощущать такие характеристики предметов, как текстура и вес, т. е. устанавливать, из чего предмет сделан и как соотносится с другими предметами. Тем самым человек устанавливает факт физического существования предмета – полное *подтверждение его реальности. Это же относится и к подтверждению физического, а не воображаемого существования некоторого «другого» субъекта взаимодействия.*

Одним из способов интеграции тактильной симуляции в AR посредством планшета или смартфона стала технология E-Sense компании Senseg, основанная в Финляндии Дейвом Райсом [15]. Например, технология Ultrahaptics сделала возможным изучение передачи эмоций в общении [16]. А поскольку прикосновение – это мощный инструмент для общения между людьми, Ultrahaptics стала новым элементом в структуре системы социального взаимодействия и еще одним видом посредника.

Звуковые посредники взаимодействий. Технология *дополненного звука* с привязкой к местности Detour (автор Эндрю Мэйсон из Сан-Франциско) не только позволяет упорядочить движение в пространстве, но и помогает сделать окружение более интересным и содержательным [17]. Кроме этого, приложение Detour обеспечивает помощь в преодолении психологического барьера и способствует лучшему пониманию окружающих и сопереживанию, позволяет ощутить себя на месте другого человека.

Ориентация в пространстве запахов. Естественные механизмы их распознавания теперь дополнены технологией «цифровой запах». Для распознавания запаха в 2013 г. Google создал аппарат «Google Носа». Google использует базу данных ароматов, состоящую из 15 млн образцов запахов со всего мира. Аппарат определяет запах окружающего воздуха или сгенерированный аромат, найденный в поиске по ключевым словам [18]. Технология используется в качестве средства первичной диагностики, в качестве носимого устройства улучшает жизнь людей, страдающих деменцией и болезнью Альцгеймера.

Цифровые обонятельные устройства oNotes [19] и Scentee [20] позволяют отправлять и получать сообщения с запахами с помощью смартфонов. oNotes работает следующим образом: делается фотография, затем к ней присоединяются ароматы в мобильном приложении, после чего ими можно делиться с друзьями (как обмен фото в социальных сетях) [19].

Эффект присутствия. Переход в гибридную реальность. Воображение становится не только результатом, но и технологией создания реальности. AR – это форма развития воображения, с помощью которой можно создавать виртуальную историю из визуального, звукового, осязаемого, обоняемого и вкусового содержания. Ощущение непосредственного нахождения в созданной компьютером виртуальной среде создает эффект *присутствия*. Присутствие в AR – это восприятие виртуального контента, сочетающегося с физической средой, *как будто контент действительно здесь, в нашем физическом пространстве, и сливается с нашим окружением* [21].

Сочетание реального мира и личного опыта человека. Это сочетание «культурной и личной значимости объекта или места для пользователя или группы пользователей» исследователи Б. Макинтайр, М. Ганди и Д. Д. Болтер определили как «ауру» [22]. Аура будет влиять на показатели присутствия, так как будет больше адаптироваться к индивидуальным особенностям пользователя.

Среда становится отражением желаний, адаптируясь к потребностям. Вторая волна развития технологий AR основана на понимании контекста и взаимодействует с окружением индивида. Окружение становится настроенным и отзывчивым, обеспечивая персонализированный, актуальный и значимый опыт. AR – уже не просто технология наложения на реальность, она *превращается в реальность*. Превращение становится *замещением* реальности.

Идеальное селфи (ИС). Концепция ИС разработана в 2014 г. исследователем виртуальной реальности Жаклин Форд Мори, которая выделяет пять тенденций ИС как агента искусственного интеллекта (ИИ). ИИ учится, как мы себя ведем во время его использования, и даже может стать нашим «наследником» [23]. Вторая тенденция – захват формы нашего тела и создание трехмерного скана тела каждого человека – изображение 3D-аватара. Реализм ИС придает возможность использования аватаром в виртуальной среде выражения лиц и телодвижений [24]. В этой сфере достигла больших успехов компания High Fidelity, создавшая платформу VR, позволяющую пользователям создавать виртуальные миры [25]. «Очеловечиванием» аватаров занимаются такие компании, как Quantum Capture [26] и Soul Machines [27]. Третья тенденция – сенсорные устройства позволяют фиксировать наши движения (захват движений). Четвертая тенденция – отображение сложных данных, собранных в трех тенденциях, – интеграция данных наших тел. Компания Microsoft получила патент на интегрирование системы датчиков биометрических данных в AR-дисплее HoloLens для мониторинга и реагирования на уровень стресса человека на основе определения сердечного ритма, потоотделения, активности мозга и других сигналов тела [28]. Пятая тенденция – проведение телеконференций.

Аватар. Захват и проецирование образа человеческого тела позволяет человеку быть в двух местах одновременно. Так происходят расщепление и мультипликация индивида, совмещение разных пространств. Возможность войти в виртуальную среду с помощью своего аватара и встретиться с другими людьми может способствовать поддержанию отношений между ними. Но это уже интеракции в других пространствах. Благодаря AR-технологиям аватары становятся интеллектуальными агентами человека, приобретая черты машин особого вида – техносубъектов. В качестве примера успешной разработки платформы для аватаров можно привести стартап MIT – Eterni.me [29]. Его цель – сделать че-

ловека бессмертным с помощью аватара, создать его виртуальный образец путем собирания всей информации, создаваемой в течение жизни. Но такого сбора недостаточно, человеку нужно постоянно взаимодействовать со своим аватаром, тренировать его, проводить его «социализацию». Аватар в определенном смысле становится персональным биографом (как в фантастическом фильме «Она» Саманта – это операционная система). Аватары смогут действовать от нашего имени, будут досконально знать личность, помогут нам повысить нашу продуктивность. Аватар подобен искусственной личности, особому виду техносубъекта. Он не машина с ИИ и не человек, дополненный и усиленный ИИ, а вообще другой субъект и актор системы социального взаимодействия. Возникает еще одна структурная единица, формирующая гибридный социум.

Доверительные отношения с технологией. Человек постепенно выходит за рамки взаимодействия с технологиями, чтобы войти с ними в отношения доверия. Устройства уже начинают по-другому воспринимать человека, интуитивно его понимая. В компании Gartner это называют эпохой сознательных вычислений и выделяют в этом процессе четыре этапа: 1) синхронизируй меня; 2) увидь меня; 3) узнай меня; 4) будь мною. Первое и второе уже существуют, третье и четвертое впереди. «Узнай меня» понимает потребности и желания и предоставляет варианты. «Будь мною» – последняя ступень развития, на которой интеллектуальное устройство действует от имени человека на основе обучения. Это ступень, на которой интеллектуальный агент может трансформироваться в наш вечный аватар или «идеальное селфи» после смерти [30].

Наполнение интеллектом пространства и объектов. Преобразования повседневных объектов в коммуникационные устройства. Концепция получила название «Активация компьютеров» и была представлена в 2011 г. исследователями Токийского университета. Активируемая компьютерная технология (АКТ) разработана для системы AR и использует пространственные аудио и видео для таких преобразований. Делая жест, мы активируем обычные объекты в соответствии с нашими потребностями, запуская определенный сценарий устройства. Успех опытного образца был поразительным и неожиданным. Он был создан на примере... банана, который использовался как телефон, и... коробки для пиццы, работающей как переносный компьютер. Достаточно было поднести банан к уху, чтобы превратить его в телефон.

Система распознает жест и объект и с помощью скрытых направленных микрофонов и динамиков делает так, что объект функционирует как настоящий телефон. Более того, система AR распознает жест и дает команду активировать любое устройство. АКТ предоставляет новые возможности – не нужно носить с собой устройства коммуникации. Их функции могут быть перенесены на любой предмет под рукой. Таким образом, новыми функциями наделяются объекты, которые этими свойствами не обладают. Акцент делается на возможностях, а не на физических свойствах самого объекта. Так *физические объекты становятся частью человека*, а не просто его дополнением, продолжением или «протезом».

4D-печать. Технология директора Лаборатории самосборки MIT Скайлера Тиббитса предусматривает встраивание AR в физические материалы, что позволяет объектам расти и адаптироваться. Это «умные» объекты, которые могут самостоятельно собираться и трансформироваться при изменении условий среды [31]. Новая технология 4D-печати (где 3D-печатные материалы могут изменять свою форму со временем) создает

основу для того, чтобы создавать вещи, которые могут адаптироваться под нужды людей или окружающую среду.

Перепрограммирование физического мира. В. Хеун, исследователь группы жидкостных интерфейсов MIT Media Lab разработал приложение iOS Reality Editor – «редактор реальности» [32]. Этот редактор позволяет подключаться к физическим предметам и манипулировать ими. Приложение работает на открытой платформе OpenHybrid, где можно назначить дополнительные виртуальные функции физическому объекту (аналог QR-кода). Тем самым открывается перспектива менять и свойства социальных объектов, и человека.

Тело как интерфейс. В 1996 г. появился термин «спокойная технология» (СТ) – как невидимая и интуитивно понятная в использовании. Термин ввели исследователи центра Xerox PARC М. Вайзер и Д. С. Браун. Эта технология работает непрерывно и подстраивается под образ жизни. Браун заметил, что сила СТ в том, что она остается скрытой и активизируется только тогда, когда нужно, анализируя при этом окружение человека [33].

Человеческое тело используется как интегрированный компонент пользовательского интерфейса. «Интерфейс на ладони» – Imaginary Phone – разработан Ш. Густафсоном, Б. Рабе и П. Бодишем из Института Хассо Платнера в Германии [34]. В этой технологии используются маленькие камеры, расположенные над пользователем (их можно носить на своем теле) для измерения глубины, позволяющие определять положение пальцев пользователя и то, какой части руки он касается [35].

Технологии, встроенные в тело. Вскоре технология станет частью нашей физиологии, а мы новым видом – человеком дополненным. Людей, которые исследуют возможности сенсорного усовершенствования и дополнения с помощью хирургических имплантатов, называют «гриндеры». Это сообщество биохакеров. Такой «хакинг» становится одним из способов сделать так, чтобы и инвалиды чувствовали себя людьми с неограниченными возможностями [36].

Нейрокомпьютерный интерфейс (НКИ) – аппаратная и программная система, которая позволяет человеку управлять компьютером, используя свой мозг. Это новый способ подключения и взаимодействия с окружающим миром. Для AR и VR создано управляемое мозгом программное обеспечение Neurable [37]. Это совершенно новая сфера взаимодействия человека и компьютера, чтобы компьютеры не только могли понимать, что человек намеревается сделать, но также могли бы реагировать на его выражение лица и эмоциональные переживания [38].

Теоретическая интерпретация и выводы. Какой же материал для понимания феномена AR как особой реальности предоставляют описания технологий AR? Что дают технологии, оперирующие с разнообразными способами презентации реальности для изменения способов ориентации человека в пространстве, и в каком пространстве, поскольку возникает вопрос: а сохраняется ли в неизменном виде знакомое человеку пространство, в котором он прошел социализацию и к которому в течение жизни должен постоянно адаптироваться? Вряд ли можно говорить, что дополненная реальность – это лишь соединение реального «ближнего» мира и неких удаленных реальных и *нереальных* объектов, добавление в обстановку реального мира виртуальных объектов. Восприятие пользователем происходит в объемном трехмерном режиме, в результате чего объекты воспринимаются как часть реальной жизни. Человек теряет грань, где кончается реальное и начинается вир-

туальное. Таким образом, выполняется расширение текущей реальности, в нее внедряется информация виртуального происхождения. В индивидуальной картине мира у индивида стирается различие между реальным и нереальным, между удаленным реальным и виртуальным – все, что есть на этой картине, *представлено* ему одинаково – одинаково *реально*. Точнее, *отсутствует обоснование* реальности или нереальности представленных на этой картине фрагментов, т. е. в восприятии. Это обусловлено тем, что способ существования для индивида этого содержания – принятие его как данного (пред-заданного до восприятия), как *содержание восприятия*. Поэтому аргументация *за* или *против* реальности находится вне пределов восприятия и относится к области рационального – *абстрактных суждений, способ существования которых* находится *вне* зоны восприятия.

Специфика AR в том, что она позволяет воздействовать на объект, находящийся в зоне восприятия изображения на устройстве. Но это лишь форма технологии VR – оперировать не через шлем, а непосредственно воздействуя определенными жестами на экран устройства. Напротив, «дополненность» возникает лишь тогда, когда на экране выведено изображение *на самом деле* существующего объекта в реальном пространстве и времени и находящегося либо непосредственно перед человеком, либо доставляемого электронным устройством с места его удаленного расположения и в то же самое время.

AR – это не только расширение *ощущений* человека. AR становится основой для создания принципиально новых физической и социальной сред, сочетающих в себе и другие новейшие технологии (ПК, датчики, интернет вещей, машинное обучение и ИИ). Представленная индивиду физическая среда структурирована на среду предметного мира и среду психофизиологических феноменов – производимые в его сознании образы. Поэтому среда, формируемая AR, гораздо сложнее, чем представляется в непосредственном ее восприятии. Она включает четыре пространства: 1) предметного мира; 2) психического мира и 3) гибридного мира как симбиоза реального и воображаемого миров или же 4) симбиоза фрагментов реального мира – разорванного в пространстве и времени и совмещенного с помощью технологий в устройствах, дающих возможность индивиду присутствовать при наблюдении их совмещенного существования. Но присутствовать уже не в воображении, а на физически представленном устройстве. Из этой особенности организации пространства с помощью AR вытекает и специфика измененного социального пространства, в котором приходится взаимодействовать индивидам, а также измененные основания социального взаимодействия. Речь необходимо вести *о трансформации самой базовой клетки социума – системы социального взаимодействия*.

Трансформации реальности в восприятии индивида происходят на фоне и неотрывно от его практических действий. Более того, рассмотрены и объяснены они могут быть только в «полном» контексте активности индивида, т. е. в контексте интерпретации его действий как социальных. В обществе с интенсивными информационными потоками, где стремительно происходит перенасыщение социальных действий не просто информацией, а стремительным уподоблением структуры социальных действий формам и алгоритмам электронных устройств, развивается процесс оцифровки социального действия. «Цифровая культура» индивида открывает для него возможность не только стать частью цифровой системы, но и постоянно усиливать собственную автономность, наращивая потенциал индивидуализации, а не только тотального контроля.

Технологии AR предоставляют дополнительные, качественно новые возможности влияния на индивидуальные картины мира, при которых индивид создает по своему замыслу необходимую и желаемую реальность как воплощение принципа постоянного ее дополнения, смешивания и модификации. Следствием этого становится то, что практика актора все более обусловлена не социально, а индивидуально как ориентация на его собственные ресурсы и нормы. При этом ресурс – информация – становится не только социально порождаемым фактором целедостижения и ориентации в социальном пространстве. Возникает информация с новым содержанием, созданным в процессе смешения и искусственного дополнения реальностей: ближней и удаленной, реальной и воображаемой.

Информация, содержащаяся в картинах AR, представляет собой наиболее сложную разновидность виртуальной реальности. Если взаимодействие индивида с объектами виртуальной реальности – это активность в пространстве его индивидуального сознания и есть мыследеятельность в чистом виде, то его взаимодействие с объектами AR представляет собой усложненный вариант практической деятельности. В этом случае активность актора направлена на сами реально здесь и сейчас существующие объекты, подвергаемые не рассмотрению и анализу, а воздействию и изменению. Более того, информационные ресурсы, необходимые для успешного целедостижения индивидов в условиях производства «смешанной информации», продолжают сохранять в качестве базового источника сферу практик в пространстве социальной действительности. Поэтому пространство социальной жизни индивида удваивается – оно становится и практическим, и виртуальным. Это его жизнь в мире практик и в мире иллюзий. В этом выражается противоположность и противоречивость измененной системы социального взаимодействия.

AR усложняет виртуальную реальность, внося в ее содержание помимо вымышленных характеристик особые обстоятельства ситуации практических действий. Поскольку действия в пространстве AR – это действия не в воображении, а в действительности, постольку они актуальны, а не виртуальны. AR, используя ресурс виртуальной реальности, переходит в действительность как основа практики. И присутствует не как образы вымышленного мира, а как практики смешанной реальности. Виртуальное и действительное взаимообусловлены и взаимно проникают друг в друга. Также проникают друг в друга виртуальная реальность и AR. AR не только «постигает» мир, но находится с ним в непосредственном практическом контакте, становясь тем самым особой стороной социальной действительности.

Предлагаемое мною различение наблюдаемого и скрытого через введение понятий *социальной реальности* и *социальной действительности* дает возможность обнаружить более сложную структуру социального, его многослойность, дополняя его онтологию представлениями о таких слоях, как актуальное, потенциальное, виртуальное и действительное. Весь социальный мир дан индивиду не актуально, а потенциально, как виртуальный мир, т. е. он тоже присутствует в его сознании, но не будучи включенным в конкретные действия. Поскольку воображаемые действия и события потенциальны, возможны, но не актуализируются, постольку они являются особыми действиями, формами психической активности. Виртуальное – это такие образцы действий и взаимодействий, которые отдельными индивидами либо свободно извлекаются из арсенала «неактуальных» (недействующих) образцов, либо вначале конструируются на уровне воображения, а не интерак-

ций, но затем вводятся ими и по их воле в интеракции. Это образцы взаимодействий, в которых один субъект реален, а другой воображаем.

Таким образом, с точки зрения общей социальной теории, *актуальное социальное взаимодействие* – это взаимодействие с участием действительных (*actual*), а не воображаемых (*imaginary*) акторов. *Виртуальное же социальное взаимодействие* происходит тогда, когда одна из сторон – это действительно существующий субъект, а другая – образ «Другого». Формируется *специфическая система социального действия* – «виртуальное социальное действие». В итоге виртуализация как социальный феномен приводит к *трансформации и самой базовой «клетки», исходной элементарной системы социума – социального взаимодействия*. Это означает, что социальное действие существует и как актуальное, и как виртуальное.

Закключение. На этом трансформация системы социального действия не заканчивается. В ее структуру вторгается новая практика с технологией AR. Можно предположить, что базовая «клетка» еще более усложняется. *Сама социальная действительность в системе действия под влиянием цифровых технологий приобретает характер ранее неизвестной гибридной – цифровой – реальности. Ее суть: социальная действительность как мир человеческих интеракций уступает место миру цифровых машин с искусственным интеллектом, и человеку приходится во все возрастающем масштабе совмещать в социальных взаимодействиях социальные человеческие и машинные качества. AR меняет не только информацию (ее цели и содержание), но и саму практическую деятельность.*

И самое важное: технология AR транслирует инварианты не человеческого и социального бытия, а машинного, цифрового. Это инварианты алгоритмов, точнее, инварианты алгоритмичности – чистой рациональности организации объектов. Дополнение как смешение есть акт даже не симбиоза, а синтеза разнокачественных по организации объектов, объектов разной природы. Этот синтез порождает объект с новой субстанцией – цифровой, поскольку в основу воспроизводства и взаимодействия с другими объектами эта субстанция использует *Computo* (лат. «вычисляю») в чистом виде – бессодержательные и лишенные качественной специфики исчисления с помощью абстрактных символов – цифр. «Цифр» в их исходной семантической ипостаси: «зефирум» (арабск. «пустой»), «зеро» (фр. «нуль»), «cipher» (англ. «нуль»). «Оцифрованность» социальной реальности, лишенной возможности образования смыслов, с помощью технологий AR превращает эту реальность в гибридную. Ее основой становится *Cipher* ['saifə] – *нуль и пустота. Человеческая природа в ней обнуляется, а социальное получает основание в своем новом цифровом происхождении и становится пустотой...*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Azuma R. T. A Survey of Augmented Reality. 1997. URL: <http://www.cs.unc.edu/~azuma/ARpresence.pdf> (дата обращения: 09.12.2019).
2. Папагианнис Х. Дополненная реальность. Все, что вы хотели узнать о технологии будущего / пер. с исп. В. Г. Михайлова. М.: Эксмо, 2019.
3. Milgram P., Kishino F. A Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays // IEICE Transactions on Information and Systems. 1994. Vol. E77-D, № 12. P. 1321–1329.
4. Глазкова С. А. «Дополненная реальность» в мобильном коммуникативном пространстве // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. 2012. Т. 9. СПб.: Скифия-Принт, 2012. С. 113–122.

5. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова, А. Врублевский, В. Карпюк и др. М.: Эксмо, 2018.

6. Кислова О. Н., Николаевская А. М. Концепция дополненной реальности: от технологии к социологии // Вестн. Харьковского национ. ун-та им. В. Н. Каразина. Сер. «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы». 2016. Вып. 37. С. 49–54.

7. Дойч Д. Структура реальности. Наука параллельных вселенных / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

8. Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Издание Международного Ун-та Бизнеса и Управления, 1996. С. 526–541.

9. Schutz A. The problem of social reality. Collected Papers I. Hague: Martinus Nijhoff, 1962.

10. Гильдебранд фон Д. Метафизика коммуникации / пер. с нем. А. И. Смирнова. СПб.: Алетейя, 2000.

11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: МЕДИУМ, 1995.

12. Share Touch, smell and taste via the internet. 2015. URL: <https://www.euronews.com/2015/02/02/share-touch-smell-and-taste-via-the-internet> (дата обращения: 11.12.2019).

13. The artvertiser: improved reality. 2010. URL: <http://theartvertiser.com> (дата обращения: 11.12.2019).

14. Someone Built AdBlock For the Real World. 2015. URL: <http://bit.ly/2woxBIC> (дата обращения: 11.12.2019).

15. New Technology: Haptic Feedback for Touchscreens. 2012. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FiCqIYKRIAA> (дата обращения: 12.12.2019).

16. Digital worlds that feel human. URL: <http://www.ultrahaptics.com> (дата обращения: 12.12.2019).

17. Metz R. First Groupon Founder, New Tour Guide // MIT Technology Review. 2015. URL: <http://bit.ly/2u3UHDv> (дата обращения: 13.12.2019).

18. Introducing Google Nose. 2013. URL: <https://youtu.be/9-P6jEMtixY> (дата обращения: 14.12.2019).

19. oNotes. URL: <http://www.onotes.com> (дата обращения: 14.12.2019).

20. Scentee Machina. URL: <http://scentee.com> (дата обращения: 14.12.2019).

21. Lombard M., Ditton T. At the Heart of It All: The Concept of Presence // J. of Computer Mediated Communication. 1997. Vol. 3, iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1997.tb00072.x>.

22. MacIntyre B., Bolter J. D., Gandy M. Presence and the Aura of Meaningful Places. 2004. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.504.2258&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 16.12.2019).

23. Morie J. The «Ultimate Selfie»: Musings on the Future of our Human Identity. URL: https://www.academia.edu/8057545/The_Ultimate_Selfie_Musings_on_the_Future_of_our_Human_Identity (дата обращения: 16.12.2019).

24. Wolf G. The_quantified_self. 2010. URL: <http://bit.ly/2w9X7Sx> (дата обращения: 17.12.2019).

25. High Fidelity. URL: <http://highfidelity.io> (дата обращения: 17.12.2019).

26. Quantum Capture. URL: <http://www.quantumcapture.com> (дата обращения: 17.12.2019).

27. Soul Machines. URL: <http://soulmachines.com> (дата обращения: 17.12.2019).

28. Pat. № 9303095. Augmented reality help / D. McCulloch, K. Tsunoda, A. L. Lee, R. Hastings, J. Scott. Microsoft Technology Licensing, LLC (2015). USA. URL: <http://bit.ly/2u1Cp5U> (дата обращения: 17.12.2019).

29. ETERNIME. URL: <http://eterni.me/> (дата обращения: 17.12.2019).

30. Gartner says by 2017 Your Smartphone Will Be Smarter Than You. URL: <http://www.gartner.com/newsroom/id/2621915> (дата обращения: 18.12.2019).

31. "4D printing: buildings that can change over time". URL: <http://www.bbc.com/future/story/20130709-buildings-that-can-make-themselves> (дата обращения: 20.12.2019).
32. A Web-Based Tool For Controlling The Physical World. URL: <http://www.realityeditor.org> (дата обращения: 20.12.2019).
33. Calm Tech, Then and Now. John Seeley Brown interview. 2014. URL: <http://www.johnseelybrown.com/calmtech.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).
34. Imaginary Phone. 2011. URL: <http://hpi.de/audisch/projects/imaginary-phone.html> (дата обращения: 20.12.2019).
35. Imaginary interface lets you interact with invisible phone. 2011. URL: <http://youtu.be/xtbRen9RYx4> (дата обращения: 20.12.2019).
36. Rosenblatt S. Hacking humans: Does Google Glass Mark the End of True Humanity? 2012. URL: <http://cnet.co/2unEU1Q> (дата обращения: 22.12.2019).
37. The Everyday BCI. URL: <http://www.neurable.com> (дата обращения: 22.12.2019).
38. Tan Le. A headset that reads your brainwaves. 2010. URL: <http://bit.ly/2unwYxF> (дата обращения: 22.12.2019).

Информация об авторе.

Игнатъев Владимир Игоревич – доктор философских наук (1998), профессор (2000), профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, пр. К. Маркса, д. 20, Новосибирск, 630073, Россия. Академик Российской академии социальных наук, член-корреспондент Международной академии наук Высшей школы. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия и социология информатизации, социальные и антропологические аспекты изучения технологий искусственного интеллекта, проблема техносубъекта и гибридного социума, теория исторического развития, системные и резонансные процессы в обществе. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3243-4404>. E-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

REFERENCES

1. Azuma, R. T. (1997), *A Survey of Augmented Reality*, available at: <http://www.cs.unc.edu/~azuma/ARpresence.pdf> (accessed 09.12.2019).
2. Papagiannis, H. (2019), *Augmented human. How Technology Is Shaping the New Reality*, Trans. by. Mikhailov, V. G., Eksmo, Moscow, RUS.
3. Milgram, P. and Kishino, A. F. (1994), "A Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays", *IEICE Transactions on Information and Systems*, vol. E77-D, no. 12, pp. 1321-1329.
4. Glazkova, S. A. (2012), "Augmented Reality" in the mobile communicative space", *Problemy teoreticheskoi sotsiologii* [Problems of theoretical sociology], in Boronoev, A. O. (ed.), vol. 9, Scythia-Print, SPb, pp. 113-122.
5. Schwab, K. and Davis, N. (2018), *Shaping the Fourth Industrial Revolution*, Transl. by Akhmetov, K., Vrublevskii, A. and Karpyuk, V. and and etc., Exmo, Moscow, RUS.
6. Kyslova, O. and Nikolaevska, A. (2016), "The Concept of Augmented Reality: from Technology to Sociology", *Visnyk of V. N. Karazin Kharkiv National University*, Series "Sociological studies of contemporary society: methodology, theory, methods", vol. 37, pp. 49-54.
7. Deutsch, D. (2015), *The Fabric of Reality. The Science of Parallel Universes and Its Implications*, Transl. from English, Alpina non-fiction, Moscow, RUS.
8. Schutz, A. (1996), "Concept and Theory Formation in the Social Sciences", *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty* [American sociological thought: texts], in Dobren'kov, V. I. (ed.), Izдание Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i Upravleniya, Moscow, RUS, pp. 526-541.
9. Schutz, A. (1962), *The problem of social reality*, Collected Papers I. Martinus Nijhoff, Hague, NLD.

10. Hildebrand von D. (2000), *The Metaphysics of Community*, Transl. by Smirnov, A. I., Aleteia, SPb., RUS.
11. Berger, P. L. and Luckmann T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E. MEDIUM, Moscow, RUS.
12. *Share Touch, smell and taste via the internet* (2015), available at: <https://www.euronews.com/2015/02/02/share-touch-smell-and-taste-via-the-internet> (accessed 11.12.2019).
13. *The artvertiser: improved reality* (2010), available at: <http://theartvertiser.com> (accessed 11.12.2019).
14. *Someone Built AdBlock For the Real World* (2015), available at: <http://bit.ly/2woxBIC> (accessed 11.12.2019).
15. *New Technology: Haptic Feedback for Touchscreens* (2012), <https://www.youtube.com/watch?v=FiCqIYKRIAA> (accessed 12.12.2019).
16. *Digital worlds that feel human*, available at: <http://www.ultrahaptics.com> (accessed 12.12.2019).
17. Metz, R. (2015), "First Groupon Founder, New Tour Guide", *MIT Technology Review*, available at: <http://bit.ly/2u3UHDv> (accessed 13.12.2019).
18. *Introducing Google Nose* (2013), available at: <https://youtu.be/9-P6jEMtixY> (accessed 14.12.2019).
19. *oNotes*, available at: <http://www.onotes.com> (accessed 14.12.2019).
20. *Scentee Machina*, available at: <http://scentee.com> (accessed 14.12.2019).
21. Lombard, M. and Ditton, T. (1997), "At the Heart of It All: The Concept of Presence", *Journal of Computer Mediated Communication*, vol. 3, iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1997.tb00072.x>.
22. MacIntyre, B., Bolter, J. D. and Gandy, M. *Presence and the Aura of Meaningful Places*, available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.504.2258&rep=rep1&type=pdf> (accessed 16.12.2019).
23. Morie, J. The "Ultimate Selfie": Musings on the Future of our Human Identity, available at: https://www.academia.edu/8057545/The_Ultimate_Selfie_Musings_on_the_Future_of_our_Human_Identity (accessed 16.12.2019).
24. Wolf, G. (2010), *The quantified self*, available at: <http://bit.ly/2w9X7Sx> (accessed 17.12.2019).
25. *High Fidelity*, available at: <http://highfidelity.io> (accessed 17.12.2019).
26. *Quantum Capture*, available at: <http://www.quantumcapture.com> (accessed 17.12.2019).
27. *Soul Machines*, available at: <http://soulmachines.com> (accessed 17.12.2019).
28. McCulloch, D., Tsunoda, K., Lee, A. L., Hastings, R. and Scott, J., Microsoft Technology Licensing, LLC (2015), *Augmented reality help*, USA, Pat. № 9303095, available at: <http://bit.ly/2u1Cp5U> (accessed 17.12.2019).
29. *ETERNIME*, available at: <http://eterni.me/> (accessed 18.12.2019).
30. *Gartner says by 2017 Your Smartphone Will Be Smarter Than You*, available at: <http://www.gartner.com/newsroom/id/2621915> (accessed 18.12.2019).
31. *4D printing: buildings that can change over time*, available at: <http://www.bbc.com/future/story/20130709-buildings-that-can-make-themselves> (accessed 20.12.2019).
32. *A Web-Based Tool For Controlling The Physical World*, available at: <http://www.realityeditor.org> (accessed 20.12.2019).
33. *Calm Tech, Then and Now. John Seeley Brown interview* (2014), available at: <http://www.johnseelybrown.com/calmtech.pdf> (accessed 20.12.2019).
34. *Imaginary Phone* (2011), available at: <http://hpi.de/baudisch/projects/imaginary-phone.html> (accessed 20.12.2019).
35. *Imaginary interface lets you interact with invisible phone* (2011), available at: <http://youtu.be/xtbRen9RYx4> (accessed 20.12.2019).

36. Rosenblatt, S. (2012), *Hacking humans: Does Google Glass Mark the End of True Humanity?*, available at: <http://cnet.co/2unEU1Q> (accessed 22.12.2019).

37. *The Everyday BCI*, available at: <http://www.neurable.com> (accessed 22.12.2019).

38. *Tan Le. A headset that reards your brainwaves* (2010), available at: <http://bit.ly/2unwYxF> (accessed 22.12.2019).

Information about the author.

Vladimir I. Ignatyev – Dr. Sci. (Philosophy) (1998), Professor (2000), Professor at the Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University, K. Marx ave., 20, Novosibirsk 630073, Russia. Academician RASC, Corresp. Member of IAS High School. Author of more 150 scientific publications. Area of expertise: philosophy and sociology of informatization, social and anthropological aspects of the study of artificial intelligence technologies, the problem of techno-subject and hybrid society, the theory of historical development, systemic and resonant processes in society. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3243-4404>. E-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

«Революция достоинства» на Украине в контексте цивилизационного выбора

И. В. Игнатушко✉

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия

✉valira1971@yandex.ru

Введение. Актуальность заявленной темы обусловлена поисками выхода из затянувшегося кризиса в украинском социуме и российско-украинских отношениях. Цель статьи – теоретическое осмысление цивилизационного выбора граждан Украины в период «революции достоинства».

Методология и источники. При изучении данной темы автор опирается на признанные в социологии и иных гуманитарных науках цивилизационный и формационный подходы, объясняющие развитие обществ и государств. Кроме этого, события 2014 г. интерпретируются с учетом теории революций. При этом автор обращается как к теориям, разработанным задолго до «революции достоинства» на Украине, так и к работам современных российских и зарубежных авторов, исследующих данную проблему.

Автор акцентирует внимание на результате данного процесса, рассматривает очередную «цветную революцию» на Украине как этап в определении цивилизационного будущего Украины, как «цивилизационную революцию».

Результаты и обсуждение. В научной среде признаки «классической революции» обычно понимаются исследователями довольно однозначно, хотя не без исключений. Автор приводит определения и интерпретации категории «революция», которые широко применяются в настоящее время для объяснения революционных социальных потрясений конца XX – начала XXI вв. Анализируются общее и особенное в приведенных трактовках для объяснения украинских событий 2014 г. Помимо этого, положения цивилизационного подхода теории государств экстраполируются на украинские события 2014 г. с целью определения их социальной значимости и характера.

Заключение. Понятие «цивилизационной революции» в настоящее время довольно размыто и неоднозначно. Предложено трактовать события 2014 г. на Украине как «цивилизационную революцию» в контексте цивилизационного подхода типологии государств. В настоящее время наблюдается наиболее острая стадия, сопровождающаяся потерей территории, вооруженным конфликтом между сторонниками западного вектора развития и российского или славянского вектора.

Ключевые слова: революция, «революция достоинства», «цветные революции», государственный переворот, цивилизационный подход, выбор граждан, цивилизационная революция.

Для цитирования: Игнатушко И. В. «Революция достоинства» на Украине в контексте цивилизационного выбора // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 97–106. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-97-106

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 07.02.2020; принята после рецензирования 06.03.2020; опубликована онлайн 25.04.2020

“The Revolution of Dignity” in Ukraine in the Context of Civilizational Choice

Irina V. Ignatushko✉

University associated with IA EAEC, Saint Petersburg, Russia

✉valira1971@yandex.ru

Introduction. The actuality of the declared topic is due to the search for a way out of the protracted crisis in Ukrainian society and Russian-Ukrainian relations. The purpose of the paper is a theoretical understanding of the civilizational choice of citizens of Ukraine during the “revolution of dignity”.

Methodology and sources. When studying this topic, the author relies on the civilizational and formational approaches recognized in sociology and other humanities that explain the development of societies and states. In addition, the events of 2014 are interpreted taking into account the theory of revolutions. Herewith, the author addresses both theories developed long before the “revolution of dignity” in Ukraine, as well as contemporary Russian and foreign authors who are exploring this problem.

The author focuses on the result of this process, considers the next “colour revolution” in Ukraine as a stage in determining the civilizational future of Ukraine, as a “civilizational revolution”.

Results and discussion. In the scientific community, the signs of the “classical revolution” are usually understood by the authors quite clearly, although not without exception. The author provides definitions and interpretations of the category of “revolution”, which are widely used at present to explain the revolutionary social upheavals of the late XX – early XXI century. The general and special in the above interpretations are analyzed to explain the Ukrainian events of 2014. In addition, the provisions of the civilizational approach of the theory of states are extrapolated to the Ukrainian events of 2014 in order to determine their social significance and character.

Conclusion. The concept of “civilizational revolution” is currently quite vague and ambiguous. It is proposed to interpret the events of 2014 in Ukraine as a “civilizational revolution” in the context of the civilizational approach of the typology of states. Currently, the most acute stage is observed, accompanied by the loss of territory, armed conflict between supporters of the Western development vector and the Russian or Slavic vector.

Key words: revolution, “revolution of dignity”, “color revolutions”, coup d'etat, civilizational approach, choice of citizens, civilizational revolution.

For citation: Ignatushko I. V. “The Revolution of Dignity” in Ukraine in the Context of Civilizational Choice. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 97–106. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-97-106 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 07.02.2020; adopted after review 06.03.2020; published online 25.04.2020

Введение. Актуальность темы определяется не утихающими в обществе, в ученой среде спорами о юридической и политической природе социальных потрясений, которые именуются «цветными революциями», «бархатными революциями» и пр. Украинская же проблематика особо волнует российское общество, которое болезненно реагирует на военный конфликт с участием наших бывших сограждан, с которыми оно связано общей историей, культурой, религией, родственными связями. Ученые, представители элит различных государств артикулируют свое понимание данного конфликта.

Ученые пытаются найти теоретическое объяснение данным событиям, опираясь на классические теории, используя такие понятия, как «революция», «государственный переворот», «революционный государственный переворот». Один из ключевых вопросов, который волнует обществоведов: «настоящие» это революции или нет. Из этого следует, что споры по этому поводу не закончены, и открыто направление дальнейшего дискурса. Неоднозначно оценивают данные события и представители элит разных государств, нередко игнорируя историческую правду и используя при оценке надуманные аргументы.

Задачами данной работы являются рассмотрение и трактовка революционных событий 2014 г. на Украине с учетом ряда имеющихся парадигм и нарративов, интерпретирующих типологию государств и социальные потрясения, именуемые революциями, «цветными революциями», государственными переворотами и пр.

Методология и источники. Подобные ситуации социального потрясения представляют интерес для политологов, юристов, социологов и пр., что открывает широкие возможности для обсуждения и объяснения феномена «цветных революций», «государственных переворотов». В настоящее время учеными написано много трудов, посвященных проблемам народного волеизъявления, революциям, теориям эволюционирования государств, «бархатным революциям», «цветным революциям» в мире и на Украине, в частности.

Термин «цветные революции» появился в начале XXI в. после событий в Грузии. Проблемам «цветных революций» уделяли внимание отечественные и зарубежные авторы: Дж. Шарп, Б. А. Исаев, С. А. Марков, А. Наумова, А. Наумов, В. Авдеев, К. Ф. Загулин, С. Михеев, С. Кара-Мурза, Е. Г. Пономарева, Г. Г. Почепцов, В. М. Якушик и др. Вопросами типологии государств занимались мыслители еще с эпохи античности: Платон, Аристотель, Макиавелли, Гоббс, Спиноза, Кант, Гегель, М. Вебер, Ф. Бродель, К. Доусон, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский, Л. Н. Гумилев, В. С. Нерсисянц и др.

Результаты и обсуждение. Следует отметить, что фундаментальные представления о «классической революции» прочно заняли свое место в историографии и применялись учеными всего мира для объяснения эволюции государств и обществ. Формационный подход, как известно, сводится к объяснению развития государства и определению этапов этого развития с точки зрения смены формаций. При этом государства в основном переходят через революционные потрясения. Разработчиками данного подхода являются К. Маркс, Ф. Энгельс. Ленин применил теоретические разработки на практике, что привело к преобразованию Российской империи в социалистическое государство и, в дальнейшем, к появлению целого ряда государств социалистической формации. В Советском Союзе формационный подход объяснял перспективы развития и направлял общество на построение коммунизма.

СССР был в свое время влиятельнейшим государством в мире. Несмотря на это, ряд авторов называет социалистическую революцию государственным переворотом. Например, В. И. Шумилов считает, что в России в 1917 г. произошел государственный переворот, и Запад помог большевикам перевести войну с Австро-Венгрией и Германией в гражданскую войну. Европейские страны постоянно организуют, провоцируют вооруженные конфликты в других странах. Кроме того, В. И. Шумилов полагает, что и в настоящее время Запад продолжает свои нападки в сторону России, подготовив условия для гражданской войны на Украине [1, с. 101].

И это при том, что достижения Советского Союза в экономической, социальной, духовной, культурной сфере, на внешней арене неоспоримы.

В XX в. понятие «революция» получило новую окраску. Под него подводят новые парадигмы науки, изменения в общественном сознании, изменения в политической системе, достижения в технологиях. Упоминают об информационной революции, революции в моде, в искусстве и пр. [2, с. 45].

По мнению Б. А. Исаева, «революция – это насильственное свержение правящего режима с последующей перестройкой всей политической и правовой системы и глубокими реформами во всех сферах государства и общества. Революция – это не только попытка решения накопившихся проблем, не только коренная перестройка всей социальной структуры общества, резкое усиление социально-политической мобильности и изменение соотношения политических сил, но и изменение правил политической игры, а именно: принятие новых Конституции и законов, создание новых социальных организаций, внедрение новых революционных норм и символов» [2, с. 44–45].

Из числа современных отечественных подходов к определению революции можно привести дефиницию Р. А. Ромашова: «Революция – полномасштабная трансформация системы государства и общества, приводящая к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти, базирующейся на качественно отличных от предшествующих ценностных и политико-правовых институтах. Революции могут сопровождаться государственными переворотами и гражданскими войнами, однако вполне могут обходиться и без них. Основным признаком революционного процесса является глобальное изменение предшествующего общественного порядка. Революция меняет не только форму и содержание отношений между людьми, но и их сознание». Общими для бунта, переворота, революции Р. А. Ромашов считает их коллективный и противозаконный характер политического действия, а также стремление с помощью пропаганды легитимировать либо, напротив, делегитимировать эти события. «Нетрудно догадаться, что легитимация имеет место в случае успешного захвата государственной власти, а делегитимация в случае неудачи» [3, с. 33].

Очень точное замечание. Как говорится, «победителей не судят». В официальных российских СМИ постоянно обсуждается вопрос о «государственном перевороте» на Украине, однако официальные лица Российского государства поддерживают отношения и связи с официальной властью современной Украины, тем самым легитимируя ее.

Обычно в трудах отечественных ученых «цветные революции» исследуются как процесс – его причины и применяемые в ходе этого процесса технологии.

Е. Пономарева считает необходимыми условиями «классических революций» следующие условия: должны быть социально-экономические и политические предпосылки революционной ситуации; финансовое обеспечение и манипуляция информационными потоками, наличие новой идеологии. Следовательно, автор делает вывод об отсутствии данных факторов в революционных потрясениях новейшего времени. Однако при этом присутствует организационная, информационная и финансовая поддержка «революционерам» из-за рубежа. И данные «революции» совершаются только в тех регионах, которые попадают в сферу интересов ведущих игроков мировой системы [4, с. 97].

Кроме того, Е. Пономарева обращает внимание на технологии и безыдейность данного процесса: «Анализируя эволюцию революционных движений начиная с конца XIX и до нача-

ла XXI в., можно утверждать, что ЦР – это высокотехнологичный продукт эпохи глобализации, который стал возможен только по достижении человеческим сообществом определенного уровня развития во всех сферах (науке, экономике, средствах связи и коммуникации и др.)... Сущность революции в ее традиционном понимании содержится в особой идее, новой идеологической доктрине, формирующей высшие ценности и верховный смысл существования человека, в новом историческом проекте, практическая реализация которого и есть революция, революционный процесс. С этой точки зрения “цветные революции” не имеют и даже не предполагают не только никаких великих идей, но и идей просто новых — новых даже для самих стран, в которых эти революции совершаются. Это либо известные уже всем идеи западной либеральной мысли (может быть, в более радикальной форме), либо радикальные проекты, имевшие место в религиозных доктринах, прежде всего в исламе» [4, с. 88].

На технологические факторы «цветных» революций обращает внимание и политолог С. А. Марков, понимая под ними «новый тип политических технологий по смене политической власти» [5].

В политическом дискурсе под «цветными революциями», как правило, понимается «процесс смены правящих режимов под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций» [6, с. 11]. М. П. Остроменский под «цветной» революцией понимает «государственный переворот, осуществленный с преимущественным использованием методов НПБ, силами “цветного” движения. Очень часто “цветная” революция осуществляется в интересах и при непосредственном доминирующем участии в планировании, организации и финансировании со стороны иностранного государства, группы иностранных государств, общественной или коммерческой организаций. Интересы иностранных инвесторов ни в коей мере не нивелируют наличия мощных внутригосударственных факторов и причин революции, без которых она невозможна» [7].

Как видно из приведенного списка, есть особенности толкования даже «классических» революций. Причем влияние иностранных государств и организаций обычно трактуется как признак «цветных» революций, в то же время есть мнение, что в Октябрьской революции 1917 г. немаловажное значение сыграла поддержка Запада. Признаком «классических» революций называют насильственное свержение правящей элиты. При «цветных» революциях в этом плане возможны варианты. Так, при «революции достоинства» насилие со стороны радикально настроенной толпы выливалось в нападение на правоохранительные органы, захват помещений, оружия.

На технологический характер «цветных» революций обращается особое внимание, действительно, применение «методичек» (Дж. Шарп), социальных сетей, пропаганды окрашивает неклассические революции. С другой стороны, каждое поколение использует технологии и методы, которые ему доступны. В один исторический период это листовки, явочные квартиры и пароли, в другой – Интернет и социальные сети.

В обоснование того, что «цветные» революции не являются «классическими» революциями, приводится множество справедливых аргументов. Автор настоящей статьи также указывала в своих публикациях, что с классических позиций «Майданная революция» на Украине является не революцией, а государственным переворотом, так как общественный строй не поменялся. А также указывала на регрессивный характер «революции до-

стоинства» в связи с грубейшими нарушениями законодательства, демократических основ построения государства и нарушением прав граждан [8].

Можно с уверенностью утверждать, что во время Великой Октябрьской социалистической революции исследователи также высказывали различные мнения о ее природе и перспективах. В итоге мы получили смену формаций и длительное время успешно существовавшее социалистическое государство.

Поскольку «классические» революции знаменуют смену формаций, можно выдвинуть тезис о возможности или наличии революций, предопределяющих смену цивилизаций, и посмотреть на «цветные» революции с этой точки зрения. Действительно, в эпоху глобализации в информационном обществе происходит очень тесное взаимодействие индивидов, общностей, государств. Любая новость, событие, произошедшее в одном конце планеты, могут стать известными практически мгновенно во всем мире. Идеологиями общество на текущий момент, можно сказать, насытилось. Идет выбор между уже имеющимися идеологиями, парадигмами общественного развития, цивилизациями. Хотя в России, например, в ходе активного общественного обсуждения национальной идеи, идеологии прозвучало предложение в качестве идеи (что предполагает осмысленную, рациональную коннотацию) обратиться к патриотизму (что предполагает чувство любви к Родине, т. е. иррациональную коннотацию). Таким образом, российскому обществу предлагается вывести «формулу любви».

Цивилизационный подход опирается на тезис о том, что каждое государство имеет свой путь развития. А государства со сходными культурными ориентирами в различных сферах можно отнести к одной цивилизации. Как полагает В. А. Шумилов, в западных обществоведческих, гуманитарных науках чаще других используются две классификации при цивилизационном подходе. В одном случае выделяют цивилизации (и/или государства, их составляющие) доиндустриальные, индустриальные, постиндустриальные. Во втором случае цивилизации (и государства, входящие в них) подразделяются на западные, восточные, смешанные. Предполагается, что в государствах западного цивилизационного типа преобладает частная собственность на средства производства либо плюрализм форм собственности; экономика развита; имеет место разделение властей; на первое место ставятся права человека и индивидуалистические ценности. В государствах восточного цивилизационного типа чаще преобладают государственная, коллективная или переходные формы собственности; государство активно управляет; преобладают ценности коллективизма и государства. В государствах смешанного цивилизационного типа присутствуют черты и западного и восточного типов [1, с. 94].

Термин «цивилизационная революция» авторы иногда применяют, вкладывая в него различное смысловое наполнение, денотат. Так, события 2003–2004 гг. В. М. Якушик определяет как цивилизационную революцию. Евроатлантический вектор противопоставлялся евразийскому вектору во время «оранжевой революции» и показал определенное преимущество. Но, с другой стороны, в результате этого цивилизационного столкновения обновилось духовное состояние общества. Именно «оранжевая революция» показала гражданам, что украинское общество является дуалистичным, поликультурным, двуязычным. В. М. Якушик, исходя из этого, делает оптимистичные прогнозы. Он считает, что «оранжевая» революция способствовала духовному росту нации, она явилась надежной прививкой от любых попыток дальнейших противозаконных действий как со стороны вла-

стей, так и со стороны отдельных граждан, общностей, направленных на совершение государственных переворотов, бунтов, революций. Следовательно, есть основания надеяться, что Украина не окажется перед опасностью гражданского раскола, развязывания гражданской войны, хотя цивилизационный раскол сохранился, обретя новые формы.

Общество пришло к выводу о необходимости «европейским» путем решать вопросы политического выбора. Более того, украинский пример показал возможность переформатирования всего постсоветского пространства в плане переосмысления направлений развития и выбора цивилизационных ориентиров [9, с. 296].

Как мы видим, автор преимущественно уделяет внимание духовной, культурной составляющим социальных процессов, происходивших на Украине в 2004–2005 гг. К этим процессам В. М. Якушик и применяет понятие «цивилизационная революция». К сожалению, оправдался лишь тезис о цивилизационном расколе, и дуалистическую природу украинского общества современные украинские власти понимают в тренде «майдана» 2014 г., когда одним протестантам можно было всё, а жителям юго-востока Украины – ничего.

Об особенностях цивилизационного раскола на Украине писал еще С. Хантингтон: «Многие бывшие советские республики также разделены линиями разлома между цивилизациями, отчасти оттого, что советское правительство изменяло границы для того, чтобы создать разделенные республики, когда русский Крым отошел к Украине, а армянский Нагорный Карабах – к Азербайджану» [10].

С. Хантингтон указывает на пять существующих цивилизаций: «...китайская, японская, индуистская, исламская и западная. К этим пяти цивилизациям целесообразно добавить православную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации» [10]. Автор подчеркивает, что «различия между Восточной и Западной Украиной проявляются во взглядах их населения. Наиболее очевидно этот раскол Востока и Запада проявился на президентских выборах в июле 1994 г.». Одним из вариантов развития ситуации Хантингтон видит раскол Украины как страны по линии цивилизационного раскола. Если нанести на карту Украины результаты выборов (1994 г. и последующих), то эта линия будет очевидна. И речь даже не об этнической поляризации, а о культурном, цивилизационном выборе.

В более глобальном смысле подходил к характеристике «цивилизационной революции» В. В. Мантатов: «Экзистенциальной потребностью человечества становится цивилизационная революция, важнейшей предпосылкой которой является выбор нового посткапиталистического (социалистического, коммуитаристского) проекта глобализации. Устойчивое развитие как ненасильственная цивилизационная революция и есть адекватный ответ на вызов XXI в. [11].

М. А. Шепелев полагает, что рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. как одну цивилизационную абсолютно логично и естественно, в то время как с позиций классической теории социальных революций объединять их – несуразная идея [12, с. 123]. Этот автор дает следующее определение «цивилизационной революции»: «Цивилизационная революция – насильственный процесс трансформации цивилизационной идентичности, смены образа (уклада) жизни, вызванный непреодолимым внутренним разрывом культурно-исторического организма и связанный с выдвижением и реализацией новой модели развития (цивилизационного проекта). Она может принимать различные исторические формы, часто сопровождаясь сменой письменности и календаря, масштабными

религиозными реформами, разрушением старых символов и мифов и созданием новых, иными проявлениями “перерыва постепенности” в культурной традиции, но главный ее смысл – создание “нового человека” и нового общества» [12, с. 121].

Заключение. В среде ученых-гуманитариев нет единого общепризнанного определения «цивилизационной» революции. В контексте событий на Украине 2014 г. можно сказать, что вопрос о цивилизационной трансформации в украинском обществе открыт. Об этом можно судить по многочисленным социологическим опросам (социологическая группа «Рейтинг», «Центр прикладных исследований» и пр.) [13]. Они подтверждают те же выводы, к которым пришел в свое время С. Хантингтон.

Приближенность к европейской цивилизации, желание вступить в НАТО растут на Украине ближе к западу, и противоположные настроения наблюдаются на юго-востоке. Часть страны уже откололась, целостность остальной территории – под вопросом. Официальная же элита Украины, начиная с «революции достоинства» 2014 г., взяла четкий ориентир на сближение с западной цивилизацией. Произошло это под влиянием пассионарных граждан, которые и в настоящее время представляют серьезную силу в обществе, конкурируют с государством. Начало этому расколу, вернее, его проявлениям положил распад Советского Союза, и в настоящее время мы наблюдаем его наиболее острую фазу, сопровождающуюся вооруженным конфликтом.

Будущее, конечно, покажет, как сложится судьба украинского государства, и прогнозов сделано достаточно. Автор предложила использование цивилизационного подхода типологии государств для трактовки событий 2014 г. на Украине как «цивилизационной революции». Несмотря на болезненность этой темы для россиян и неосознанное желание думать, что украинцы заблуждаются и Украина рано или поздно «очнется», объективно наблюдается раскол украинцев по их политическому «габитусу» (Бурдьё), ценностям, историко-культурной самоидентификации. События на Украине актуализируют и рефлексию в российском обществе относительно своей историко-культурной, цивилизационной идентичности.

Представляется, что для сохранения целостности Украины и достойного, цивилизованного выхода из затянувшегося кризиса необходимо обратиться к принципам и ценностям, предложенным той же западной цивилизацией (к которой стремится Украина): защита прав человека, толерантность, равенство граждан. Невозможно построение нового стабильного государства при игнорировании ценностных ориентаций и историко-культурной самоидентификации жителей юго-востока Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумилов В. М. Россия и Запад в контексте международного права и цивилизационного подхода // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 10. С. 93–110.
2. Исаев Б. А. Принцип домино и цепи революций: где, почему и как случаются «цветные революции» // Конфликтология. 2014. № 2. С. 44–45.
3. Ромашов Р. А. Бунты, перевороты, революции как движущие силы политико-правовой истории российского государства // Юридический вестн. Кубан. гос. ун-та. 2017. № 3 (32). С. 32–35.
4. Пономарева Е. Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 1-2 (1631). С. 87–98.
5. Марков С. А. Цветная революция – это новый тип политических технологий по смене политической власти. URL: <https://www.km.ru/glavnoe/2005/11/15/arkhiv/smarkov-tsvetnaya-revolutsiya-eto-novyi-tip-politicheskikh-tekhnologii-po> (дата обращения: 20.01.2020).

6. Почепцов Г. Революция.com: Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005.
7. Остроменский М. П. Основы противодействия гражданского общества «цветным» революциям. URL: <https://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/62983/> (дата обращения: 20.01.2020).
8. Игнатушко И. В. «Регрессивная революция» на Украине как репрезентация электорально-правовой культуры // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2019. № 4(19). С. 56–59.
9. Якушик В. М. Политические и цивилизационные аспекты украинской революции 2004–2005 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2, № 2. С. 289–298.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2014/01/Hantington_S_Stolknoenie_Civilizaciyi.a6.pdf (дата обращения: 20.01.2020).
11. Мантатов В. В. Устойчивое развитие мира: от концептуальной революции к цивилизационной // Вестн. ВСГУТУ. 2013. № 4 (43). С. 132–136.
12. Шепелев М. А. Великая русская цивилизационная революция как первый глобальный индигенизационный проект // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 120–133.
13. Мальцев В. Плоды евроинтеграции. Большая часть граждан Украины голосует за НАТО. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20191224/1026145107.html> (дата обращения: 20.01.2020).

Информация об авторе.

Игнатушко Ирина Викторовна – кандидат социологических наук (2018), доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, 194044, Санкт-Петербург, ул. Смольякова, д. 14, к. 1, литер «Б». Автор 29 научных публикаций. Сфера научных интересов: электорально-правовая культура, правовая культура. E-mail: valira1971@yandex.ru

REFERENCES

1. Shumilov, V. M. (2014), "Russia and West in the context of international law and civilization approach", *Russian Foreign Economic Journal*, no. 10, pp. 93–110.
2. Isaev, B. A. (2014), "Principle of Dominoes and Chain of Revolutions: Where, How and Why Are Accomplished "Colored Revolution", *Konfliktologiya*, no. 2, pp. 44–45.
3. Romashov, R. A. (2017), "Riots, coups, and revolutions as driving forces in the political and legal history of the Russian state", *Law Gazette of the Kuban State University*, no. 3 (32), pp. 32–35.
4. Ponomareva, E. (2012), "Secrets of "color revolutions", *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], no. 1–2 (1631), pp. 87–98.
5. Markov, S. A. (2005), *Tsvetnaya revolyutsiya – eto novyi tip politicheskikh tekhnologii po smene politicheskoi vlasti* [Color revolution is a new type of political technology for changing political power], available at: <https://www.km.ru/glavnoe/2005/11/15/arkhiv/smarkov-tsvetnaya-revolutsiya-eto-novyi-tip-politicheskikh-tekhnologii-po> (accessed 20.01.2020).
6. Pocheptsov, G. (2005), *Revolutsiya.com: Osnovy protestnoi inzhenerii* [Revolution.com: The Basics of Protest Engineering], Evropa, Moscow, RUS.
7. Ostromenskii, M. P. (2011), *Fundamentals of countering civil society "color" revolutions*, available at: <http://rushkolnik.ru/docs/167/index-488003.html> (accessed 20.01.2020).
8. Ignatushko, I. V. (2019), "Regressive revolution" in Ukraine as a representation of the electoral legal culture", *Dukhovnaya situatsiya vremeni. Rossiya XXI vek* [The spiritual situation of time. Russia XXI century], no. 4 (19), pp. 56–59.
9. Yakushik, V. M. (2006), "Political and Civilizational Aspects of the 2004–2005 Ukrainian Revolution", *Political expertise: POLITEX*, vol. 2, no. 2, pp. 289–298.
10. Khantington, S. (2014), *The Clash of Civilizations*, available at: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2014/01/Hantington_S_Stolknoenie_Civilizaciyi.a6.pdf (accessed 20.01.2020).
11. Mantatov, V. V. (2013), "Sustainable development of the world: from conceptual revolution to the civilizational on", *ESSUTM Bulletin*, no. 4 (43), pp. 132–136.

12. Shepelev, M. A. (2018), "The great Russian civilizational revolution as the first global indigenization project", *LOCUS: people, society, cultures, meaning*, no. 4, pp. 120–133.

13. Mal'tsev, V. (2019), The fruits of European integration. Most Ukrainian citizens vote for NATO, available at: <https://ukraina.ru/exclusive/20191224/1026145107.html> (accessed 20.01.2020).

Information about the author.

Irina V. Ignatushko – Can. Sci. (Sociology) (2018), Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, University associated with IA EAEC, 14 Smolyachkova str., St. Petersburg 194044, Russia. The author of 29 scientific publications. Area of expertise: electoral law culture, legal culture. E-mail: valira1971@yandex.ru

Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 4. Language

Oleg M. Polyakov✉

Sait-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St Petersburg, Russia

✉road.dust.spb@gmail.com

Introduction. The paper continues a series of publications on linguistics of relations (hereinafter R-linguistics) and is devoted to questions of the formation of a language from a linguistic model of the world. Moreover, the language is considered in its most general form, without taking into account the grammatical component. This allows you to focus on the general problems of language formation. Namely, this allows us to show why language adequately reflects the model of the world and what are the features of the transition from model to language. This new approach to language is relevant in connection with the formation of an understanding of the common core in all natural languages, as well as in connection with the needs for the formation of artificial intelligence subsystems of interaction with humans.

Methodology and sources. Research methods consist in the formulation and proof of theorems about language spaces and their properties. The materials of the paper and the given proofs are based on the previously stated ideas about linguistic spaces and their decompositions into signs.

Results and discussion. The paper shows how, in the most general form, the formation of language structures takes place. Namely, why does language adequately reflect the linguistic model, and what is the difference between linguistic and language spaces? The concepts of an open and closed form of the language are formulated, as well as the law of form. Examples of open and closed forms of the language are shown. It is shown that the formation of the language allows you to compensate for the lack of real signs in the surrounding world while maintaining the prognostic properties of the model.

Conclusion. Any natural language is a reflection of the human world model. Moreover, all natural languages are similar in terms of the principles of forming the core of the language (language space). Language spaces standardize the models of the world by equalizing real and fictional signs of categories. In addition, the transition to language simplifies some of the problems of pattern recognition and opens the way to the logic of natural language.

Key words: R-linguistics, language, open form, closed form, generators.

For citation: Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 4. Language. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 107–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-107-114

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 23.01.2020; adopted after review 27.02.2020; published online 27.04.2020

Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 4. Язык

О. М. Поляков✉

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

✉road.dust.spb@gmail.com

Введение. Статья продолжает серию публикаций по лингвистике отношений (далее R-лингвистика) и посвящена вопросам формирования языка из лингвистической модели мира. При этом язык рассматривается в самом общем виде без учета грамматической составляющей. Это позволяет сосредоточиться на общих проблемах формирования языков. А именно показать, почему язык адекватно отражает модель мира и в чем особенности перехода от модели к языку. Это новый подход является актуальным в связи с формированием понимания общего ядра во всех естественных языках, а также в связи с потребностями формирования для искусственного интеллекта подсистем взаимодействия с человеком.

Методология и источники. Методы исследования заключаются в формулировке и доказательстве теорем о языковых пространствах и их свойствах. Материалы статьи и приведенные доказательства базируются на изложенных ранее представлениях о лингвистических пространствах и их разложениях в признаки.

Результаты и обсуждение. Показано, как в самом общем виде происходит формирование языковых структур. А именно, почему язык адекватно отражает лингвистическую модель, и в чем отличие языковых и лингвистических пространств. Сформулированы понятия открытой и закрытой форм языка (приведены примеры), а также закон формы. Продемонстрировано, что формирование языка позволяет компенсировать недостаток в окружающем мире реальных признаков с сохранением прогностических свойств модели.

Заключение. Любой естественный язык является отражением модели мира человека. При этом все естественные языки схожи в части принципов формирования ядра языка (языкового пространства). Языковые пространства стандартизуют модели мира тем, что уравнивают реальные и вымышленные признаки категорий. Кроме того, переход к языку упрощает некоторые проблемы распознавания образов и открывает дорогу к логике естественного языка.

Ключевые слова: R-лингвистика, язык, открытая форма, закрытая форма, образующие.

Для цитирования: Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 4. Язык // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 107–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-107-114

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной статьей, не сообщалось.

Поступила 23.01.2020; принята после рецензирования 27.02.2020; опубликована онлайн 27.04.2020

Introduction. In terms of programmers, language is a means of exporting / importing data in a linguistic model of the world from one person to another. This involves inventing an entire coding system that allows model data to be packaged so that the other end can unpack the data and restore the corresponding structures or use them. It is clear that the problem of export/import arises only insofar as there are models themselves. The solution of the export/import problem is determined by both the nature of the model and the ingenuity of the team of programmers, its previous practices, as well as good ideas borrowed from neighbors.

So, in the language there is a fixed part associated with the model, as well as a variable part associated with the implementation of specific ideas for solving the problem of export/import by a specific team. The second changing part is usually called grammar. This is a set of solutions that allow you to invest in a sequence of symbols (sounds, gestures, etc.) elements of linguistic models so that on the receiving side of this sequence it can be decompressed and restore the model. From the point of view of R-linguistics, it is a particular problem solved by each group of native speakers in their own way. This does not mean that grammar is an unimportant secondary field. Without knowledge of these rules, it is impossible to translate and solve many other problems. But the study of these sophisticated solutions is not within the scope of R-linguistics: the subject of its interest is part of the problem associated with the linguistic model itself.

As an example, consider the export/import of Excel tables. Spreadsheets define some principle of organization of the computational process, and each table is a specific model of some process. If we want to transfer tables, somehow it is necessary to transfer cell numbers consisting of two variables, data types in cells, functions, references to other cells, etc. Other words, the nature of the transferred structures will certainly determine the data set and their relationships to be transferred. Actually, this is what R-linguistics is interested in. But the task of “pulling” a spreadsheet into a temporal sequence of the communication channel can be solved in thousands of different ways, which actually determine the specific “grammar” of the model export/import. This is a private task solved by each group of native speakers in their own way.

As a research method, the results obtained in the previous articles of the series are used, which are interpreted and analyzed here. On the basis of this, the mathematical foundations of language formation and the difference between language spaces and linguistic ones are formulated.

Results and discussion.

The emergence of language.

Everything that we have considered so far fits into the following scheme. Modeling the observed relationships leads us to the dualism of the subject and addition through verbs. To take advantage of this dualism and turn it into a means of prediction, it is supplemented by the dualism of nouns and adjectives (signs).

But one day one consciousness, based on theorem 5 [1], was looking for a sign that is included in the only irreducible representation of some linguistic space. Whether this consciousness was lazy, or dull, or indeed the world had clearly failed him, this sign could not be found. And then consciousness decided to postpone this search for later, and in the meantime, in order to be able to think and make predictions, replace the result of the analysis of this attribute simply with some symbol, since there is no difference between this value and any other label.

This story is not as fantastic as it might seem at first glance, although it is not a historical plot. The irreducible representation in Theorem 5 consists of the simplest spaces, each of which includes a universe and an $\cap$ -generator. Each element of the decomposable space is then obtained by the intersection of all elements from the spaces included in the decomposition and containing this element. So, we can mark up the linguistic space with the names of nonzero values of the calculated signs. Namely, we associate each $\cap$ -generator with its own symbol (the name of a nonzero value of the corresponding sign). The name of any category of space will consist of a collection of category names containing this category. For example, the universe will receive the name U_0 , the nearest $\cap$ -generator will receive the name U_0U_1 , and so on.

Example 1. Consider the space from Example 11 [1]. In fig. 4c [1], we replace the contents of the categories on the constructed names. The result of such a replacement is shown in fig. Here, for convenience, an empty set does not have a name and a verb, since it can have any names (it is the same in all spaces) and the verbs from it act on all universes. If we now replace the formal symbols I_0 with FISH, I_1 with PREDATORS, I_2 with VICTIMS, I_3 with LARGE, we get the following statements: LARGE FISH PREDATORS eat FISH, FISH PREDATORS eat FISH VICTIMS, etc.

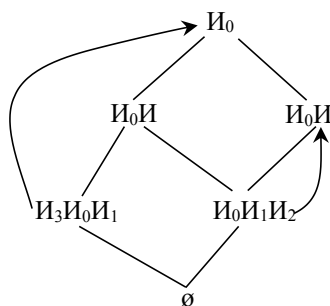

Fig. Language namespace

There's no recognition here yet, so there's no prediction. For example, the name "FISH PREDATORS" cannot yet be calculated from real fish, and it is actually a label. If, as the model develops, a system of real signs and parameters is formed to assess their values, the values of the signs can be taken into account in the names and thus the model will receive a prognostic character. For example, replacing the name PREDATORS with TOOTHY will give the following statement: LARGE TOOTHY FISH EAT FISH. Here already there is forecast, because, having caught walleye, assessing his the size of the and discovering have him her teeth, can be predict his aggression relative to all fish.

Definition 2. The category name structure of a linguistic space is called a language space. Names are treated simply as sets of words.

By construction, it does not matter for the language space what is used as names: some labels or names of values of real signs. Let α be a mapping that maps each category of linguistic space $\mathbb{P}$ to its name.

Theorem 3. Linguistic and language spaces are dually isomorphic.

Proof. By construction, the mapping α is surjective. If for any categories X, Y of $\mathbb{P}$ turns out to be $\alpha(X) = \alpha(Y)$, it will mean that X and Y are in the same $\cap$ -generators, and therefore $X = Y$ and α – bijection. If $X \subseteq Y$, then X belongs to all those $\cap$ -generators to which Y belongs, and therefore $\alpha(Y) \subseteq \alpha(X)$. Conversely, if $\alpha(Y) \subseteq \alpha(X)$, then X belongs to all those $\cap$ -generators as Y , hence $X \subseteq Y$.

We show that $Z = X + Y$ is equivalent to $\alpha(Z) = \alpha(X) \cap \alpha(Y)$. Let $Z = X + Y$. By virtue of the dual isotonicity of the map, we have $\alpha(Z) \subseteq \alpha(X)$, $\alpha(Z) \subseteq \alpha(Y)$, and $\alpha(Z) \subseteq \alpha(X) \cap \alpha(Y)$. Back, $\alpha(X) \cap \alpha(Y)$ includes the names of all $\cap$ -generators containing both X and Y , and therefore $X \cup Y$, and, respectively, Z . Hence $\alpha(X) \cap \alpha(Y) \subseteq \alpha(Z)$ and $\alpha(Z) = \alpha(X) \cap \alpha(Y)$. Let now $\alpha(Z) = \alpha(X) \cap \alpha(Y)$. Hence $X \subseteq Z$, $Y \subseteq Z$, $X \cup Y \subseteq Z$ and, by definition of the addition operation $X + Y \subseteq Z$. Let there be a category T such that $X + Y \subseteq T \subset Z$. Therefore, in the representation T there is an $\cap$ -generator that is not in the representation Z , therefore, this generator is also in the representation $X + Y$, and therefore both in $\alpha(X)$ and $\alpha(Y)$. But this contradicts the assumption $\alpha(Z) = \alpha(X) \cap \alpha(Y)$.

We show now that $Z = X \cap Y$ is equivalent to $\alpha(Z) = \alpha(X) + \alpha(Y)$. Let $Z = X \cap Y$ be true, then Z is the result of the intersection of all $\cap$ -generators for X and Y . In other words, $\alpha(Z) = \alpha(X) \cup \alpha(Y)$. But α is a bijection, and if $\alpha(X) \cup \alpha(Y)$ is not a closed set, then α maps Z to the nearest closed set containing $\alpha(X) \cup \alpha(Y)$, that is, to the set $\alpha(X) + \alpha(Y)$. Conversely, let $\alpha(Z) = \alpha(X) + \alpha(Y)$ be true. By the definition of the addition operation, $\alpha(X) \cup \alpha(Y) \subseteq \alpha(X) + \alpha(Y)$ and therefore $Z \subseteq X \cap Y$. If $Z \subset X \cap Y$, then there is an $\cap$ -generator of T such that T is present in the representation Z , but it does not exist in the representations X and Y . But then $\alpha(X) + \alpha(Y) \subset \alpha(Z)$, which contradicts assumption. Thus, $Z = X \cap Y$.

Remark 4. Theorem 3 states that a language space is actually a co-space on the verb α . There is nothing surprising. The language should preserve all the information about the constructed linguistic model. All this would be just a side view for the co-spaces already considered in the first part, if not for the next.

Theorem 5. In the language space, $\cup$ -generators coincide with $\sum$ -generators.

Proof. According to proposition 21 [2] it is only necessary to prove that there are no categories among $\cup$ -generators that are not included in the set of $\sum$ -generators. So let $\alpha(Z) = \alpha(X_1) + \dots + \alpha(X_n)$ ($\alpha(Z)$ is not part of $\sum$ -generators), where $\alpha(X_1), \dots, \alpha(X_n)$ are $\sum$ -generators of the language space, and let $\alpha(Z)$ be $\cup$ -generators. This means that there is a name I of its own type, which is not included in any set of names $\alpha(X_1), \dots, \alpha(X_n)$. According to theorem 3, $Z = \bigcap_{i=1, \dots, n} X_i$, where $X_1, \dots, X_n$ are $\cap$ -generators. Hence on the rule for constructing names in $\alpha(Z)$ may not be a name not occurring in $\alpha(X_1), \dots, \alpha(X_n)$, and hence $\alpha(Z)$ is $\cup$ -forming.

Theorem 6. Linguistic space is language if and only if each $\cup$ -generator has no more than one ancestor.

Proof. Let the linguistic space is not language space. Therefore, its $\cup$ -generators do not coincide with the $\sum$ -generators. By Proposition 21 [2], there exists a $\cup$ -generator X , which is not a $\sum$ -generator. This means that the $\cup$ -generator of X is the sum of at least some two $\cup$ -generators of Y and Z , so that the $\cup$ -generator of X has at least two ancestors. Conversely, let $\cup$ -generators and $\sum$ -generators coincide in the linguistic space. Therefore, any $\cup$ -generator is simultaneously a $\sum$ -generator and, therefore, it cannot be obtained by adding any other $\cup$ -generators. This means that no $\cup$ -generator is the sum of the other $\cup$ -generators. Therefore, any $\cup$ -generator has at most one ancestor.

The investigation. Having one ancestor for each $\cup$ -generator means that each $\cup$ -generator coinciding with its own type is the root of a tree in the species hierarchy. In other words, we are dealing with a forest (a set of trees by the number of such $\cup$ -generators). Theorem 6 ensures that no two trees in this forest touch each other. This is a very good property when it comes to types recognition [3]. The types recognition system for language spaces can be constructed as follows. First, the recognition of forest root types (minimum types) is built. Let some type be characterized by some values of k parameters. Let's consider some of its daughter type. The preceding type details the daughter type. Therefore, the daughter type is characterized only by some part of the values of k parameters. Thus, we only need to determine for each daughter types what parameters can be discarded when recognizing it.

In addition, this property of language spaces opens the way to logic, because it ensures the implementation of the law of exclusion of the third. I will postpone the discussion of this thesis until the next part, where the logic of natural language will be discussed.

The law of form.

In [3], when discussing the problem of recognition, we have already considered what happens when the calculated signs cannot be found in the world around us. The same problem arises in language, but it is of a different nature.

In order to determine the category in question in the language, it is necessary to specify the signs that characterize it. We literally have to pronounce all the values of signs that could not find a physical analogue. We will call it an open form of language, because it is forced to reflect the structure of the language space through the announcement (written or oral) of the meanings of signs. For example, the sign of the number of protons in the nucleus of an atom is a difficult sign to measure, so the speaker has to add the values of replacement signs: alkaline metals, rare earth metals, etc. Sometimes it is not possible to find only a part of the signs and the values of the signs are made public only from this part. Let's say, in the example with metals, the identification of the category "metal" in the signs is not disclosed.

The described situation characterizes the most important problem of language and thinking in general. This is a closed form of the language, which is understood as the removal from the language of signs characterizing a category and its place in the linguistic space. When we pronounce the word "metal", we don't tell the listener by what signs we define this category, because these signs are enough to identify the metal. We believe that the listener uses exactly the same signs, and there is no need to tell him about it. Yes, indeed, many signs have a socio-historical origin and most likely they are the same in different people. This is also facilitated by dictionaries in which, regardless of the "physical" existence of signs, the definition of categories is given in a literal indication of the signs and their meanings. However, in general, we do not know what signs characterize the category of the interlocutor. If I tell you now that bamboo belongs to the cereal family, many readers will probably be surprised, and only this will allow me to suspect that the "size" sign is on their list of sign for the category of cereal plants.

Of course, this is the reason for all kinds of communicative failures, since the part of the linguistic model transmitted through the language and the part that is formed under the influence of the language on the receiving side can differ significantly. For the same reason, most of the names of categories in the process of communication are in fact just labels, denoting a hidden conjunction from language meanings of signs that a person determines subconsciously and does not pronounce. For example, none of us will say, "I saw a chordal cranial cloven-hoofed mammal milked today". Everyone will say, "I saw a cow milked today". The cow has enough real signs to identify it and we do not transmit this data in the process of communication. In General, this situation can be formulated in the form of the law of form: *the worse the situation is with the parameters for recognizing the values of signs, the more the language tends to open form, and vice versa.*

In other words, the worse the external data is, the more we have to talk. This problem is one of the most important stimulus for the emergence of language, which I jokingly described at the beginning of the article. The more deeply we know the world, the more complex the model of the world becomes, and the more often we are faced with a lack of parameters. We have to invent signs like "strangeness" or "fascination" in quantum physics that we can't at first calculate or even describe. The development of the world model forces the appearance of language primarily in an open form. This is not a communicative reason for the emergence of a language, but cognitive not in the sense of the way of preserving knowledge, but in the sense of the process of

cognition. And this does not mean that we know the world through language. This means that without language we cannot standardize (unify) a sufficiently complex model in our consciousness.

Conclusion. In conclusion, consider an example. From the above it may seem that in its pure form, the open form of the language is some kind of exotic, little suitable for forecasting. This is not true. Consider an example with UDC symbols for identifying books. So there are many people and many books. People read books and thereby form a relation READING. Of course, there is not a single person who knows the whole relation, but there are people, bibliographers who have a good idea of him. The main task of the bibliographer is to create, based on this knowledge, a system of predicting which books to offer to a person when he comes to the library or bookstore, or which books (manuscripts) to purchase at a book exhibition (from the authors) to satisfy readers, etc. It is clear that a person, as a rule, will not read a book already read. Therefore, predictions should relate to reading that has not yet been realized. In the framework of the relational model, this is fundamentally impossible to do.

So, on the basis of the existing READING relation, it is necessary to build space on set readers and co-space on set books. After this, it is necessary to build categories recognition systems for people and for books. The relation READING is variable and does not leave a mark on people of what they read, although perhaps an experienced librarian can form an idea of the client's reading interests by mere appearance, behavior and speech. Here, however, we are lucky. People perfectly identify themselves as a type of reader. For example, I say inside myself: "Today is a good mood. I haven't read anecdotes in a long time. Today I am a humorist reader". Tomorrow this reader may already be a dentist or a topological mathematician. In short, the reader identifies himself and reports the results of this identification to the librarian when he answers a question about what interests him.

Now we need to build a book recognition system. First, the parameters are searched and their values are determined for recognition. This is a system of keywords used in books. You can use a certain technique to find these words and determine which readers will read this particular book. From now on, the linguistic model is ready. Now you can group books on the shelves according to their occurrence in certain categories. This distribution is determined by keywords. Great? Yes, but not really. After all, in accordance with the wishes of the reader, it is necessary to let him into the repository of books to those sections that are formed. Therefore, they act otherwise.

Categories implemented as a sets of books grouped on shelves are replaced by the names of these categories with the special structure described in this article. These names are constructed so that they accurately reflect the linguistic space of books resulting from the READING relationship: a large number of readers have few common books to read, and Vice versa. So it is with names: books of General content that have many readers will get names that consist of a small number of words, and books of special content that have a limited number of readers will get names that consist of a large number of words. You can use regular decimal digits separated by a period as words. This is how the universal decimal classification (or UDC codes) is obtained.

Now you can move away from the real world of books by creating a catalog – a prototype of the language model, but only for books and only for one relation. After that, you can run people there with their self-identification, and let them do their own forecasts.

The result is an open language, but sentences in this language are partially hidden. More precisely, here, due to the specifics, there is always one typical proposal. The subject is the name

of the reader's self-identification. It is in his head and is not pronounced, since he himself is the consumer of this proposal. The same verb "read" always acts as a verb, therefore it is also not pronounced. The UDC code or its verbal decoding acts as an addition. This language demonstrates the amazing resourcefulness of man: language is created for a variable relation; one side of objects is not only not identified by signs, but depending on its state changes its behavior in this relation. The relation itself is known only by parts to various librarians. And all this for the sake of one property – the prediction of the READING relation for the reader, and, as a rule, for those objects (books) with which he had not previously entered into this relation!

REFERENCES

1. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 2. Identification", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 5, pp. 99–113. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113>.
2. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 4, pp. 102–114. DOI: [10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114).
3. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 3. Recognition", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 6, pp. 132–143. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-132-143>.

Information about the author.

Polyakov Oleg Maratovich – Can. Sci. (Engineering) (1982), Associate Professor at the Department of Information Technology of Entrepreneurship, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 lit. A Bol'shaya Morskaya str., St Petersburg 190000, Russia. The author of 33 scientific publications. Areas of expertise: linguistics, artificial intelligence, mathematics, database design theory, philosophy. E-mail: road.dust.spb@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 2. Identification // *DISCOURSE*. 2019. Vol. 5, № 5. P. 99–113. DOI: [10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113).
2. Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization // *DISCOURSE*. 2019. Vol. 5, № 4. P. 102–114. DOI: [10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114).
3. Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 3. Recognition // *DISCOURSE*. 2019. Vol. 5, № 6. P. 132–143. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-132-143>.

Информация об авторе.

Поляков Олег Маратович – кандидат технических наук (1982), доцент кафедры информационных технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор более 33 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, искусственный интеллект, математика, теория проектирования баз данных, философия. E-mail: road.dust.spb@gmail.com

The Problems of Conceptualization and Categorization in English Terminology

Svetlana V. Kiseleva^{1✉}, Marina Yu. Mironova¹, Nella A. Trofimova²

¹*Saint Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russia*

²*Higher School of Economics, St Petersburg, Russia*

✉svkiseljeva@bk.ru

Introduction. The paper focuses on the linguistic concepts of terminology and a term system, provides the views of linguists on the definition and differentiation of these terms, explains the semantics of the word and the term, as well as the role of the cognitive approach in modern terminology. The scientific work defines a concept and a category, and describes the role of the processes of conceptualization and categorization in English terminology. As more than 90 % of new words appearing in modern languages is vocabulary for special purposes, it is increasingly important to study the ways of their formation. The research is relevant since it provides a deeper understanding of the structure and content of concepts that underlie the formation of language categories, the mechanisms of interaction between cognitive and language structures in the process of forming the terminological meaning.

Methodology and sources. In light of the cognitive approach to understanding the semantics of a word the authors emphasize anthropocentrist thinking, language picture of the world and lexical-semantic variants of the word. The cognitive approach allows us to reveal the causes and mechanisms of dynamic processes in the field of professional nomination, taking into account the changing cognitive and communication needs of people. The research is made using corpora data.

Results and discussion. It has been found out, that cognitive categories are linked to conceptually defined prototypes that are crucial for the formation of categories. The necessary to define the central elements of prototypical categories has been proved, as they make the category logical, understandable and convenient, since all members of the category meet a given list of characteristics. As a result of the research it has been proved that in an investment terminological system a prototype turns out to be the best representative of a category.

Conclusion. It has been concluded that the study of conceptualization and categorization processes is extremely important when analyzing terminological systems in general, and investment terminological system of English, in particular, because it allows to identify the basic concepts underlying the formation of terminological systems. The study of the principles and mechanisms of categorization of language units makes it possible to identify and analyze their prototypical semantics in terms of their common properties with the prototype of the category. This possibility is of paramount importance for research in the field of cognitive linguistics, since it is the prototypical semantics of language units that largely determines their use in a sentence to convey a particular meaning.

Key words: terminology, a term system, a concept, a category, conceptualization, categorization, a prototype.

For citation: Kiseleva S. V., Mironova M. Y., Trofimova N. A. The Problems of Conceptualization and Categorization in English Terminology. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 115–124. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-115-124

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.02.2020; adopted after review 11.03.2020; published online 27.04.2020

Проблемы концептуализации и категоризации в терминологии английского языка

С. В. Киселёва^{1✉}, М. Ю. Миронова¹, Н. А. Трофимова²

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

²Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

✉svkiseljeva@bk.ru

Введение. Статья посвящена лингвистическим понятиям терминологии и терминосистемы и рассматривает взгляды лингвистов на их определение и дифференциацию, объясняет семантику слова и термина, а также роль когнитивного подхода в современной терминологии. Дается определение понятия и категории, описывается роль процессов концептуализации и категоризации в английской терминологии. Исследование актуально, поскольку обеспечивает более глубокое понимание структуры и содержания понятий, лежащих в основе формирования языковых категорий, механизмов взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессе формирования терминологического значения.

Методология и источники. В свете когнитивного подхода к пониманию семантики слова авторами сделан акцент на антропоцентрическом мышлении, языковой картине мира и лексико-семантических вариантах слова. Когнитивный подход позволяет выявить причины и механизмы динамических процессов в сфере профессиональной номинации с учетом меняющихся познавательных и коммуникативных потребностей людей. Исследование проводится на материале корпуса текстов Corpus of Contemporary American English.

Результаты и обсуждение. Установлено, что когнитивные категории связаны с прототипами, которые имеют решающее значение для формирования категорий. Доказана необходимость выявления центральных элементов прототипических категорий, поскольку они делают категорию логичной, понятной и удобной, так как все члены категории отвечают заданному перечню характеристик. В результате исследования было доказано, что в инвестиционной терминологической системе прототип выступает наилучшим представителем категории.

Заключение. В результате исследования сделан вывод о том, что анализ процессов концептуализации и категоризации является чрезвычайно важным при изучении терминосистем языка в целом и инвестиционной терминосистемы английского языка в частности, поскольку позволяет выявлять базовые концепты, лежащие в основе формирования терминологических систем. Изучение принципов и механизмов системной и функциональной категоризации языковых единиц дает возможность выявить и проанализировать их прототипическую семантику с точки зрения их общих свойств с прототипом той категории, членами которой они являются. Эта возможность имеет первостепенное значение для исследований в области когнитивной лингвистики, поскольку именно прототипическая семантика языковых единиц во многом определяет их использование в предложении для передачи того или иного смысла.

Ключевые слова: терминология, терминосистема, понятие, категория, концептуализация, категоризация, прототип.

Для цитирования: Киселёва С. В., Миронова М. Ю., Трофимова Н. А. Проблемы концептуализации и категоризации в терминологии английского языка // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 115–124. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-115-124

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 18.02.2019; принята после рецензирования 11.03.2020; опубликована онлайн 27.04.2020

Introduction. The rapid growth of scientific and technical knowledge, constant changes in the social and economic fields, as well as the information revolution have led to the fact that today professional communication is becoming an object of active study of domestic and foreign scientists. New discoveries and achievements, exchange of experience and knowledge contribute to the intensive replenishment of the vocabulary of national languages due to the formation of new terms. More than 90 % of new words appearing in modern languages is special vocabulary. The growth in the number of terms in various sciences is outpacing the growth in the number of commonly used words. Moreover, terms are beginning to actively penetrate the common vocabulary, and terminological problems have an impact on the entire language. That is why the most important thing for language development is to study the situation in the field of special vocabulary, and further development of communication requires unification and systematization of the terms used.

The second half of the 20th century is characterized by a strong development of terminological research, which led to the formation of a new science – terminology. Over time, terminology has grown into an independent discipline that combines such sciences as lexicology, philosophy, translation theory, linguistics and semiotics. Today, terminology is becoming increasingly attractive to researchers, and it is assigned one of the main places among modern scientific disciplines.

Terminology is a branch of science that explores the semantic nature, grammatical organization and laws of functioning of terminologies in various areas of human professional activity [1]. Terminology studies the patterns of development and use of special vocabulary, develops recommendations to address the shortcomings of creating, ordering, and using terms and terminologies [2].

Here it is necessary to distinguish the concepts of terminology and a term system. Terminology is the science that studies terms. The main object of terminology is a set of terms in a certain area of knowledge. Terminology is subject to systematization and analysis, which reveals its shortcomings and methods of their elimination. The results of this work are presented in the form of a term system.

A term system is a complex hierarchical structure consisting of words and phrases that perform the functions of terms – elements of the term system. At the same time, the integration of these lexical units into rows of the same level and into multi-level paradigms is carried out artificially, using logical methods of analysis and synthesis. Thus, we can say that the term system is a natural-artificial formation, where the material is natural, and the ways of its organization are artificial [2]. The term system is an ordered set of terms with fixed relations between them, reflecting the links between the concepts named by these terms. The term system

is characterized by a linguistic and logical system, which allows us to speak of the term system as a language model of a particular area of study.

Methodology and sources. The works on streamlining and standardizing terminology began in the early 30s. More than 20 standards for terminology in various scientific and technical fields have been developed and approved. To ensure a unified methodological approach to standardization of terminology, a set of methodological materials has been created that regulate the procedure for developing and writing standards, compiling and maintaining terminological reference books. The methods formulate the following requirements for standardized terms: the term must be unambiguous, concise, systematic, correct from the point of view of linguistics, and derivative. However, state standards are not always used in the real language practice of specialists. This is largely due to the unexplored theoretical problems of terminology, namely, the difficulty of drawing the boundary between a term and a non-term, so the process of studying the relationship between a word and a term occupies one of the important places in terminology.

Justifying the opposition of a term and a common word, it is necessary to define the word as a unit of language. A word is the smallest semantic unit of a language that is freely reproduced in speech and used to construct statements [1]. The semantic structure of a word is described by a well-known semantic triangle in linguistics, where an object and a concept are distinguished: the word denotes the object and expresses the concept. However, nominativity cannot be recognized as a feature that separates a term from a word, since nominativity is a property of any language sign. Nominativity means the ability of a language unit to independently express the meaning associated with it regardless of combinations with other units, in distraction from its functional-syntactic specialization.

In most modern definitions of the term, the function of expressing a special professional concept acts as its main differential feature. A concept is an element of thought that reflects the features, properties, and relationships of displayed objects and phenomena of reality, and identifies the objects and the phenomena of the reality as independent objects [1]. Common words express general ideas or everyday concepts, whereas terms express professional, scientific or technical concepts. Concepts are the result of generalizing items of a certain class by specific characteristics. The following examples illustrate the meaning and the translation of lexical units as common words and as banking terms: 1) accommodation – размещение/housing (a common word), кредит/a credit (a banking term); 2) quotation – цитата/citation (a common word), курс, котировка/a price (a banking term); 3) ladder – лестница/stairs (a common word) – многозвеневая структура/a structure with many units (a banking term); 4) maturity – зрелость/adulthood (a common word), срок действия кредита/a loan life (a banking term); 5) parking – парковка/a parking lot (a common word) – временные инвестиции/temporary investments (a banking term).

According to B. N. Golovin, information about logical generalizations of features peculiar to groups of objects with homogeneous features comes to the fore in terms. The emotional sphere of consciousness is not involved in this case. A term is defined as a verbalized result of cognition of a particular special field of knowledge or activity, it represents the structures of special knowledge that determine the cognitive essence of the term [1].

In connection with the deepening of the cognitive orientation of language learning, the task of identifying the types of language signs, the rules of interpretation and conditions for the

emergence and development of these signs, as well as the principles governing their functioning has arisen. Different types of signs reflect certain aspects of the conceptual picture of the world and, accordingly, different knowledge about the world. It is important to find out what determines the originality of the term from these positions, and what features, properties, and functions distinguish it from other language units.

The most important point in the cognitive study of terms and term systems is defining the central role of a person in the processes of cognition and formation of speech. In light of the cognitive approach to understanding the semantics of words an emphasis should be based on anthropocentrist thinking, language picture of the world language and lexical-semantic variants of the word. It is an indisputable fact that any meaning of the word does not come into the reality in the material form of ready-made knowledge. The meaning is formed only in the mind of the speaker and then the listener [3]. It is a person who acts as an observer and a carrier of certain knowledge and experience, selects language tools for interpreting objects and phenomena of reality, and forms the values of special units [4].

Today, the methods of structural description of terms and term systems have been replaced by methods of cognitive modeling of terminology in order to differentiate the types of knowledge. Thus, under the influence of cognitive linguistics, term studies are aimed at researching the internal, that is, the semiotic nature of the term.

The cognitive approach allows us to reveal the causes and mechanisms of dynamic processes in the field of professional nomination, taking into account the changing cognitive and communication needs of people. In addition, this approach helps to form a more complete and comprehensive view of the term, since it takes into account the prototypical categorization and updating of the term in the field of special communication.

In cognitive terminology, a term is defined as a verbalized result of professional thinking, a means of orientation in the professional sphere, and an important element of professional communication. The term implements the result of cognition of a special area of knowledge that defines the cognitive essence of the term. Moreover, terms perform a communicative function, since they are means of transmitting cognitive knowledge. From a communicative point of view, the term should be compact and convenient for use in professional speech. Due to its concise form, the term is able to convey a fairly large amount of knowledge [5]. For example, the lender's right to enter the premises and to control or remove the tenant's personal property used as collateral for a loan is translated into English by means of a concise phrase "landlor's waiver", or an offer made by the corporation or its agent to purchase shares from odd-lot shareholders and immediately resell them in the market, usually in round-lots to institutions, thus saving the corporation the expense of merely buying shares back is named "odd-lot resale" [6].

The cognitive approach allowed us to talk about the term system not only as a set of terms, but as a grid of knowledge that gives an idea of the entire structure of science, and demonstrates the grounds for identifying the components of the system, their interaction, and the most important principles of organizing the system [5].

The study of term systems using cognitive semantic analysis allows us to more deeply examine the processes of their formation and functioning. The specificity of cognitive semantics lies in the fact that the central place in it is occupied by the anthropocentric factor, that is, a person who, in the process of his cognitive activity and due to cognitive abilities, acts as a

categorizer and conceptualizer. Human cognitive activity (cognition) is aimed at exploring the world around us and developing the ability to navigate in this world using the knowledge gained, which is inevitably associated with classification activities, that is, the need to identify and compare objects and events. The central place in this classification activity is occupied by the processes of conceptualization and categorization, where the process of conceptualization is aimed at identifying the minimum meaningful units of human experience, and the process of categorization is aimed at combining similar units in categories.

When describing the processes of conceptualization and categorization, it is necessary to define a concept and a category. Concept is a term that serves to explain the units of our consciousness and the information structure that reflects the knowledge and experience of a person; operational content unit of memory, mental lexicon, conceptual system and language of the brain, the whole picture of the world reflected in the human psyche [4]. Concepts represent the meanings that a person uses in the process of thinking, they reflect the experience, knowledge, the result of human activity and processes of knowledge of the world. The emergence of the concept is associated with the need to identify and distinguish objects of the surrounding world in the process of cognitive activity. The concept brings together all the variety of the objects and phenomena being observed and imagined. In each concept, information about the world that is fundamentally important for a person is brought together, and at the same time, non-essential knowledge is discarded.

Cognitive linguistics is primarily concerned with everyday cognition performed by a person in the course of his or her daily activities. For this reason, the concept, which is the central unit of cognitive linguistics, relates mainly to the everyday experience of human interaction with the surrounding reality. Common words reflect everyday knowledge, through which special knowledge itself can be formed. The more structured the special knowledge is, the stronger the connections between terms in the term system are.

The conceptual system is formed at the expense of initial or primary concepts, from which all other concepts are then developed. Concepts are constantly specified and modified under the influence of other concepts. For example, a term “account” is usually translated as “bookkeeper/бухгалтер”. On the other hand, when being a part of word combinations, it shows the specification, since it is enriched with additional characteristics: joint account – общий счет, blocked account – замороженный счет, correspondent account – корреспондентский счет, active account – активный счет, deposit account – депозитный счет, savings account – сберегательный счет [7, 6].

The system of concepts forms a picture of the world, which reflects a person's understanding of reality, its special conceptual “picture”, on the basis of which a person perceives the world [8].

Unlike a notion that reflects the essential features of an object or phenomenon, a concept can reflect any, not necessarily essential, features. The concept is the result of theoretical knowledge, namely the allocation of general, most important characteristics of objects and phenomena. The concept, in turn, is the result of cognition, it is our everyday knowledge. In other words, the terms “a notion” and “a concept” are related as generic and species names. Concept is a mental national-specific unit, where the content is the whole set of knowledge about this object, and the lexical embodiment is a set of language means (lexical, phraseological, etc.). Concepts are not any notions, but only the most complex and important ones, without which it is difficult to imagine this culture.

A concept has an emotional, evaluative and expressive color; it is a collection of associations, representations, and experiences that accompany the notion that this word expresses. Concepts are more broad in comparison with notions, they are characterized by a more complex system of expression and do not always have complete correspondences in the translation language, so concepts are often translated not just by a word, but by a phrase and even a detailed sentence in order to convey the required meaning most adequately. For example, the verb to puke is translated from English to Russian as “feel sick”. In banking terminology, it means “to sell a position on securities with a large loss when the investor has reached the point of complete disgust (puke point) in relation to this paper” [6].

In language a concept is implemented using a language sign, which can act as ready-made phrases, phraseological units, sentences and texts. However, it is important to understand that the same word may show different features of the concept depending on the communicative conditions.

Conceptual analysis, that is the analysis of semantics and word usage, makes it possible to identify the national semantics of this concept and the priority of certain conceptual features. The presence of different definitions in different dictionaries indicates that it is impossible to fully define the content of the concept. Each word represents only a part of conceptual characteristics that are important for communication.

According to E. S. Kubryakova, the concept is extremely important in modern theories of cognition, it occupies the main place in the process of thinking, the processes of conceptualization and categorization of the world [4].

Conceptualization is analyzing the incoming information, the mental construction of objects and phenomena, which leads to the formation of certain ideas about the world in the form of concepts. As mentioned above, concepts do not exist in isolation, they are grouped into categories, forming entire classes of objects. As E. S. Kubryakova puts it “the formation of a category is closely related to the formation of a concept or group of concepts around which it is built, by means of allocating a set of features that express the idea of similarity of the units being combined. The mechanism of categorization should be attributed to the level of the conceptual structure, because judgments about belonging to the same or different categories are the results of comparing two conceptual structures” [4].

To name some object, it is necessary to classify (to categorize) it. Categorization is the division of the world into categories, groups, classes of similar objects or events. Categorization is also a cognitive process, its essence is to correlate items and events with a certain group of similar items and events, namely with a certain category. Thus, the most important function of human consciousness is to divide the world into categories. This process is the basis of all human cognitive activity.

A category is a form of human thinking that allows people to generalize and classify their experience and knowledge. Cognitive science has raised the question of how a person classifies objects and phenomena of reality, how he/she groups the variety of his observations and feelings.

Results and discussion. Numerous studies of language categories formed the basis for the prototype theory and a prototypical approach with the following statements: 1) the real world is structured, and its objects reveal similarities and differences, which allows our consciousness to group these objects into categories; 2) some elements of categories are more significant in comparison with other elements of the same category. This most important element of a category

is called a prototype. A prototype is a concept that underlies the formation of categories and determines its content; 3) other elements that embody all the most characteristic features of this category are grouped around prototypes; 4) the object's belonging to a particular category is determined by its similarity to the prototype, they have common characteristics; 5) categories may not have clear boundaries, and the boundaries between categories may be vague or transitional; 6) the internal structure of the category is not defined by a rigid set of mandatory features, but is characterized by a variety of similar characteristics based on the principle of family relationship, where the most significant features are those that are characteristic of the prototype and are common to all members of this category. For example, for the "bank" category this is a company that specializes in accepting deposits, lending, making payments and other financial transactions [7]; "a place for money": 1) "business that keeps and lends money and provides other financial services: "We have very little money in the bank" [9]; 2) "a financial institution that people or businesses can keep their money in or borrow money from: "Marge works for the Royal Bank of Scotland" [10]. For the "money" category this is 1) everything that is a generally accepted measure of value, a means of payment, circulation, accumulation; in modern conditions money is mainly in the form of paper, coins, balances in banks and other credit and financial institutions; 2) amounts of money, funds [6]; 3) what you earn by working and can use to buy things. Money can be in the form of notes and coins or cheques, and can be kept in a bank; 4) someone's wealth, including all the property and other things they own: "The family made their money in the woolen trade" [9]; 5) what you earn, save, invest and use to pay for things: "The business has made more money this year" [10].

Categorization is determined not by the conditional nature of the boundaries between objects and phenomena of the world around, but by various cognitive abilities of the human mind. Cognitive categories are linked to conceptually defined prototypes that are crucial for the formation of categories. The internal structure of the category is highly complex due to the fact that it includes a large number of elements that show different degrees of manifestation of typical features.

On the one hand, having the largest number of characterising features, the central elements of prototypical categories make the category logical, understandable and convenient, since all members of the category meet a given list of characteristics. On the other hand, prototypical categories possess flexibility, which is necessary for human thinking in order to work effectively. Constantly changing knowledge of the world allows to include new elements in categories, even if these elements and the prototype have only a few features in common. Practical experience shows that in the real world there are almost no elements with a perfect combination of mandatory features.

Conclusion. Summing everything up it is possible to conclude that the prototypical approach radically changes the previously existing ideas about the ability of a person to categorize the terms. Researching the processes of categorization of terms can be considered as a type of conceptual analysis, since this approach allows to identify various characteristics of concepts that are the basis of the meaning formation, but are not always obvious from the meaning of the word, and reveal themselves only at the functional level, namely in the statement. At the same time, studying the principles and mechanisms of categorization of the language units makes it possible to identify and analyze their prototypical semantics in terms of their common properties with the prototype of the category. This feature is particularly important for research in cognitive linguistics, since it is the prototypical semantics of language units that largely determine their use in a sentence to convey a particular meaning. The analysis of prototypical

semantics also provides a deeper understanding of the structure and content of concepts that underlie the formation of language categories, the principles of organization of these categories, and the mechanisms of interaction between cognitive and language structures in the process of forming the meaning of a statement.

REFERENCES

1. Golovin, B.N. (1987), *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic basis of the doctrine of terms], Vysshaja shkola, Moscow, USSR.
2. Lejchik, V.M. (2009), *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Termology: subject, methods, structure], 4th ed., Publishing house "LIBROKOM", Moscow, RUS.
3. Kiseleva, S.V. (2010), "Cognitive aspects of a polysemantic word", *Cognitive studies of language*, vol. 6, pp. 306–308.
4. Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. and Luzina, L.G. (1996), *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms], in Kubryakova, E.S. (ed.), Lomonosov Moscow State University, Moscow, RUS.
5. Novodranova, V.F. (2013), "Development of cognitive terminology in Russia at the beginning of the XXI century", *Cognitive studies of language*, vol. 15, pp. 92–100.
6. Fedorov, B.G. (2011), *Novyj anglo-russkij bankovskij i investicionnyj jenciklopedicheskij slovar'* [New English-Russian banking and investment encyclopedic dictionary], vol. 2, Limbus Press, SPb., RUS.
7. Fedorov, B.G. (2011), *Novyj anglo-russkij bankovskij i investicionnyj jenciklopedicheskij slovar'* [New English-Russian banking and investment encyclopedic dictionary], vol. 1, Limbus Press, SPb., RUS.
8. Nil'sen, E.A. (2010), "Concept as a basic concept of cognitive linguistics", *Homo Loquens: Actual issues of linguistics and methods of teaching foreign languages*, vol. 2, pp. 24–32.
9. Dictionary of contemporary English (2009), New edition. Pearson Education Limited, available at: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 10.10.2019).
10. Macmillan Dictionary Online, available at: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/money> (accessed 10.10.2019).

Information about the authors.

Svetlana V. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology) (2007), Professor at the Department of the Theory of Language and Translation, Saint Petersburg University of Economics, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 150 scientific publications. Area of expertise: terminology, semantics, stylistics, theoretical grammar. E-mail: svkiseljeva@bk.ru

Marina Yu. Mironova – Can. Sci. (Philology) (2019), Senior Lecturer at the Department of English Language № 2, Saint Petersburg University of Economics, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 23 scientific publications. Area of expertise: terminology, semantics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>. E-mail: mkpr@yandex.ru

Nella A. Trofimova – Dr. Sci. (Philology) (2009), Professor at the Department of Foreign Languages, Higher School of Economics, Souza Pechatnikov str. 16, St Petersburg 190008, Russia. The author of 122 scientific publications. Area of expertise: semantics, stylistics, theoretical grammar. E-mail: nelart@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е. изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

3. Киселева С. В. Когнитивные аспекты многозначного слова // Когнитивные исследования языка. 2010. № 6. С. 306–308.

4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой; филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1996.

5. Новодранова В. Ф. Развитие когнитивного терминоведения в России в начале XXI века // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. 15. С. 92–100.

6. Федоров Б. Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Лимбус Пресс, 2011. Т. 2.

7. Федоров Б. Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Лимбус Пресс, 2011. Т. 1.

8. Нильсен Е. А. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. СПб., 2010. Вып. 2. С. 24–32.

9. Dictionary of contemporary English. New edition. Pearson Education Limited. 2009. URL: <https://www.idoceonline.com> (дата обращения: 10.10.2019).

10. Macmillan Dictionary Online. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/money> (дата обращения: 10.10.2019).

Информация об авторах.

Киселёва Светлана Владимировна – доктор филологических наук (2007), профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: терминология, семантика, стилистика, теоретическая грамматика. Email: svkiseljeva@bk.ru

Миронова Марина Юрьевна – кандидат филологических наук (2019), старший преподаватель кафедры английского языка № 2 Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 23 научных публикаций. Сфера научных интересов: терминология, семантика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>. Email: mkpr@yandex.ru

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук (2009), профессор департамента иностранных языков Высшей школы экономики, ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия. Автор 122 научных публикаций. Сфера научных интересов: семантика, стилистика, теоретическая грамматика. Email: nelart@mail.ru

Понятие «семантический инвариант» в ряду когнитивных терминов

С. А. Песина✉

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия

✉spesina@bk.ru

Введение. В статье доказываемая семантическая взаимосвязь значений многозначных слов на основе использования понятий «семантическая сеть» и «лексический инвариант». Актуальность исследования заключается в отсутствии достаточной доказательной базы в пользу семантической общности структур многозначных лексем, поскольку появляются противоречивые лингвистические данные о подтверждении так называемой списочной теории репрезентации слов в ментальном лексиконе. Новизна исследования заключается в гипотезе о сетевом структурировании значений слова на базе «лексического инварианта», понимаемого как набор доминантных ключевых семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе контекстуальных значений, обуславливая их связь. Впервые приводится характеристика и преимущества сетевой модели функционирования полисемантов, обосновывается ее характеристика как открытой системы, способной достраивать неограниченное число связей.

Методология и источники. В качестве доказательства семантической общности структур многозначных лексем, а также функционирования лексических инвариантов и семантической сети представлен анализ английского субстантива *key* с использованием эмпирического инвариантно-компонентного метода.

Результаты и обсуждение. Основные результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что обилие переносных значений в структурах многозначных слов, нечеткость их границ являются препятствием для понимания контекстуальных смыслов. Показано, что функцию когнитивных доминант в языковом сознании выполняют инвариантные средства репрезентаций знаний в языке, которые выступают в качестве средства языковой классификации, являясь точками внутриязыковой референции при поиске адекватных обозначений реалий и языковых форм передачи необходимого смысла. Наборы инвариантных компонентов образуют кластеры признаков, которые в том или ином сочетании реализуются в контекстуальных значениях.

Заключение. Суммированы доказательства функционирования концептуальной системы человека по принципу семантической сети со многими выходами как сложной многоуровневой системы парадигматических связей, позволяющих эффективно ориентироваться в окружающей среде, адаптироваться к ней и управлять ею. Показано, что для сохранения семантических границ количество значений должно оставаться в пределах основных инвариантных семантических компонентов.

Ключевые слова: лексический инвариант, многозначное слово, семантика, семантические компоненты, метафора, значение, семантические сети.

Для цитирования: Песина С. А. Понятие «семантический инвариант» в ряду когнитивных терминов // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 125–133. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-125-133

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.02.2020; принята после рецензирования 10.03.2020; опубликована онлайн 27.04.2019

The Concept “Semantic Invariant” as a Cognitive Term

S. A. Pesina✉

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

✉spesina@bk.ru

Introduction. The purpose of the paper is to prove the semantic integrity of the meanings of polysemous words based on the use of the concepts “semantic network” and “lexical invariant”. The relevance of this study lies in the lack of sufficient support of semantic integrity of lexemes, since there are contradictory linguistic data in favor of the so-called list theory of word representation in the mental lexicon. We put forward the hypothesis of network structuring of word meanings based on the “lexical invariant”, understood as a set of dominant basic semantic components, which underlie contextual meanings in one of their configurations. We pointed out the characteristic features and advantages of the network model of polysemous words as an open system capable of building an unlimited number of connections. The study is also concerned with the determination of the way the meanings are mapped in the semantic space of the lexicon by means of revealing the content of the semantic structures of the polysemous words.

Methodology and sources. The paper presents an empirical invariant-component method of analyzing a polysemous word “key”.

Results and discussion. The main results of the study indicate that there are numerous interconnected semantic networks of polysemous words in the lexicon. They function as multi-level configurations of meanings, which are cemented by dominant invariant meanings. Invariant meanings are eventually formed as a result of multiple use of all metaphorical meanings clusters, which allow native speakers to effectively navigate in the surrounding language environment.

Conclusion. The results of our study have proved the idea that native speakers do not need detailed information (numerous semantic components) to interpret this or that meaning. The number of components they use in everyday communication is limited but sufficient for general understanding of the words and texts contents. The research results enabled us to draw a conclusion that in order to preserve the semantic integrity of a word structure, the number of meanings must remain within the limits of the invariant semantic components. The invariant lexical components form clusters of integral and differential types that combined in different configurations form a word desired meaning.

Keywords: lexical invariant, polysemous word, semantics, semantic components, metaphor, meaning, semantic networks.

For citation: Pesina S. A. The Concept “Semantic Invariant” as a Cognitive Term. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 125–133. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-125-133 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.02.2020; adopted after review 10.03.2020; published online 27.04.2020

Введение. Несмотря на многолетние исследования в области лингвистики, подтверждающие взаимосвязь значений внутри структур многозначных слов, в последние годы появляются лингвистические экспериментальные данные, свидетельствующие в пользу так называемой списочной теории репрезентации слов в ментальном лексиконе [1, 2]. Со-

гласно этой теории значения полисемантов функционируют изолированно друг от друга (наподобие омонимов), т. е. представлены в лексиконе в виде простого перечня, из которого осуществляется селекция.

Однако исследования междисциплинарного характера, опирающиеся на теоретические основы традиционной и когнитивной лингвистики, психолингвистики, и биоконгнитивистики показывают, что на базисном уровне иноязычная речемыслительная деятельность предположительно осуществляется в виде сформированных в процессе общения ассоциативных межлексических и внутрисемантических связей, включая взаимодействие между частями фреймов, компактных схем, лексических модулей, прототипических категорий, вербализованных концептов и т. п. Эти модели памяти позволяют продуцирующему и воспринимающему сознанию успешно кодировать и декодировать поступающие языковые знаки в условиях отсутствия достаточного времени на осмысление поступающей информации (коммуникативного цейтнота).

Помимо речевой деятельности декодирование лексики (в том числе иноязычной) происходит на фоне активного использования визуальной информации. Приближающийся к эйдетическому, зрительный образ может быть насыщенным у одних индивидов, размытым у других, схематичным как абрис у третьих, но зачастую легко вызываться речевым обозначением соответствующего предмета. Он может претерпевать некоторые изменения, превращаясь в более обобщенный, либо проявлять более выраженные отличительные признаки. Со временем за структурой многозначного слова формируется абстрактный семантический стержень, который обеспечивает быстрый доступ к ключевым узлам семантической сети, который мы называем *лексический инвариант (ЛИ)*. ЛИ мы определяем, как пучок ядерных признаков, охватывающих семантику всех переносных значений [3, 4].

Подобный абстрактный языковой инвариант, содержащий кластер семантически связанных компонентов и лежащий в одной из своих конфигураций в основе всех метафорических переосмыслений (метонимии и фразеологизмы основаны на первом номинативно-непроизводном значении), структурирует семантику слова в соответствии с интуицией обыденного сознания. Лексический инвариантный кластер противопоставлен контекстуальному значению по тому же принципу, по какому речь противопоставлена языку, где кластер – это элемент языка, а значение – конкретная реализация в речи [5, 6].

Будучи врожденным языковым механизмом наряду с метафорообразованием, подобные инвариантные конструкторы со временем формируются у всех носителей языка в результате культурно обусловленного единообразного членения окружающей действительности. Поэтому, с одной стороны, они как бы задают общий диапазон значений конкретного многозначного слова, функционируя на уровне языковой системы, с другой – проявляются на уровне речи с учетом субъективного фактора и контекстуального преломления. В результате подобные формирования выступают как фрейминги-ограничители содержания, освобождая ментальные механизмы от необходимости сканировать целый ряд значений и стоящих за ними образов.

Методология и источники. В качестве иллюстрации функционирования ЛИ представим эмпирический анализ многозначного английского слова *key*. Первое номинативно-непроизводное значение этого слова выводится первым на основе усреднения дефиниций и принципа частотности использования семантических компонентов: «a piece of metal, specially shaped, used for opening or closing a lock» (предмет из металла, имеющий специфическую форму, используемый для открытия или закрытия замка).

Если метонимические значения и фразеологизмы, входящие в структуру слова, мотивированы первым значением, то многочисленные метафорические реализации мотивированы выделенными в ходе инвариантно-компонентного анализа семантическими компонентами, например:

- key of a valve/ clock winding mechanism (ключ клапана / часового механизма);
- key of a pass phrase (ключ пароля);
- key to the success (ключ к успеху);
- key to a riddle (ключ к загадке);
- keys to nein an arch (замковый камень в арке);
- a free-throw in basketball: free throw lane (зона штрафного броска в баскетболе: полоса штрафного броска);
- an arrangement of the salient characters of a group of plants or animals or of tax a designed to facilitate identification (расположение характерных признаков группы растений или животных, предназначенное для облегчения идентификации);
- characteristic style or tone; the predominant tone of a photograph with respect to its lightness or darkness (характерный стиль или тон; преобладающий тон фотографии относительно ее яркости или темноты).

В результате анализа было установлено, что все имеющиеся метафорические переосмысления можно поделить на пять семантических кластеров (групп) исходя из мотивирующего инвариантного компонента, лежащего в основе их семантики:

- 1) initiating work (инициация работы);
- 2) preventing from moving (предотвращение перемещения);
- 3) providing/preventing access to some information (предоставление / предотвращение доступа к некоторой информации);
- 4) providing explanation/understanding (предоставление объяснения / понимания);
- 5) something of primary importance (нечто первостепенной важности).

Таким образом, можно сформулировать ЛИ субстантива key или его системное значение: *something like a key (preventing from moving, providing/preventing access to some information, providing explanation/understanding, initiating work of primary importance/specific to something)* (нечто (похожее на ключ) что предотвращает перемещение, предоставляет или предотвращает доступ к информации, обеспечивает объяснение или понимание, инициирует важную работу).

Данный инвариантный кластер отражает общее и конкретное, человеческое и предметное, субъективное и объективное. Некоторое абстрагирование от деталей позволяет выделить в нем существенные компоненты общего характера, которые, так или иначе, покрывают семантику всех метафорических значений анализируемых слов, а совместно с первым значением семантику всего слова.

Существенным результатом данного подхода является предоставление важного в семиологии доказательства того, что значения английского субстантива key, как и русскоязычного «ключ», не являются омонимами, как это представляется в базовых учебниках и имеющейся научной литературе. Напротив, поскольку все значения этого слова основаны на едином инварианте, представляющем собой семантически связанный кластер, все значения этого субстантива входят в структуру одной и той же лексемы. Следовательно, многозначное слово «ключ» не должно более являться классическим примером омонимии.

Значения этого слова и компоненты, между которыми существует семантическая связность, образуют лексические цепи и объединяются в кластеры исходя из семантической близости. Кластерная семантическая сеть – это аналог нейросети, в которой значения векторно связаны со своими семантическими компонентами и тем самым между собой (как аналог синоптических связей), составляя семантическую структуру слова. Лексический инвариантный кластер, как сочетание ядерных семантических компонентов, формируется интуитивно как результат многочисленных контекстных реализаций. Кластер, таким образом, остается неизменной семантической формулой слова в потоке контекстуально связанных вариаций значений.

Подтверждение инвариантной кластерной теории находим в исследованиях нейрофизиологов, которые утверждали, что за словом всегда стоит множество связей, имея в виду не только семантические. Так, Лурия полагал, что изначально в мозгу человека понимание объекта содержится в развернутом виде как совокупность признаков, на которые мозг разбивает полученный им образ или информацию, но затем по мере взросления понимание объекта получает «свернутый характер» [7, с. 31–39].

Исследования нейробиологов подтверждают тот факт, что в зрительной коре головного мозга существует огромное число высокодифференцированных нейронов, каждый из которых реагирует лишь на какой-либо один признак воспринимаемого объекта

Усвоение лексики, в том числе на первичной стадии, происходит с задействованием правого полушария, организующего образное мышление. В процессе усвоения полученная семантическая информация систематизируется, предположительно делясь на смысловые блоки (кластеры) как комбинацию из необходимых для понимания значения структурных элементов. Постепенно кластеры соединяются между собой в семантическую сеть по принципу нейронной сети.

В соответствии с вышесказанным, в процессе онтогенеза человека вообще и освоения языка и пополнения его словарного запаса в частности, у человека возникает необходимость в систематизации полученных семантических данных (кластеризации) на все более высоком уровне абстракции. Так, при декодировании сообщения мозг быстро «подключается» к необходимому кластеру семантических признаков, игнорируя «несущественные» компоненты значения, и на основе сравнения полученных данных выдает «соответствие» или «несоответствие» содержания форме языкового знака. В случае «соответствия» имеет место понимание сообщения (или отдельного значения) без особых затруднений. Если форма знака не находит нужное соответствие и в сознании не имеет место знаковый процесс, то осуществляется анализ полной семантической структуры на предмет поиска отвечающего контексту соответствия.

Мы полагаем, что подобным образом организовано развитие и работа ментального лексикона человека. На первых этапах формирования сложных механизмов система имеет развернутый характер, а затем она сворачивается до минимально необходимых ядерных компонентов. К слову сказать, считается, образ преобладает над признаком, однако мы забываем, что прежде чем мы осознаем видимую картинку, мозг расщепляет ее на мелкие признаки, обрабатывает информацию, а затем представляет как целостный образ. Любые ментальные образы, в том числе лексемы и понятия необходимо рассматривать с точки зрения «тщательно разработанных сетей знаний» [8].

В данном процессе участвует врожденный механизм членения образа, сопровождающийся членением семантических компонентов на составляющие, элементарные, частотные, которые подобно мозаике тут же могут собираться в единый образ по мере необходимости. В процессе кодирования зрительных впечатлений речевая система принимает непосредственное участие, поскольку зрительное восприятие настолько может сблизиться с наглядным мышлением, что часто очень сложно провести различие между ними. Данные процессы распада и конструирования (сборки) осуществляются постоянно и зачастую подсознательно. Это имеет место и во взрослом состоянии, особенно если речь идет о сложных для восприятия концептах (членение слова на смысловые части ускоряют процесс восприятия и понимания).

Результаты и обсуждение. Итак, ЛИ представляет собой «сгусток» смысла и понимания с последующим оформлением в законченную смысловую форму, которая фиксируется понятийной системой. Действительно, отдельному значению, будь то метафора или вариация первого значения, в большей степени свойственна динамичность, вариативность и единичность, а лексическому кластеру – нормативность, статичность и всеобщность. Отдельное значение существует в звучащей человеческой речи, поэтому оно темпорально по своей природе.

Выделяя ЛИ большой группы объектов, мы приходим к абстракции – собирательному понятию, охватывающему всю группу значений в целом, что значительно упрощает процесс их запоминания. Успешное решение этой задачи многозначности необходимо во многих приложениях, связанных с автоматической обработкой текста, например, информационный поиск, машинный перевод и т. д.

Можно далее обобщить и сформулировать некоторые теоретические положения, следующие из выдвинутой гипотезы:

- структура ЛИ является гибкой и открытой системой, способной развиваться за счет формирования новой конфигурации признаков: сочетания инвариантного (инвариантных) компонентов с неинвариантными;
- обращение к ЛИ как к конструкту, объединяющему все значения слова, свидетельствует о существовании структуры, удерживающей значения в одной связке;
- один признак может быть связан с множеством лексических структур и нет необходимости запоминать его во многих значениях (наиболее частотные признаки русского и английского языков, соответственно, *важный, верхний, нижний, большой, маленький, большой* и т. п. – *important, upper, lower, big, small, large, etc.*);
- семантические компоненты тесно связаны между собой, и если возникает ситуация непонимания речевого контекста, то при необходимости происходит «извлечение» всей сети признаков; это свидетельствует как о компактном характере компонентов, так и об экономном устройстве и функционировании структур многозначных лексем в целом;
- к наиболее частотному признаку ведут самые быстрые кластерные (синоптические) связи.

В связи с предлагаемым в рамках данной статьи подходом, хотелось бы отметить, что он не идет вразрез самым современным исследованиям в области когнитивной лингвистики и нейролингвистики. Так, когнитологи из Калифорнийского университета (Беркли) представили интерактивную версию атласа мозга, демонстрирующую активность мозга в

соответствии с предъявляемыми категориями слов. Психолингвисты и когнитологи пришли к выводу о том, что, языковая память включает помимо значений еще и абстракции (что-то вроде инвариантных значений), которые в случае необходимости быстро актуализируются мозгом. Представленный атлас регистрирует слова, хранящиеся в более чем ста областях мозга, соответственно располагающихся в разных его зонах. Отдельные слова фактически представлены в нескольких светящихся точках на карте мозга, с другой стороны, одна точка может быть связана с несколькими словами. Отсюда тезисы о том, что язык локализован только в левом логическом полушарии, как и то, что в процессе речемыслительной деятельности человек задействует только часть мозга, перестают быть актуальными.

В области разработок, связанных с распознаванием речи, можно отметить создание интеллектуального робота с голосовым управлением, который умеет выбирать и воспроизводить шуточные высказывания из загруженных им самим устройством текстов.

Следует признать, что существующие инновационные электронные устройства все еще испытывают проблемы в понимании метафорических значений, фразеологизмов и прочих переносных образных значений, их реакции носят односложный характер или подбираются из заранее заданных баз данных, не предполагающих их творческого использования (контекстуальных варьирований).

Основываясь на подобных данных, а также на многолетних исследованиях в области когнитивной лингвистики мы полагаем возможным создание «языкового декодера», в основе которого лежит инвариантная семантика, грамматика и синтактика. Исследования в этом направлении ведутся нами параллельно в нескольких научных группах в ведущих вузах России. Данное направление предполагает выявление инвариантных узлов в семантических сетях (структурах) многозначных слов, при этом каждый инвариантный конструкт «создает» свои собственные сети. Таким образом, все значения многозначного слова связаны между собой сетями, включая инвариантное значение, у которого есть выход на все значения, в то время как инварианты также связаны между собой.

Заключение. В качестве альтернативного подхода списочной теории нами положена гипотеза, согласно которой сканировать в сознании все имеющиеся у полисемантов значения не позволяет коммуникативный цейтнот, имеющий место в процессе общения. Приведены данные нейролингвистики, косвенно подтверждающие существование лексических инвариантных кластеров, в частности, признание коннекционистских сетевых моделей устройства ментального лексикона как аналогов нейронных сетей, хранящих языковой опыт взаимодействия индивида с миром.

Помимо теоретической части в статье изложены результаты наших исследований с представлением доводов и гипотез против семантической разобщенности значений внутри слова, часть из которых получила экспериментальное подтверждение. На основе эмпирического инвариантного анализа на практическом материале были представлены методологические обоснования семантической общности внутри семантической структуры слов, систематизированы соответствующие термины и их характеристики.

В лингводидактическом плане преимущество предлагаемого подхода заключается в том, что в процессе изучения лексики студентам нет необходимости заучивать десятки, а то и сотни значений полисемантов. Вместо практики заучивания многочисленных метафорических речевых реализаций многозначных слов достаточно предъявлять выявленные в

ходе анализа лексические инварианты в качестве семантических формул слова. В рамках лингвистической прогностики, выявление ЛИ помогает понять дальнейшее развитие семантических структур слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Foraker S., Murphy G. L. Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance // *J. of Memory and Language*. 2012. Vol. 67, iss. 4. P. 407–425. DOI: 10.1016/j.jml.2012.07.010.
2. Frisson S. Semantic Underspecification in Language Processing // *Language and Linguistics Compass*. 2009. Vol. 3, iss. 1. P. 111–127. DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2008.00104.x>.
3. Песина С. А. Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики // *Вестн. ТГУ*. 2006. № 291. С. 177–182.
4. Песина С. А. Прототипический подход к осмыслению структуры словаря // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2009. № 2 (24). С. 570–574.
5. Архипов И. К. Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2004. Т. 4, № 7. С. 75–85.
6. Песина С. А. Функционирование полисемантов в механизмах речепроизводства // *Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской: сб. мат. междунар. науч. конф., Курган, 03–04 марта 2008 г. / Курганский гос. ун-т. Курган, 2008*. С. 113–115.
7. Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. Нейропсихологический анализ сознательной деятельности: в 2 т. М.: Изд-во Педагогика, 1963. Т. 1.
8. Baars B., Gage N. *Cognition, Brain and Consciousness*. 2nd ed. London: Academic Press; Elsevier Ltd, 2014.

Информация об авторе.

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук (2005), доктор философских наук (2013), профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, пр. Metallurgov, д. 38, 455000, Россия. Автор более 270 научных публикаций, в том числе 11 книг. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, философия языка, семантика, биокогнитивистика, нейролингвистика, семиотика, переводоведение, теория языка. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3728-2561>. E-mail: spesina@bk.ru.

REFERENCES

1. Foraker, S. and Murphy, G. L. (2012), "Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance", *Journal of Memory and Language*, vol. 67, iss. 4, pp. 407–425. DOI: 10.1016/j.jml.2012.07.010.
2. Frisson, S. (2009), "Semantic Underspecification in Language Processing", *Language and Linguistics Compass*, vol. 3, iss. 1. DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2008.00104.x>.
3. Pesina, S.A. (2006), "The distinction of language and speech in prototypical semantics", *Tomsk State University Journal*, no. 291, pp. 177–182.
4. Pesina, S.A. (2009), "Prototype approach to understanding dictionary structure", *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 570–574.
5. Arhipov, I.K. (2004), "Communicative time trouble and prototypical semantics", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 4, no. 7, pp. 75–85.
6. Pesina, S.A. (2008), "The functioning of polysemants in the mechanisms of speech production", *Frazeologicheskie chteniya pamyati professora V. A. Lebedinskoi* [Phraseological readings in

memory of Professor V. A. Lebedinskaya], Materials of the international scientific conference, 03–04 Mar. 2008, Kurgan State University, Kurgan, RUS, pp. 113–115.

7. Luriya, A.R. (1963), *Mozg cheloveka i psikhicheskie protsessy. Neiropsikhologicheskii analiz soznatel'noi deyatel'nosti* [Human brain and mental processes. Neuropsychological analysis of conscious activity], in 2 vol., vol.1, Izd-vo PEDAGOGIKA, Moscow, USSR.

8. Baars, B. and Gage, N. (2014), *Cognition, Brain and Consciousness*, 2nd ed., Academic Press, Elsevier Ltd, London, UK.

Information about the author.

Svetlana A. Pesina – Dr. Sci. (Linguistics) (2005), Dr. Sci. (Philosophy) (2013), Professor at the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Metallurgov ave., 38, Magnitogorsk 455000, Russia. The author of more than 270 scientific publications, including 11 books. Area of expertise: cognitive linguistics, philosophy of language, semantics, biocognitive studies, neuro-linguistics, semiotics, translation studies, language theory. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3728-2561>. E-mail: spesina@bk.ru.

Негативизм в переводе киноназваний: переводческая трансформация или трансформация сознания?

С. А. Панкратова✉

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
Санкт-Петербург, Россия

✉svetpankrat@yandex.ru

Введение. Рассматривается специфика перевода киноназваний в современном кинодискурсе. Целью статьи является анализ переводческой стратегии на негативизацию фильмонимов. Научная новизна состоит в новом, когнитивном подходе к анализу переводческой деятельности, осуществляемой на уровне сознания с анализом лежащих за транслятом когнитивных концептов. Объектом данного исследования выступают фильмонимы зарубежного англоязычного кинематографа, переведенные с негативным оттенком. Актуальность изучения негативных фильмонимов определяется требованием грамотного внедрения зарубежного контента в гармоническом балансе с контентом отечественного производства на фоне активной международной конкуренции.

Методология и источники. Используется когнитивно-дискурсивный подход к анализу кинодискурса, осуществляемый посредством синхронного сравнения русских и англоязычных вариантов. Методика объективации оценки применяется для демонстрации степени удобства и легкости результирующего перевода в принимающей культуре. Анализ перевода фильмонимов базируется на транскреативном переводческом приеме переосмысления и доместикации фильмонимов на отечественной почве. Источником послужила трехлетняя выборка из 400 неэквивалентно переведенных фильмонимов из периодического издания «Петербургский телезритель» за 2017–2020 гг.

Результаты и обсуждение. Проведен анализ негативно окрашенных переводных фильмонимов в отечественном кинодискурсе, основанный на когнитивно-дискурсивной методике, раскрывающей ценностные суждения, лежащие в основе исходника и транслята. Анализ негативизма в переводе киноназваний показал, что лучшее модифицируется как худшее, степень опасности утрируется, справедливая игра оборачивается несправедливой, в то время как примеры улучшения при переводе единичны. Это объясняется тенденцией к пейорации оценки и ведет к общей зрительской настороженности.

Заключение. Использование когнитивно-дискурсивных методов позволило установить степень оценочной неоднородности перевода фильмонимов, установить уклон в пейорацию, отражающий культурную специфику принимающей культуры в контрастивном соположении с позитивной культурой оригинала. Результатом статьи стал вывод о переводческом формировании диалекта кинорынка, искусственно занижающего потребительскую планку предпочтений, ведущего к росту одиночества и «синдрому социальной смерти».

Ключевые слова: фильмоним, киноперевод, трансформация, оценочность, негативизм.

Для цитирования: Панкратова С. А. Негативизм в переводе киноназваний: переводческая трансформация или трансформация сознания? // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 134–143. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-134-143

© Панкратова С. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 08.02.2020; принята после рецензирования 11.03.2020; опубликована онлайн 27.04.2020

Negativity in Filmonyms Translation: Interpretative Transformation or the Transformation of the Mind?

Svetlana A. Pankratova✉

Saint-Petersburg State Institute of Film and Television, St Petersburg, Russia

✉svetpankrat@yandex.ru

Introduction. The paper considers the specifics of filmonyms' translation in the modern film discourse. The purpose of this paper is the analysis of the translation strategy for filmonyms' negativisation. Scientific novelty consists in a new, cognitive approach to the analysis of translation activities, carried out at the level of consciousness with the analysis of cognitive concepts behind the translated material. The object of this research is the variety of foreign film industry filmonyms, which had been translated with the introduction of the negative connotation. Actuality of work is determined by the demand for the efficient introduction of the foreign content in its harmonious balance with the home content in the situation of a fierce international competition.

Methodology and sources. Cognitive-discursive approach to the film discourse is used in the paper, being carried out through synchronous comparison of home and foreign variants. The methodology of estimation objectification is applied for the demonstration of the degree of convenience and ease of the resulting translation in the receiving culture. The filmonyms' translation analysis is based on the transcreational method of re-conceptualization, accompanied by the domestication of filmonyms in the home culture. The source for the analysis is found in the three-year collection of 400 non-equivalently translated filmonyms from the home periodical "Peterburgsky teletzritel' " of 2017-2020.

Results and discussion. The analysis of negatively coloured filmonyms in home film discourse was based on the cognitive-discursive method, demonstrating meaningful statements behind the source and the translated material. The analysis of the negativity in the filmonyms' translation has demonstrated, that the best is modified as the worst, the degree of danger is magnified, and fair game is turned into an unfair one, while the examples of amelioration in translation are rare. This is explained by the tendency for the pejorative valuation and results in the general viewers' distrust for the film industry.

Conclusion. The use of the cognitive-discursive methods allowed to define the degree of the evaluative variability of the filmonyms' translation, as well as the trend for the pejorative evaluation, reflecting the cultural specifics of the receiving culture in its contrast with the positivity of the culture of the original filmonyms. As a result the conclusion was formed, declaring the formation of the interpretational dialect of the film industry, which is lowering the level of the consumer preferences, which consequently leads to the growth of isolation and to the syndrome of the "social exclusion".

Key words: filmonym, film translation, transformation, evaluation, negativism.

For citation: Pankratova S. A. Negativity in Filmonyms Translation: Interpretative Transformation or the Transformation of the Mind? DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 2, pp. 134–143. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-134-143 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 08.02.2020; adopted after review 11.03.2020; published online 27.04.2020

Введение. Предлагаемая вниманию заинтересованных читателей статья обращается к негативной оценочности как к одному из аспектов перевода в сфере кино. В наши дни соотношение в локализационном процессе оригинального киноназвания аудиовизуального произведения с переводным названием принадлежит к тому разряду проблем, которые всегда отличались актуальностью, неоднозначностью решений, их поливариативностью. Более того, интерес к этим проблемам обостряется вследствие роста международной конкуренции и необходимости соблюдения не только языковых норм, но и авторских прав создателей вышеуказанных произведений. Заголовок аудиовизуального произведения является одним из важных объектов внимания для переводчиков-киноспециалистов. Под аудиовизуальным произведением специалисты в сфере кино признают кино-, теле- и видеофильмы различных типов с точки жанровой принадлежности (художественные, документальные, научно-популярные, учебные, мультипликационные и т. д.), объема (полнометражные, короткометражные, многосерийные и т. д.) и исполнения (звуковые, немые, черно-белые, цветные, широкоэкранные и т. д.). Изучаемая в новом свете проблема перевода фильмонимов может послужить ключом к пониманию, а, следовательно, и к улучшению современной ситуации на кинорынке.

Во всем мире активно происходит нарастание англоязычных информационных потоков, интенсификация диапазона и глубины международных контактов. В связи с этим изучение перевода названий аудиовизуальных произведений обладает несомненной новизной потому, что перевод рассматривается как интеракция, взаимодействие принимающей и передающей культур сквозь концептуальную интерпретацию. Новизна связана также и с потоком новых идей и технологий, а вместе с ними и новых понятий, привносимых на отечественную почву в аудиовизуальных произведениях в последние две декады.

Методология и источники. В статье проводится синхронный анализ русских и англоязычных вариантов фильмонимов с негативной оценкой, дополненный методом функционального анализа, учитывающего степень факторы удобства и легкости результирующего перевода в принимающей культуре, степень доверия своим культурным особенностям. Методология анализа базируется на транскреативном переводческом приеме переосмысления и доместикации фильмонимов на отечественной почве. Негативизм или отрицательная семантическая оценочность кинозаголовков принадлежит к лингвопрагматическому направлению.

Результаты и обсуждение. Наиболее детальное изучение оценки было проведено в рамках семасиологического подхода (Е. М. Вольф, Л. Ю. Иванов, А. А. Ивин, Дж. Мур, В. М. Никитевич, Т. В. Писанова, В. Н. Телия). Совокупность всех ценностей, как положительных, так и отрицательных, составляет ценностную картину мира, которая является частью целостной языковой картины мира социума [1–4]. Ценностная картина мира обусловлена особенностями культуры, имеет свой исторически сложившийся характер, присущий именно данной культуре, и специфицирует ее на фоне мировой культуры [5, с. 4].

Для того чтобы оценить явление, субъект располагает его на шкале оценки в диапазоне «хорошо/плохо». Для этого необходимо соотнести оценочный результат со стандартными представлениями об объекте [1, 6, 5, 7]. Следовательно, нормы, стандарты, эталонные представления являются точкой отсчета оценочной шкалы и обуславливают ее асимметричность: положительным считается то, что соответствует норме, а отрицательным – то, что ей не соответствует. Норма представляет своеобразный социальный, интеллектуальный, моральный эталон, относительно которого осуществляется акт оценки. В речи индивида норма как кри-

терий оценки делается частью субъективной системы ценностей. Исследователи-прагматики отмечают асимметрию положительных и отрицательных обозначений в языке. С одной стороны, в фокусе внимания логиков и лингвистов оказывается положительный фактор («хорошо»). С другой, акцент делается на отрицательный фактор («плохо»), в то время как понятие нормы остается в тени.

Причиной разности оценок, полагает сторонник позитивного направления в изучении оценочности Н. Д. Арутюнова, является общая ориентированность на положительные явления [8, с. 235; 9, с. 81]. Тенденцию к более частому употреблению положительно оценочной лексики отмечают Дж. Буше и Ч. Осгуд. Позитивная тенденция подкрепляется выдвинутой ими «гипотезой Полианны». Основная идея этой теории заключается в том, что в современных языках отмечается количественный перевес слов, выражающих позитивную оценку. Они, как показывают исследования, употребляются с большей легкостью, нежели слова с негативной оценочностью. Авторы объясняют эту тенденцию тем, что позитивная лексика легче запоминается и имеет более низкий порог узнаваемости [10].

Согласно противоположному мнению, имеется асимметрия в оценках, направленная в сторону «пессимизма» [11, с. 357]. В. Н. Телия указывает на обратную тенденцию, т. е. на преобладание в языке слов с отрицательным оценочным признаком [6, с. 60; 12, с. 25–26]. Изучая стилистическую дифференциацию лексики, И. Г. Серова отмечает, что в разговорном слое большинство слов содержит имплицитное указание на отрицательную оценку, в то время как книжные слова, в основном, ассоциируются с положительной оценочностью [13, с. 51]. В количественных показателях выражение оценки с определенным знаком и нейтральной оценки соотносится как 78 % к 22 % соответственно [14, с. 13]. В. И. Жельвис пытается найти психологическое объяснение подобной асимметрии в сторону слов «отрицательного толка» в языке [4]. Причину этого явления он видит в том, что отрицательные стороны жизни воспринимаются человеком намного острее, чем положительные. А. Вежбицкая также отмечает, что чаще происходит притяжение к сфере плохого. По данным психологии человек более детально различает отрицательные эмоции (опасность, болевые ощущения, дискомфорт), чем позитивный жизненный опыт [15, с. 31].

Односторонность данных исследований частично преодолевается в третьем подходе, в соответствии с которым частота использования положительно и отрицательно оценочных слов приблизительно равна. Так, в частности М. А. Ягубова отмечает, что преимущественное употребление негативных или, наоборот позитивных оценок обусловлено личностью говорящего, а также тем, к чему располагает окружающая действительность [16, с. 29]. Другими словами, для выражения оценки в равной мере необходимы положительно и отрицательно окрашенные слова, выбор которых обусловлен конкретной ситуацией.

Как представляется, в разрешении проблемы неравнозначности оценочной шкалы следует исходить из человеческого фактора. Отличительной особенностью оценки является ее антропоцентричность, поскольку в окружающем нас мире нет чего-то хорошего или плохого в абсолютном смысле, только человек наделяет те или иные вещи и явления разными качествами, положительными или отрицательными, и только в сознании человека и на основе языка они выделяются как таковые. Как отмечает Е. Д. Гаврилова, ценностная картина мира представляет собой особую несбалансированную ментальную структуру, состоящую из «...блоков оценочных категорий, например, категорий “good/bad”, по-разному для каждого человека наполненных оценочными концептами» [17, с. 47].

Очевидно, что использование приемлемых или неприемлемых для коммуникантов наименований зависит от определенных целей говорящего и может повысить или понизить социальный статус, тем самым выразить почтение или оскорбить собеседника [18]. Так, в зависимости от принадлежности к высшим или низшим слоям общества, коммуниканты в разной степени способны нейтрализовать или вуалировать имена, имеющие негативную знаковую ориентацию, а также применять в речи «политическую корректность» или «лингвистический такт».

Избегать негативных коннотаций – черта культурного человека, который прибегает в своей речи к эвфемистическим наименованиям. Для негативных коннотаций в культурной среде принято подыскивать особые способы выражения. Норма регулирует избыточное, дисбалансированное в эмотивном плане описание таких понятий и явлений, как названия бога и дьявола; физиологические акты; отношения между полами; названия некоторых частей тела; расовая и половая принадлежность; возраст; речевой этикет и т. д.

Для вербализации эвфемизмов служит стилистическая фигура нарочитого смягчения – литота. Она обращается к антонимам исходной номинации: «хорошо / плохо» и работает посредством замены слова противоположным, но отрицательным по значению: «неплохо» вместо «хорошо», «не возражаю» вместо «соглашаюсь». Все это позволяет заключить, что обращение к отрицательной категории есть фриквентативный когнитивный прием.

Если обратиться к когнитивной психологии, мы вспомним, что на приеме «от противного» строится сама концептуализация явлений – легче обозначить явление со знаком минус (неумный), чем искать новый, противоположный концепт (глупый). Легкость поиска негативной коннотации связана с психологически тонким моментом. Дело в том, что сам поиск вербализации есть некомфортная ситуация (достаточно вспомнить «творческие муки поэтов»), а нерешенная задача вызывает настоящее интеллектуальное мучение [19, с. 84]. Неудовлетворенная потребность желания знать приводит к жгучему любопытству [20]. Мучительные «интеллектуальные чувства», под которыми понимаются так называемые переходные элементы мышления, изучаются в психологии – это чувство нового, любознательность, удивление, недоумение, удовлетворение найденным решением, сомнение [19, с. 100]. В теории эпистемического любопытства Д. Берлайн отмечает, что внутренняя познавательная потребность возрастает по мере увеличения «понятийного конфликта», обусловленного противоречиями между «символическими реакциями» (т. е. мыслями) [21].

О превалировании негативного компонента свидетельствует и вся история жаргонной страты языка. Жаргонизмы характеризуются особым родом ухудшения значения слова, «...экспрессией при актуализации пейоративного оценочного потенциала слова» [9, с. 81]. Нейтральный концепт, содержащий потенциальную негативную оценочность, способен не только интегрироваться в отрицательную социальную среду, он также может образовывать в ней специфическое пейоративное поле. Н. Н. Шарандина говорит, что воровские клички по своей природе содержательны: «...даже не видя, не зная человека, по кличке можно определить, что он из себя представляет» [22, с. 70]. Также о частотности негативного компонента в концептуализации можно судить и по лакунам в языке. Так, все знают понятия «жалоба», «донос», но нет такого понятия, как «хвалебный донос»; есть понятия «сплетни», «слухи», но нет понятия «заочная похвала».

Обращаясь к фильмонимам и их переводу, отметим, что кино обладает вещественностью, силой прямой зрительной достоверности. Наряду с рекламой и интернет-

источниками кино входит в линейку особого вида средств воздействия, обладающих уникальным свойством полимодальности. Под этим термином подразумевается способность к непрерывному процессу генерирования смыслообразов, в ходе которого знаки комбинируются с другими образными и визуальными средствами. Передавая информацию и эмоции по нескольким каналам, кино украшает наши будни своей необычностью. Кинотекст несет большой смысломодификационный потенциал, ибо он создается ради воздействия на все органы чувств (зрение, слух, осязание).

В современной прессе («Петербургский телезритель») автор статьи вела многолетний мониторинг некорректных переводов фильмонимов. В итоге было выявлено 400 названий аудиовизуальных произведений, инаково переведенных на русский язык. Категория отрицательной оценочности привлекла особое внимание – в ней обнаружено десять фильмонимов, переведенных с помощью приема субституции, причем лишь один из них (последний в списке) сменяет знак «минус» на «плюс»:

- «Адская кухня» (Paradise Alley) (1978), спортивная драма;
- «Больше, чем секс» (No Strings Attached) (2011), ромком;
- «В активном поиске» (How To Be Single) (2016), ромком;
- «Волна страсти» (In God's Hands) (1998), спортивная драма;
- «Друзья до смерти» (Death Clique) (2014), криминальный триллер;
- «Жизнь хуже обычной» (Less Ordinary Life) (1997), ромком;
- «Идеальная западня» (Welcome Home) (2018), триллер;
- «Игра без правил» (Fair Game) (1995), политическая драма;
- «Кое-что на день рождения» (All I Wish) (2017), ромком;
- «Не угаснет надежда» (All Is Lost) (2013), приключенческая драма.

Киноназвания дают богатый материал для размышлений о языковом вкусе и о языковой моде. Прокомментируем их. Как очевидно из практического материала, соотношение плохого и хорошего в когнитивных установках переводчиков находится в пропорции 9:1. По мнению автора статьи, так подтверждена тенденция русского перевода видеть негатив, а не позитив, что и отображено в названии представляемой публикации. Выделяется ряд фильмонимов-перевертышей: «Жизнь хуже обычной» (Less Ordinary Life), «Идеальная западня» (Welcome Home), «Игра без правил» (Fair Game). Здесь обычная жизнь подается как нечто худшее, дом представлен как место опасное, а справедливая игра оборачивается несправедливой. Языковая игра остается без внимания и адекватной передачи в названии «Друзья до смерти» (Death Clique). А количественные параметры не соблюдены в названии аудиовизуального произведения «Кое-что на день рождения» (All I Wish), подразумевается, что герой недополучает желаемого.

Добавим, что общая тенденция смены оценочности кинонаименований обусловлена культурной спецификой нации и не могла не отразиться на тематике фильмов и способе их именования. Социологи и социолингвисты давно отмечают, что для англичан характерны ирония, парадокс, каламбур, для американцев – деловитость, эксцентризм и эпатаж, для французов – эстетизм, гурманство, аллюзийность, для русских – категоричность, эксплицитность, для немцев – терпеливое отношение к созидательному труду, любовь к порядку, преданность власти, негативное отношение к воровству и коррупции.

Концепт «позитивное мышление» занимает одно из ведущих мест в концептосфере и языковом сознании жителей Соединенных Штатов [23]. В чем же причина негативизма

русских переводов? Мы полагаем, что негативизм напрямую связан с явлением мейнстриминга, нацеленного на общее занижение зрительской планки интересов. В. И. Карасик отмечает, что признаки вырождения культуры – это интерес к низким темам еды, потребления и плотских утех, уже звучавшие в разрушенной варварами Римской империи. Среда мейнстриминга – современные средства массовой информации, атрибуты мейнстриминга – агрессия, гедонизм и гурмания и эти черты активно тиражируют массмедиа (с некоторым смещением акцента на увлечение диетами). Мейнстриминг приводит к общему падению уровня морали населения. Массив современных киноназваний создает особый диалект кинорынка, во многом искусственно занижая потребительскую планку предпочтений. Это предполагает не только унификацию, но и упрощение, выравнивание вершин и впадин, поглощение и исчезновение, что в свою очередь ведет к росту одиночества человека, к «синдрому социальной смерти» [24].

Заключение. Подытоживая, отметим, что локализация аудиовизуальных произведений на российской почве носит ассиметричный характер, трансформирующий фильм в ходе переводческой транскреации и реконцептуализации с большой долей структурных, семантических, информационных и прагматических потерь и добавлений и выдающий на выходе неравноценное исходному наименование кинофильма. В чем же состоит та трансформация сознания, которая заявлена в заголовке статьи? Существующее в английском кинословаре понятие «подготовленный зритель» подразумевает армию преданных фанатов, готовых к просмотру каждой очередной части полюбившейся им франшизы. Чтобы воспитать такую категорию, следует быть максимально честным в переводе; перевод должен ценить творческие находки и не держать зрителя за низкоинтеллектуального индивида, которому все требуется пояснять, которого следует страшить и вгонять в депрессивные состояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
2. Мур Дж. Принципы этики / пер. с англ. Л. В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984.
3. Никитевич В. М. К вопросу о категории оценки в русском языке // Филол. науки. 1960. № 3. С. 10–17.
4. Петровский А. В. Общая психология. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1976.
5. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. М.: Изд-во ИКАР, 1997.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
8. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
9. Иванов Л. Ю. Текст научной дискуссии: дейксис и оценка. М.: НИП «2Р», 2003.
10. Boucher D. J., Osgood Ch. The Pollyanna Hypothesis // J. of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1969. Vol. 8, iss. 1. P. 1–8. DOI: 10.1016/S0022-5371(69)80002-2.
11. Wierzbicka A. Ethno-Syntax and the Philosophy of Grammar // Studies in Language. 1979. Vol. 3, iss. 3. P. 313–383. DOI: <https://doi.org/10.1075/sl.3.3.03wie>.
12. Быкова О. И., Владимирова О. В. «Порицание» как особый тип экспрессивного дестабилизирующего текста в немецком и русском языках // Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков: тез. докл. науч. конф., Воронеж / Воронежский ун-т. Воронеж, 1998. С. 25–26.

13. Серова И. Г. Неявно выраженная оценка в семантической структуре английского стилистически маркированного глагола (о преподавании лексики на старших курсах языкового факультета) // Внедрение лингвистической теории в практику преподавания иностранных языков: межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 1990. С. 46–53.
14. Акопян К. В. Прилагательные со значением ментальности в системе английского и русского языков (структурный и когнитивный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Военный ун-т. М., 2005.
15. Батыршин И. З., Шустер В. А. Структура семантического пространства словесных оценок поступков // Принципиальные вопросы теории знаний: труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1984. С. 20–42 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 688).
16. Ягубова М. А. Лексико-семантическое поле «Оценка» в русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1992.
17. Гаврилова Е. Д. О межкультурном аспекте оценочного значения // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 46–49.
18. Кирсанова Н. Е. Проблема выбора косвенного имени в речевом общении: Семиотико-культурологический, социолингвистический и тендерный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / ИвГУ. Иваново, 2003.
19. Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтера. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
20. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. А. Татлыбаевой. СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
21. Berlyne D. E. A theory of human curiosity // British J. of Psychology. 1954. Vol. 45, iss. 3. P. 180–191. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1954.tb01243.x>.
22. Шарандина Н. Н. К вопросу о переходе имен собственных в нарицательные в воровском языке // VIII Державинские чтения: филология и культура. 2003. С. 69–70.
23. Карпова И. А. Лингвокультурологический концепт «позитивное мышление» в работах американских социальных психологов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МПГУ. М., 2005.
24. Бирюкова М. А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур // Филос. науки. 2001. № 1. С. 33–42.

Информация об авторе.

Панкратова Светлана Анатольевна – доктор филологических наук (2014), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, ул. Правды, д. 13, Санкт-Петербург, 191119, Россия. Автор 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная теория метафоры, эвристика, прагматика речевого манипулирования, кино и перевод. E-mail: svetpankrat@yandex.ru

REFERENCES

1. Ivin, A.A. (1970), *Osnovaniya logiki otsenok* [The basis of the logic of estimates], Publishing House of Moscow University, Moscow, USSR.
2. Moore, G.E. (1984), *Principia Ethica*, Translated by Konovalova, L.V., Progress, Moscow, USSR.
3. Nikitevich, V.M. (1960), "To a question on a rating category in Russian", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 3, pp. 10–17.
4. Petrovskii, A.V. (1976), *Obshchaya psikhologiya* [General psychology], 2nd ed., Prosveshchenie, Moscow, USSR.
5. Pisanova, T.V. (1997), *Natsional'no-kul'turnye aspekty otsenочноi semantiki: esteticheskie i eticheskie otsenki* [National-cultural aspects of evaluative semantics: aesthetic and ethical evaluations], Moscow, Izd-vo IKAR, RUS.
6. Teliya, V.N. (1996), *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, RUS.

7. Wolf, E.M. (1985), *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Evaluation Semantics], Nauka, Moscow, USSR.
8. Arutyunova, N.D. (1988), *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka, sobytie, fakt* [Types of language values: Assessment, event, fact], Nauka, Moscow, USSR.
9. Ivanov, L.Yu. (2003), *Tekst nauchnoi diskussii: deiksis i otsenka* [Text of the scientific discussion: deixis and assessment], NIP "2R", Moscow, RUS.
10. Boucher, D.J. and Osgood Ch. (1969), "The Pollyanna Hypothesis", *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, vol. 8, iss. 1, pp. 1–8. DOI: 10.1016/S0022-5371(69)80002-2.
11. Wierzbicka, A. (1979), "Ethno-Syntax and the Philosophy of Grammar", *Studies in Language*, vol. 3, iss. 3, pp. 313–383. DOI: <https://doi.org/10.1075/sl.3.3.03wie>.
12. Bykova, O.I. and Vladimirova, O.V. (1998), ""Reprimand" as a special type of expressive destabilizing text in German and Russian", *Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo izucheniya germanskikh, romanskikh i slavyanskikh yazykov* [Actual problems of the comparative study of Germanic, Romance, and Slavic languages], Scientific Conference, Voronezh, RUS, pp. 25–26.
13. Serova, I.G. (1990), "An implicit assessment in the semantic structure of an English stylistically marked verb (on the teaching of vocabulary in senior courses of the language faculty) ", *Vnedrenie lingvisticheskoi teorii v praktiku prepodavaniya inostrannykh yazykov* [The introduction of linguistic theory in the practice of teaching foreign languages], Tambov, pp. 46–53.
14. Akopyan, K.V. (2005), "Adjectives with the meaning of mentality in the system of English and Russian languages (structural and cognitive aspect) ", Abstract of Can. Sci. (Ling.) dissertation, Military University, Moscow, RUS.
15. Batyrshin I.Z. and Shuster, V.A. (1984), "The structure of the semantic space of verbal assessments of actions", *Printsipial'nye voprosy teorii znaniy: trudy po iskusstvennomu intellektu. Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Fundamental questions of the theory of knowledge: works on artificial intelligence. Scientific notes of the Tartu State University], iss. 688, pp. 20–42.
16. Yagubova, M.A. (1992), "The lexical-semantic field "Assessment" in Russian colloquial speech", Abstract of Can. Sci. (Ling.) dissertation, SSU, Saratov, RUS.
17. Gavrilova, E.D. (2009), "About Intercultural Aspect of Estimating Value", *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 1 (3), pp. 46–49.
18. Kirsanova, N.E. (2003), "The problem of choosing an indirect name in speech communication: semiotic-cultural, sociolinguistic and gender aspects", Can. Sci. (Ling.) Thesis, IvSU, Ivanovo, RUS.
19. Vilyunas, V.K. and Gippenreiter, Yu.B. (ed.) (1984), *Psikhologiya emotsii. Teksty* [Psychology of emotions. Texts], House of Moscow University, Moscow, USSR.
20. Izard, C.E. (2000), *The Psychology of Emotions*, Transl. by Tatlybaeva, A., Piter, SPb., RUS.
21. Berlyne, D.E. (1954), "A theory of human curiosity", *British Journal of Psychology*, vol. 45, iss. 3, pp. 180–191. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.1954.tb01243.x>.
22. Sharandina, N.N. (2003), "On the question of the transition of proper names to common nouns in the thieves language", VIII Derzhavinskie chteniya: filologiya i kul'tura [Derzhavin readings: philology and culture], pp. 69–70.
23. Karpova, I.A. (2005), "Linguoculturological concept of "positive thinking" in the works of American social psychologists", Abstract of Can. Sci. (Ling.) dissertation, MSPU, Moscow, RUS.
24. Biryukova, M.A. (2001), "Globalization: Integration and Differentiation of Cultures", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 1, pp. 33–42.

Information about the author.

Svetlana A. Pankratova – Dr. Sci. (Linguistic) (2014), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint-Petersburg State Institute of Film and Television, 13 Pravda str., St Petersburg 191119, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: cognitive metaphor theory, heuristics, pragmatics of speech manipulative tactics, film and translation. E-mail: svetpankrat@yandex.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно «Правилам оформления» и «Структуре научной статьи»;
 - отдельный файл для каждого рисунка в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены согласно «Правилам оформления». Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и на английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 2003.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля – верхнее – 2.75 см, правое и левое 2.25 см, нижнее 2.5 см, верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (например: рис. 1, табл. 3). Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, а).

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

Заголовочная часть:

- УДК (выравнивание по левому краю);
- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора (-ов) полностью. инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);
- место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название статьи;
- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;
 - текст статьи;
 - приложения (при наличии);
 - список литературы (библиографический список);
 - авторская справка.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводится список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References).
- авторская справка.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтут гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко. Составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses.

Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например, «Обзор литературы» и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес вашей статьи. Однако, прежде чем выразить благодарность, необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается какая часть работы конкретным автором выполнена при подготовке и написании статьи).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список, который включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов) <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов: (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения об его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru

Редакторы: *Н. Ю. Меньшенина, Н. В. Кузнецова,
О. Н. Артунян*
Выпускающий редактор *Н. Ю. Меньшенина*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*
Перевод аннотаций *Н. В. Лютиковой*

Editors: *N. Yu. Men'shenina, N. V. Kuznetsova,
O. N. Artunian*
Publishing Editor *N. Yu. Men'shenina*
DTP Professional *E. A. Orlova*
Translation of annotations *N. V. Lyutikova*

Подписано в печать 28.04.20. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 12,43. Печ. л. 18,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 31.

Signed to print 28.04.20. Sheet size 60 × 84 1/8
Educational-ed. liter. 12,43. Conventional printed sheets 18,5. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 31

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56